

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ –
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ СОРОК ПЕРВЫЙ
2022

Дорогие наши читатели! «Исторический вестник»
продолжает свою работу. Мы благодарны вам
за неослабевающий интерес к нашему журналу,
надеемся и впредь радовать вас новыми
открытиями и уникальными публикациями.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ СОРОК ПЕРВЫЙ

МОСКВА, 2022

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 21.09.2022 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 16,25. Заказ № 112692.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2022

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- И.Я. Кереметский**
зам. главного редактора, художественный редактор
- К.А. Давыденко**
технический редактор
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь
- Т.И. Маляренко**
корректор

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн**
научный сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель директора Института российской истории РАН

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov**
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy**
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Kseniya A. Davydenko**
Technical Editor
- Todd Lefko**
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya**
Academic Secretary
- Tatyana I. Malyarenko**
Proofreader

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov**
Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun**
Research fellow at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman**
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy**
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

- С.В. Девятков**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- Л.Ф. Кацис**
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теологии иудаизма, библеистики и иудаики РГГУ, заведующий Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ИФИ РГГУ
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

- Sergey V. Deviatov**
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov**
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor**
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Leonid F. Katsis**
Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the Educational and Scientific Center of Biblical Studies and Judaica, Head of the Scientific Research Laboratory of Mandelstam Studies of the Russian State University for the Humanities
- Svetlana A. Kirillina**
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin**
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Grigoriy N. Lanskoj**
D.Sc.(History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

А.В. Марей

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес

профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе

С.В. Орлов

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова

Д. Панатери

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, академик РАН

А.Э. Титков

кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

А.А. Улунян

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Я.М. Хамеен-Анттила

профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

В.В. Хутарев-Гарнишевский

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

Alexander V. Marey

Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Stepan V. Orlov

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty

Daniel Panateri

D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences

Alexey E. Titkov

Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter

Arutyun A. Ulunyan

D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute

Jaakko Markus Hämeen-Anttila

Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

Vladimir Hutarev-Garnishevsky

Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! Десять лет назад, осенью 2012 года вышел первый номер возрожденного журнала «Исторический вестник». Десять лет — немалый срок для издания. За эти годы мы прошли не всегда простой, но очень интересный путь, сформировали уникальную творческую команду, заняли достойное место среди ведущих отечественных научных исторических изданий. За прошедшие со дня выхода первого номера годы подготовлен и опубликован значительный массив источников и материалов по отечественной и мировой истории, опубликованы тематические исследования, охватывающие крупные проблемные пласты и временные промежутки от античности и до наших дней. В журнале публикуются как маститые российские и зарубежные историки, так и молодые специалисты, только начинающие свой путь в науке. Мы гордимся составом нашей редакционной коллегии, который без преувеличения можно назвать уникальным и блестящим. История нашего издания продолжается, и мы сделаем все возможное для того, чтобы «Исторический вестник» и дальше продолжал эффективно служить российской науке и нашей стране.

Знаковым событием, итогом общих усилий авторов, редакционного совета и редколлегии журнала стало включение «Исторического вестника» в список изданий, признанных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации. Здесь хотелось бы подчеркнуть роль высокого попечения со стороны Российского исторического общества, а также значимость деятельной поддержки академиков РАН А.О. Чубарьяна и Е.И. Пивовара. Особые слова благодарности хочется сказать руководству группы компаний «Никохим» за понимание и многолетнюю помощь. Позволю себе от имени всех своих коллег и единомышленников отдать общий низкий поклон нашим прекрасным авторам, бескорыстно делившимся с журналом своими идеями и уникальными находками. Без вас, дорогие коллеги, «Исторический вестник» не прожил бы и дня.

Сорок первый номер журнала является общеисторическим. Он довольно разнообразен по тематике. Его открывает статья Н.Н. Петрухинце-

ва о Великом посольстве Петра I, в которой автор приходит к выводу о том, что «итогом Великого посольства стал не рост симпатий царя к Европе, а откровенное разочарование в принципах европейской политики и в отношениях к России целого ряда европейских стран». В результате этого знаменитого «турне» русский царь избавился от многих иллюзий в отношении Европы и получил первый урок реальной политики. Тем самым развеивается достаточно прочно укоренившееся в исторической традиции мнение, что молодой царь вернулся из поездки еще более «очарованным Европой». Следующая в рубрике статья А.В. Венкова также посвящена отечественной истории. В ней рассматривается возникновение во второй половине XVIII в. донского генералитета, как следствие интеграции донских казаков в государственную и военную структуру Российской империи.

Советскому периоду нашей истории посвящены статьи С.М. Исхакова и В.А. Невежина. В статье С.М. Исхакова приводятся новые данные о деятельности в эмиграции в 1920–1930-х гг. известного крымско-татарского деятеля Дж. Сейдамета, а также освещаются некоторые аспекты, связанные с национальным вопросом в Крыму в те годы. Работа В.А. Невежина посвящена реакции руководства СССР на полет в Англию Р. Гесса в контексте взаимоотношений советского государства с Германией и Великобританией накануне Великой Отечественной войны. Вопросы Всеобщей истории представлены в статье Г.Н. Ланского, которая посвящена истории России как объекту глобального методологического изучения. В ней рассматриваются тенденции и принципы, проявляющиеся при изучении российской истории как в западной науке, так и в отечественной. Традиционно наш журнал обращается к восточной тематике. На этот раз она представлена работой Д.Е. Мишина «Взаимное восприятие арабов и персов в доисламскую эпоху».

Рубрика «IN MEMORIAM» посвящена памяти двух выдающихся российских ученых — Ю.М. Кобищанова и М.С. Мейера.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

Dear Readers! It was ten years ago, in the fall of 2012, that the first issue of the relaunched *Historical Reporter* came out. Ten years is quite a feat for any journal. Over these years, we have come a long way, one that was not always easy, but never dull. We have established a team of talented authors and taken our rightful place as one of Russia's leading journals on historical science. Since the first issue, we have compiled and published a vast array of sources and studies on Russian and global history, covering virtually all issues and timelines from classical antiquity to the present day. The journal features papers both by prominent Russian and foreign historical scholars and by younger authors who are just beginning their scholarly careers. Our editorial board is comprised of exceptionally brilliant and unique individuals, and we are proud of each and every one of them. Our journal lives on and we will do everything necessary to keep the *Historical Reporter* serving Russia and its science.

The *Historical Reporter* was listed among the journals recognized by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. This is a milestone event, a culmination of the joint efforts of our authors, editors and the editorial board. Here we would like to thank the Russian Historical Society, for their patronage, as well as the RAS members Alexander O. Chubarian and Efim I. Pivovarov for their active support. We would also like to say a special thank you to the Nikokhim Group leadership for their understanding and many years' worth of assistance. On behalf of all my colleagues and like-minded people, I would like to express my deepest gratitude to our wonderful authors, who have contributed their ideas and unique findings to the journal. Without you, dear colleagues, the *Historical Reporter* would not have lasted a single day.

This 41st issue of the journal is dedicated to a great variety of topics on general history. It opens with a study on the Grand Embassy of Peter the Great by Nikolai N. Petrukhintsev. The author concluded that the «Grand Embassy resulted not in the Tsar's growing affection for Europe,

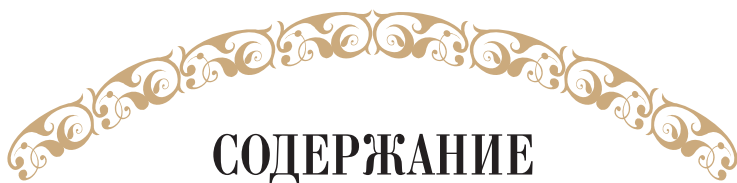
but in an outspoken disappointment in European political principles and in the attitude of several European countries toward Russia». This famous tour freed the Tsar from many illusions about Europe and gave him his first lesson in politics. The study hereby dispels the belief that the young Tsar returned from his travels all the more «enchanted by Europe» – a myth that firmly entrenched itself in our historical tradition. The following study by Andrei V. Venkov also focuses on national history. It examines the formation of the Don Cossack Generalship in the second half of the 18th century, resulting from the incorporation of the Don Cossacks into the political and military structure of the Russian Empire.

Studies by Salavat M. Iskhakov and Vladimir A. Nevezhin focus on the Soviet period of our history. Salavat M. Iskhakov's paper presents new data on the 1920–1930s activities of Cafer Seydamet, a famous Crimean Tatar public figure and an emigrant. Moreover, it highlights some aspects of the ethnic and national issues in Crimea during those years. The study by Vladimir A. Nevezhin examines the reaction of the Soviet leadership to the flight of Rudolf Hess to Great Britain, taken in the context of the relationship between the USSR, Germany, and Great Britain just before the hostilities on the Eastern Front of WW2 began. Gregory N. Lanskoj's study on World History examines the history of Russia as an object of global methodological research. It explores the trends and concepts that manifest themselves in research into Russian history done by both Western and Russian scholars. As is the tradition, the journal also touches upon Oriental topics. This time, it is represented by Dmitri E. Mishin's paper, entitled Mutual Perception of Persians and Arabs in the Pre-Islamic Era.

The IN MEMORIAM section is dedicated to two outstanding Russian scientists, Yuri M. Kobishchanov and Mikhail S. Meyer.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Н.Н. Петрухинцев.** Великое посольство как часть «восточного проекта» Петра I и внешнеполитический кризис 1698 г. 14
- А.В. Венков.** Возникновение донского генералитета.
Вторая половина XVIII в. 62

СОВЕТСКАЯ ХРОНИКА

- С.М. Исхаков.** Дж. Сейдамет — политэмигрант в Европе
(1920–1930-е гг.) 78
- В.А. Невежин.** Реакция советского руководства на полет Р. Гесса
в Англию (май–июнь 1941 г.) 96

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Г.Н. Ланской.** История России как объект глобального
методологического изучения: направления научного восприятия. . 118
- Д.Е. Мишин.** Взаимное восприятие арабов и персов
в доисламскую эпоху 134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- В.Ж. Цветков, Л.И. Будченко, Ю.Ф. Болдырев,
О.А. Калашникова, Н.А. Насонова, Е.Л. Копченова,
Н.Г. Бесплеменная, О.В. Никонова.**
«Гражданская война в Царицыне: 1918–1920 гг.».
Волгоград: Принт, 2021. 300 с. 154

IN MEMORIAM

- Т.Ю. Кобищанов.** Переосмысливая формации и цивилизации.
Памяти Ю.М. Кобищанова 160
- Ю.М. Кобищанов.** Теория большой феодальной формации 168
- С.А. Кириллина, П.В. Шлыков.** Исследования вакфов в мировой османистике и вклад в изучение профессора М.С. Мейера 200
- М.С. Мейер.** Роль вакфов в развитии городов Османской империи
в XV–XVI вв. 226

НАМ ПИШУТ

- Ю.А. Осипов.** К истории образа Божией Матери «Торопецкая» .. 248

CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

RUSSIAN HISTORY

- Nikolay N. Petruhintsev.** The Grand Embassy of Peter the Great
as part of the «Eastern Project» and foreign policy crisis of 1698 14
- Andrey V. Venkov.** The emergence of the Don generals 62

SOVIET CHRONICLES

- Salavat M. Iskhakov.** Cafer Seydamet — political exile
in Europe (1920–1930) 78
- Vladimir A. Nevezhin.** Reaction of the Soviet Leadership to
Rudolf Hess's Flight to England (May–June 1941) 96

GENERAL HISTORY

- Grigoriy N. Lanskoj.** History of Russia as an object of global
methodological study: directions of scientific perception 118
- Dmitry E. Mishin.** Mutual Perception of Persians and Arabs
in the Pre-Islamic Era. 134

SCIENTIFIC LIFE

- V.Zh. Tsvetkov, L.I. Budchenko, Yu.F. Boldyrev,
O.A. Kalashnikova, N.A. Nasonova, E.L. Kopchenova,
N.G. Besplemennova, O.V. Nikonova.**
«Civil War in Tsaritsino 1918–1920». Volgograd:
Print, 2021. 300 pp. 154

IN MEMORIAM

- Taras Y. Kobishchanov.** Rethinking Formations and Civilizations.
In Memory of Yuri M. Kobishchanov 160
- Yuri M. Kobishchanov.** The Theory of the Great Feudal Formation .. 168
- Svetlana A. Kirillina, Pavel V. Shlykov.** Waqfs in the International
Ottoman Studies and Professor Mikhail Meyer's Contribution
to the Field 200
- Mikhail S. Meyer.** The Role of Waqfs in the Development
of the Ottoman Cities in the 15th–16th Centuries 226

OUR POST

- Yuri A. Osipov.** On the history of the «Toropetsk'» Icon
of the Mother of God 248

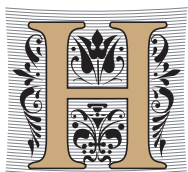

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.001

Н.Н. Петрухинцев

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО КАК ЧАСТЬ «ВОСТОЧНОГО ПРОЕКТА» ПЕТРА I И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1698 г.*

Несмотря на обширнейшую литературу о Великом посольстве¹ трактовки его целей и задач до сих пор остаются не вполне ясными.

Основной причиной этого является восприятие Петра I как изначально и до конца «европейски ориентированного» государя, предпринявшего масштабное путешествие едва ли не исключительно с любознательной целью знакомства с Европой и «ученичества у нее» — как своего рода «очарованного странника», вернувшегося из Великого посольства еще более «очарованным Европой», что запустило на полную мощь механизм «европеизации» и «модернизации» России и привело к резкой интенсификации первой стадии Петровских реформ, пришедшейся приблизительно на 1696–1707 гг.²

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42048

¹ Обзор основных точек зрения и литературы о посольстве в конечном счете вылился в солидную монографию Д.Ю. и И.Д. Гузевичей, содержащую обширнейшую библиографию работ по истории Великого посольства: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство: рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698.* СПб, 2008.

² Автор отдает себе отчет, что эти хронологические границы дискуссионны, можно спорить как о начальной, так и о конечной дате этого первого этапа реформ.

Петр I. Гравюра Т. Валена по оригиналу Т. Кнеллера. После 1697г.

Логическим следствием этого стереотипного взгляда являются: 1) представления о Великом посольстве как своего рода вызванном любопытством затянувшимся «туристическом турне» по Европе; 2) довольно распространенное мнение о быстрой переориентации Петра на «европейский» театр международной политики в ходе посольства; 3) недооценка связи Великого посольства с внешнеполитическим курсом России последней четверти XVII в. и с Русско-турецкой войной 1686–1700 гг.; 4) недооценка внутренней драматургии и кризисных аспектов Великого посольства, степени его психологического влияния на молодого Петра, на формирование его как личности и как государственного деятеля.

Общие (а также первое) направления в трактовке Великого посольства были во многом сформированы современниками и даже прямыми участниками событий. Последние оценивали (в том числе и с русской стороны, как П.П. Шафиров) почти два десятилетия спустя прежде всего его «долговременные» результаты: «...Петр Первый побужден острым и от природы просвещенным своим разумом и новожелательством видеть Европейские политизованные (обученные) Государства, которых ни он, ни предки его ради необыкновения в том по прежним обычаям не видали, дабы при том, получа искусство очевидное, по том по прикладу оных, свои пространные Государства, как в политических, так и в воинских и протчих поведениях учредить мог...»³. Преувеличенная концен-

³ Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 г. имел. М., 2008. С. 33.

трация внимания на нанесенной лично русскому государю «рижской обиде» и на якобы изначальной враждебности Швеции к нему, проявленной уже в 1697–1698 гг., использованные П.П. Шафировым в том же «Рассуждении...» для пропагандистского обоснования «новых причин» к началу Русско-шведской войны⁴, стали одним из источников второго подхода в трактовке — убеждения в быстрой переориентации Петра с «восточного» на северное «европейское» направление в ходе посольства, которое в советской историографии было наиболее рельефно выражено В.Е. Возгриным⁵.

Однако ретроспективные оценки (даже оценки современников), данные исходя из не всегда соответствующих планируемыми обозначившихся на практике реальных результатов исторического процесса, к тому же основанные на существенно изменившемся за эти два десятилетия представлении о месте и роли России и ее царя в мировой политике, далеко не всегда объективно отражают действительный ход событий и оставляют «в тени» целый ряд не слишком удачных его этапов, о которых их участники предпочли бы забыть.

Одним из ближайших следствий этого стала прочно укоренившаяся историографическая традиция к ощутимому искажению целей Великого посольства и явная недооценка его «восточных» аспектов, а также игнорирование того факта, что Великое посольство, по сути, являлось частью «восточного проекта» Петра I.

* * *

«Восточный проект» Петра I (1695–1712 гг.) — сложный и долговременный комплекс внешне- и внутривосточных мероприятий, оказавший огромное влияние на начальный этап петровских реформ и пока существенно недооцененный в историографии. Об отдельных его аспектах автору приходилось писать ранее⁶, а более детально его анализу, надеемся, будет посвящена отдельная статья.

⁴ Там же. С. 33–39.

⁵ *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.

⁶ *Петрухинцев Н.Н.* Два флота Петра I: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 117–128; *Petrukhintsev N.N.* The Baltic Strategy of Peter the Great // *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16 bis 20. Jahrhundert) / Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte.* Band 22 / Böhlau Verlag. Wien — Köln-Weimar. 2012. S. 169–189.

Великий царь Московский. Гравюра Р. Уайта. 1698 г.

При характеристике эпохи Петра Великого слишком часто проводится резкая грань между XVII и XVIII вв., подчеркивающая роль Петра как абсолютного новатора, коренным образом порывающего с традицией предшествующего развития России. Грань эта, к сожалению, мешает восприятию преемственности с предшествующим периодом в оценке многих важных аспектов его внешне- и внутривосточного курса, искусственно разрывая живую «связь времен». Поэтому так важен анализ «восточного проекта» Петра I, являющегося связующим звеном между веками и эпохами.

Оценивая деятельность и планы Петра, не следует забывать, что он рос и формировался в атмосфере сложившегося в последней трети XVII в. внешнеполитического курса России, нацеленного на упрочение влияния на Украине и на дальнейшее продвижение на юг, что привело к столкновению с могущественной тогда Турцией, вылившемуся в две масштабные Русско-турецкие войны 1672–1681 и 1686–1700 гг. Детство Петра пришлось на годы первого военного конфликта, а юность — на начало второго: он рос в обстановке разговоров и слухов о войне, мог видеть торжественные церемонии выступления войск в походы. Детские «потешные» военные игры Петра I, красочно охарактеризованные М.М. Богословским⁷, объяснялись отнюдь не какими-то особыми

⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. I. М., 1940. С. 19–20, 32–33, 56–62.

ранними «милитаристскими» наклонностями ребенка и не только традициями «военного» воспитания, издавна характерными для русских государей и военизированного русского дворянства в целом, но и той «военной» обстановкой, которая царила вокруг подрастающего царя.

Поэтому «восточный курс» России, нацеленный на дальнейшее продвижение на юг, разделяемый значительной частью русской элиты и почти буквально «впитанный с молоком матери», не мог не оказывать влияния на молодого царя. Он был одним из важных мотивов, которые в конечном счете привели в 1690-е гг. к активизации Русско-турецкой войны, ставшей мощным стимулом к постепенному оформлению «восточного проекта» Петра I. Влияние русско-турецкой войны 1686–1700 гг. — масштабного 13-летнего военного конфликта, одной из трех «больших войн» России второй половины XVII в. — на развитие страны и русского общества в полной мере начинает осознаваться лишь в последние десятилетия, когда благодаря новым исследованиям⁸ эта «неизвестная война» постепенно начинает выходить «из тени».

С «петровской» фазой Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. оказались связаны две начальные стадии планирования и реализации «восточного проекта» Петра I, фактически ставшего логическим продолжением предшествующего внешнеполитического курса России. Петр вступил в свой «восточный проект» и с традиционными средствами — с модернизированной в ходе военных реформ его отца, Алексея Михайловича, полумилиционной «гибридной» (сочетающей европеизированные начала с основами поместной военной организации) сухопутной армией⁹, вынесшей на себе основную тяжесть Русско-польской и двух

⁸ *Stevens Carol Belkin. Soldiers on the Steppe. Northern Illinois University Press. DeKalb. 1995; Stevens Carol Belkin. Russia's wars of emergence, 1460–1730. Harlow, 2007; Davies Brian L. Warfare, state and society on the Black Sea steppe, 1500–1700. London; New York, 2007. P. 175–187; Петрухинцев Н.Н. Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 г. СПб. 2019. С. 131–154; Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 // Российская история. 2020. № 6. С. 30–49.*

⁹ Характеристика этой армии: *Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 175–197; Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 18–34; Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единорог. Вып. 3. М., 2014. С. 90–136; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006; Курбатов О.А. Военные ре-*

Русско-турецких войн. Особенности этой армии ограничивали диапазон его возможностей.

Первая фаза «восточного проекта» Петра I (1695 г. — лето 1696 г.) была связана с возобновлением Русско-турецкой войны посредством активных операций сухопутной армии и не совсем справедливо ассоциирована исключительно с Азовскими походами Петра. К сожалению, операции этого этапа войны, требовавшие мобилизации всей военной структуры и огромной траты ресурсов страны, все еще нередко оцениваются как «младенческое играние» отнюдь не столь уж юного (23-24-летнего) Петра — как серия импровизаций, не имеющих определенного смысла и целей, что, конечно, далеко от действительности.

Уже на этом этапе, под влиянием негативного опыта начального периода войны (крымских походов В.В. Голицына 1687 и 1689 гг.) — и, возможно, даже не сразу до конца вполне осознанно — была выработана новая, более эффективная стратегия ведения войны. Она заключалась в отказе от «лобового» похода на Крым и в установлении силами сухопутной армии контроля над устьями крупнейших рек европейской степной зоны (Днепра и Дона). Контроль этот не только открывал выход к морям (Черному и Азовскому), но и позволял пресечь (или по крайней мере существенно ограничить) турецко-татарские коммуникации и возможности перебросить силы крымских, кубанских и ногайских татар за Днепр на центрально-европейский театр военных действий, а силы турок из Европы и правобережной Буджакской орды — на левобережье Днепра. Тем самым могла быть достигнута изоляция «взятого в клещи» Крыма, которая могла облегчить последующее овладение им¹⁰. Захват днепровских городков Б.П. Шереметевым (1695 г.) и взятие Азова (1696 г.) армией, в которой находился сам Петр, частично реализовали эти цели. Петр в грамоте от 11 июля 1696 г. венецианскому дожу Сильвестру Валерио, написанной еще до капитуляции Азова, констатировал, что уже военные операции 1695 г. «...врата и *свободной путь на Чорное море, Доном и Днепром, войска нашим отворили...*»¹¹ [здесь и далее курсив и выделения шрифтом мои — Н.П.].

формы в России второй половины XVII в. Конница. М.: Квадрига. 2017; Великанов В.С. К вопросу об организации и численности вооруженных сил Российского государства в 1699 г. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды четвертой Международной научно-практической конференции. Сб. ст. СПб, 2013. Ч. I. С. 335–350.

¹⁰ Подробнее: Петрухинцев Н.Н. Восточный вектор... С. 142–144.

¹¹ Письма и бумаги Петра Великого (далее — ПБПВ). Т. 1. СПб, 1887. С. 82.

Но и эта новая стратегия (реализованная только почти столетие спустя в ходе «екатерининской» Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и приведшая в 1775 г. к установлению контроля над Крымом, а затем и к прямому включению полуострова в 1783 г. в состав России) на практике столкнулась с огромными трудностями.

Во-первых, она привела к дроблению сил — Россия теперь должна была действовать двумя мощными военными группировками («днепровской» и «донской» армиями), что заставляло мобилизовать почти все основные ресурсы сложившейся военной структуры, периодически перераспределяя их между двумя театрами.

Во-вторых, полный контроль над устьем Днепра так и не был установлен (для этого следовало взять Очаков, что стало стратегической целью последующих походов «днепровских» армий¹²). И даже противодействие активным операциям не столь уж значительных турецких группировок, стремившихся прежде всего вернуть днепровские городки и выдернуть «днепровскую занозу» (объективно беспокоившую турок гораздо сильнее, чем взятый Петром Азов¹³), и сохранение городков за Россией требовали уже на этом этапе войны ежегодных походов как минимум 50–60-тысячных «днепровских» армий¹⁴ (почти эквивалентных по численности армии Карла XII времен похода на Россию). Походы эти мало чем отличались от «крымских походов» В.В. Голицына — это были длительные марши на почти столь же значительные расстояния¹⁵ по маловодной сухой степи, крайне тяжелые для «гибридной» военной структуры, каждый год мобилизуемой заново, все еще в значительной степени основанной на самоснабжении и все больше проявлявшей свою низкую эффективность на столь удаленных театрах с затягиванием войны.

В-третьих, уже фактически в момент взятия Азова Петр отчетливо осознал невысокую стратегическую ценность и установленного контроля

¹² Заруба В.Н. Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. С. 123.

¹³ По словам графа Кинского в январе 1697 г. посланнику К. Нефимонову (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. VII. СПб, 1864, Ст. 1250).

¹⁴ Багро А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 87, 94–95; Богословский М.М. Петр Великий. Материалы... Т. I. С. 278–279; Дворцовые разряды. Т. IV. СПб, 1855. Ст. 957–959.

¹⁵ Как и Крымские походы, это были марши почти до Перекопа — Таванская переправа находилась всего в одном дне пути от Крыма (Багро А.В. Указ. соч. С. 56).

над устьями Дона: «Воистинну двух времен прошедших труды, крови и убытки все положены, понеже ниже татаром походы, ниже салтану тягости единым точию взятием сей крепости учинить возможно, потому что из оной пешим людем татар перенять и поиски чинить не возможно, а конницы толикое число, еже бы довольно было вышеписанному делу, там держать невозможно»¹⁶ (то есть формальное овладение устьями Дона не пресекло возможностей переброски сил крымских и кубанских татар на другие театры и не создало значительных проблем для самой Турции).

Осмысление итогов реализации первой стадии «восточного проекта» и понимание невысокой эффективности даже этой новой стратегии в войне привели ко второй фазе «восточного проекта» Петра, в которой с гораздо большей силой проявилась его самостоятельная воля, приведшая в сочетании с недостаточной опытностью в военном деле и во внешней политике к ряду естественных и достаточно серьезных ошибок.

* * *

Вторая фаза «восточного проекта» Петра (конец лета 1696 г. — начало весны 1699 г.) пришлась на время завершения Русско-турецкой войны.

Петр I вовсе не желал, чтобы «двух времен прошедших труды, крови и убытки [были] все положены» и чтобы первый его самостоятельный проект был омрачен бесславным концом зашедшей в тупик войны («егда ниже конницею, ниже пехотою неприятеля воевать и держать возможно ... тогда не точию о погибели ево розмышлять, но ниже желаемого мира получитьи можем»¹⁷). Подобный финал, как прекрасно понимал царь, мог вдобавок спровоцировать серьезный внутриполитический кризис, подобный «послевоенным» кризисам 1682 и 1689 гг. Поэтому Петр снова сменил стратегию войны: «Ничто же лучше мню быть, еже воевать морем, понеже зело близко есть и удобно многократ, паче нежели сухим путем»¹⁸.

¹⁶ ПБПВ. Т.1. С. 111–112; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М.: Мысль, 1988. С. 521.

¹⁷ ПБПВ. Т. 1. С. 112.

¹⁸ Там же. С. 113.

Таким образом, вероятно, еще в лагере под Азовом в июле — начале августа 1696 г.¹⁹ было принято решение о смене стратегии в войне и стали вырисовываться основные контуры второй стадии «восточного проекта» Петра, окончательно оформленной по возвращении армии из второго Азовского похода осенью — зимой 1696 г., начиная с решений Боярской думы 20 октября — 4 ноября 1696 г. со знаменитой фразой «морским судам быть»²⁰.

В это время (до конца ноября и до Рождества 1696 г.) обрисовались основные пункты стратегического плана Петра на два-три ближайших года войны, реализующего новую стратегию войны и эту фазу «восточного проекта» Петра.

Он предполагал в первую очередь: 1) ускоренное, своего рода «залповое» строительство морского «азовского» флота и последующие активные операции его кораблями на Черном море; 2) укрепление Азова и обеспечение его безопасности силами Большого полка А.С. Шеина в 1697 г. и строительство гавани для флота в его окрестностях в районе будущего Таганрога²¹; 3) упрочение позиций на Днепре в районе завоеванных днепровских городков²², которые должны были стать базой для реализации незавершенной задачи овладения устьем Днепра путем взятия Очакова силами «днепровских» армий

¹⁹ Первая грамота о присылке 13 корабельных мастеров к венецианскому дожу была послана от имени Петра уже 11 июля (ПБПВ. Т. 1. С. 83–84); вторая грамота с просьбой об этом к дожу и венецианскому Сенату была отправлена 7 августа 1696 г. одновременно с грамотой, извещающей о взятии Азова (ПДС. Т. VII. Ст. 1201–1202; ПБПВ. Т. 1. С. 108–109), а русский посланник в Вене К. Нефимов говорил о мастерах с венецианским послом Рудзини уже 26 августа, затем 11 и 23 сентября, 14 и 21 октября 1696 г. (ПДС. Т. VII. Ст. 1345), т.е. задолго до официального оформления решения о строительстве флота Боярской думой. Д.Ю. Гузевич предположил, что недошедшее до нас письмо Л.К. Нарышкину, на основе которого была оформлена грамота венецианскому дожу от 11 июля о найме мастеров (ПБПВ. Т. 1. С. 581), было отправлено Петром еще 23 июня с галеры «Принципиум», и решение о строительстве флота было принято еще раньше (Гузевич Д.Ю. Итальянские мастера и первый массовый найм специалистов в петровскую эпоху, 1696–1699 г. // Вестник истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 109).

²⁰ «Статьи удобные, которыя принадлежат к взятой крепости или фартецыи от турок Азова» (ПБПВ. Т. 1. С. 111–113); *Богословский М.М.* Петр I. Материалы... Т. I. С. 357–360.

²¹ Указ 10 декабря 1696 г. о строении Таганрога и назначении к нему воеводой И.Е. Цыклера (Дворцовые разряды. Т. IV. Ст. 1023).

²² Указ 30 ноября 1696 г. об укреплении Казикермена и Тавани и назначении туда воеводой думного дворянина В.Б. Бухвостова (ПСЗ. Т. 3. № 1558; Дворцовые разряды. Т. IV. Ст. 1020–1021).

Я.Ф. Долгорукова в 1697–1698 гг.²³, в период отсутствия Петра в Великом посольстве.

Но главная роль теперь отводилась флоту, способному активно действовать на море против Турции.

Петр поставил задачу быстрого (к весне 1698 г., то есть в течение всего одного года) строительства достаточно мощного военно-морского флота первоначально из 58 судов и галер четырех различных рангов²⁴, что могло быть реализовано только путем «кумпанского» кораблестроения (т.е. возложения кораблестроительной повинности на население). Низкая реалистичность этого масштабного проекта строительства и последующего использования флота в воюющей стране, вероятно, была очевидна для части элиты и не могла не вызывать недовольства в ней.

Однако уже тот факт, что царю удалось провести через Думу решение о строительстве флота и добиться ее деятельного участия в его реализации, свидетельствовал об активной и самостоятельной роли Петра I в системе управления страной еще до отправления в Великое посольство. Несмотря на разногласия Петр, очевидно, был уверен в прочности своих позиций, в общей лояльности Думы, в контроле своих сторонников над ней — иначе не покинул бы воюющую страну на более чем годичный срок, возложив на думцев строительство флота и руководство продолжающимися масштабными военными операциями. Это удивляло европейских монархов — у бранденбургского курфюрста Фридриха III известие о том, что московский царь сам находится при посольстве, сначала «не встретило веры, и между прочим потому, что нельзя было предположить, чтоб царь при нынешних конъюнктурах и во время тяжелой войны с татарами уехал из своей земли и предпринял трудное путешествие»²⁵.

Таким образом, по возвращении из второго Азовского похода в голове Петра окончательно сложился амбициозный план форсированного продолжения Русско-турецкой войны масштабными операциями морского флота, который и стал основой второй фазы его «восточного проекта».

²³ Петрухинцев Н.Н., Никитина А.А. Последний натиск на степь в XVII столетии: военная кампания 1698 г. как финал «петровской войны» с Турцией // История: Факты и символы. 2020. № 4. 2020. С. 91–92.

²⁴ Шмурло Е.Ф. О военном флоте Петра I. Исторический архив. 1996. № 4. С. 4–7.

²⁵ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. II. М.; Л., 1941. С. 51.

Самому Петру, вдохновленному первыми опытами «потешного» кораблестроения на Плещеевом озере, в Преображенском и в Воронеже во время Азовских походов, поставленная им задача по строительству флота казалась вполне реальной. Но и он понимал ее объективные сложности: недостаток опыта, многих необходимых для флота материалов, полное отсутствие капитанов кораблей и даже обыкновенных матросов заставляли прибегнуть к традиционному для России XVII в. и неизбежному и необходимому в сложившейся ситуации средству — заказу материалов и найму иностранных специалистов за границей. При ограниченных средствах российского бюджета моряков, необходимых для боевого использования флота, намечаемого постройкой к весне 1698 г., надо было нанимать после окончания сезона плаваний поздней осенью — зимой 1697/98 г. преимущественно в Голландии. Там формировался самый широкий рынок подобных специалистов, и оттуда легче и дешевле всего было отправить их весной с караваном торговых кораблей на Архангельскую ярмарку или по Балтийскому морю в Нарву, чтобы они могли прибыть в Россию к лету 1698 г. и принять построенные суда, сформировав экипажи и обучив за оставшиеся полгода азам морского дела российских матросов.

Навыки капитанов кораблей за это время должны были приобрести представители «молодежной» части элиты — комнатные стольники Петра I, отправленные в страны Европы вовсе не для того, чтобы обеспечить лояльность остающихся и организующих строительство кораблей в «кумпанствах» их отцов — «консервативных бояр», а для обучения командованию кораблями и кораблевождению, выполняя попутно дипломатические поручения и оценивая ситуацию в странах — потенциальных союзниках в войне с Турцией. Об этом наглядно свидетельствует инструкция, написанная им: п. 2. «Владеть судном как в бою, так и в простом шествии, и знать все снасти, к тому надлежащие...»; п. 1. «Знать чертежи или карты морские, компас, также и протчие признаки морские...»; п. 3. «Сколко возможно искать того, чтоб быть на море во время бою, а кому и не лучится, ино с прилежанием искать того, как в тое время поступить»²⁶. Неслучайно число посылаемых стольников почти точно соответствовало первоначально

²⁶ ПБПВ. Т. 1. С. 117–118; 133–135; 150–153; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 58. Наглядное представление об их задачах дает опубликованный Т.А. Базаровой альбом петровского навигатора (Базарова Т.А., Копелев Д.Н. Альбом петровского навигатора. СПб, 2016).

планируемому (58) количеству кораблей: из 66 стольников, входивших в первоначальный список направляемых за границу, опубликованный Н.Г. Устряловым, намечалось отправить учиться непосредственно командованию кораблями в Италию — 39 чел., в Амстердам и Англию — 22 чел., т.е. в общей сложности 61 чел. (а точнее — 60, потому что входивший в их число бомбардир Иван Гумор (Гуморт, Гумерт) не принадлежал к стольникам); после выпадения из этого списка подвергшихся репрессиям накануне отправки посольства Ф.А. и В.А. Соковниных их число сократилось до 58²⁷. Характерно, что данные перед отъездом посольства мартовские «пункты» Лефорту, Головину и Возницыну²⁸, названные М.М. Богословским «настоящим действительным наказом» Великому посольству²⁹, предусматривали наем всего трех-четырёх капитанов кораблей, выросших исключительно из «матрозов»³⁰, что свидетельствовало о немного наивной надежде Петра на ускоренную подготовку капитанов из своих «волонтеров». Отряды этих «волонтеров» (даже тот, что был отправлен в Голландию и Англию, не говоря уже о «венедианском») действовали вполне самостоятельно, фактически независимо от собственно Великого посольства³¹, и отнюдь не находились за границей под непосредственным жестким контролем Петра, что опровергает версию об их «заложничестве».

Итак, флот даже по первоначальным планам Петра не мог быть готов к боевым действиям ранее лета — осени 1698 г.

Следовательно, ключевым звеном второй фазы «восточного проекта» Петра становился 1699 г.

Скорее всего, именно на этот год Петр планировал решающую кампанию войны, цели которой были амбициозны: овладение при помощи построенного флота окончательно «взятым в клещи» Крымом

²⁷ Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. II. С. 565. Остальные 6 стольников преимущественно входили в отряд волонтеров, находившихся непосредственно при Великом посольстве и при Петре и обучавшихся кораблестроению, а не кораблевождению.

²⁸ ПБПВ. Т. 1. С. 135–136.

²⁹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 10. Наказ этот явно недооценен А.Г. Гуськовым только на том основании, что он, по его мнению, известен лишь в единственном черновом экземпляре с правками (Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 110).

³⁰ ПБПВ. Т. 1. С. 135.

³¹ А потому, к сожалению, их деятельность (особенно «голландского») крайне плохо известна.

(или по меньшей мере Керчью, открывавшей доступ флота в Черное море, что тоже делало последующее завоевание Крыма лишь вопросом времени), а также выход русского флота на просторы Черного моря, который коренным образом менял место России в воюющей антитурецкой коалиции с «периферийного» на одно из центральных, резко увеличивая ее значение и вес в международной политике.

Не исключено, что в голове Петра с выходом флота на черноморские просторы связывались и более амбициозные надежды, подпитываемые легкомысленными советниками вроде «настоящего швейцарца по честности и храбрости и особенно по умению выпить»³² Ф. Лефорта. Они были озвучены Лефортом уже в самом начале путешествия во время недельного пребывания в Курляндии 14–20 апреля 1697 г. в беседе с курляндским бароном Бломбергом: *«Главная цель их путешествия — пригласить христианских государей продолжать войну против турок в надежде не менее, как на завоевание Константинополя»*³³. 27 июля 1697 г. в ответ на пожелания бранденбургской курфюрстины Софии-Шарлотты, *«...чтобы 75 строящихся кораблей выгнали Чалму из Константинополя»*, Петром «было сказано, что люди в этом ничего не могут, что это зависит от одного бога, у которого все волосы на наших головах сочтены»³⁴. В ставшем итогом пересказа ее бесед с Петром письме Лейбница 24 августа 1697 г. английскому епископу Бернету немецкий просветитель писал, что царь *«имеет намерение овладеть Черным морем»*³⁵. Косвенно те же мотивы звучат и в письме царя патриарху Адриану от 10 сентября 1697 г.: *«Мы... в городе Амстердаме ... трудимся, что чиним не от нужды, но ... ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ врагофъ имени Иисуса Христа победителями, а христиан, тамо будущицихъ, свободителями благодатию Его быть, чего до последнего издыхания пожелафъ»*³⁶. 5 октября 1697 г. Петр после получения письма А. Вейде с подробностями об австрийской победе при Центе столь же осторожно, как и в беседе с Софией-Шарлоттой, обнаруживал эти неясные надежды,

³² Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 39.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 120.

³⁵ Там же. С. 325.

³⁶ ПБПВ. Т. 1. С. 194. Хотя Петр и не упоминает здесь местоположение освобождаемых христиан, но фраза об обретении «морского пути» может косвенно свидетельствовать в пользу не Крыма, а, скорее, Константинополя.

передавая в письме А.А. Виниусу информацию Вейде о словах допрошенного австрийским генералитетом турецкого пашы, «...что де у них ныне есть такое пророчество, что в 1699 г. Царьгород взят будет от Рускихъ, о чем и преждъ сего слыхали, толко не отъ такихъ знатныхъ. В чемъ да будет воля господня, от которого победы происходят, и волею его высется и ни во что пременяются»³⁷. Таким образом, Петр здесь прямо связывал эти далеко идущие намерения с 1699 г.

Дата решающего этапа этой фазы «восточного проекта» — 1699 г. — зависела не только от времени готовности флота, но и от ее «дипломатической составляющей».

Отправленный в Вену еще до определения новой стратегии в войне после первого неудачного азовского похода в декабре 1695 г. посланник К. Нефимонов должен был избегать заключения долгосрочного военно-политического союза, ограничивая его двумя-тремя годами. Но Нефимонов после новых инструкций из Посольского приказа еще 7–14 ноября вел переговоры о семилетнем союзе или союзе с открытым сроком, не идя навстречу австрийцам, предлагавшим трехлетний союз. Даже на 9-й конференции 21 декабря 1696 г. он все еще настаивал на этом варианте, еще 26 декабря откладывая подписание союза с просьбой «пообождать» указа своего государя³⁸. Подготовленные, судя по всему, самим Петром, внимательно следившим за переговорами Нефимонова и регулярно знакомившимся в Преображенском с отчетами о них³⁹, «статьи» 8 декабря 1696 г., пересланные царем через А.А. Виниуса в Посольский приказ, напоминали посланнику о первоначальном наказе вести переговоры на условиях двух-трехлетнего союза («а буде с цесарской стороны заупрямятся и учнут просить болши трех лет, и ему по крайнему намерению учинить союз на 7 лет»). Автор статей выговаривал К. Нефимонову за замедление в подписании предложенного австрийской стороной трехлетнего союза, предписывая скорее заключить его («и он бы на три лета союз с цесарем и венетами постановлял, не описываясь и не отлагая болши того, и как скоро возможно соверша, ехал к Москве», ни в коем случае не перелагая дело заключения союзного договора на

³⁷ ПБПВ. Т. 1. С. 202. Само сообщение Вейде может свидетельствовать о том, что в узком кругу соратников Петра подобные перспективы обсуждались еще до отправления Великого посольства.

³⁸ ПДС. Т. VII. Ст. 1237–1238; 1241–1242.

³⁹ Там же. Ст. 1210, 1221, 1224, 1232, 1239, 1248, 1257, 1260.

отправляемое в Россию австрийское посольство, что могло затянуть переговоры⁴⁰).

Однако тем самым перед отъездом в Великое посольство Петр поставил свой проект в жесткий цейтнот: последним годом действия еще не подписанного, но уже почти оформленного союза становился 1699 г., что тоже диктовало проведение решающей военной кампании с участием флота именно в этом году.

Вместе с тем ее успех зависел от множества факторов (степени готовности флота к этому времени, решимости союзников продолжать войну, общей международной обстановки, внутренней ситуации в России, результатов военных кампаний 1697 и 1698 гг.), что делало перспективы кампании 1699 г. крайне зыбкими. Одной решающей кампании для успеха войны могло не хватить — этого, вероятно, не мог не сознавать и сам Петр, что ставило вопрос об активной и оперативной дипломатии в течение ближайших двух-трех лет с учетом меняющейся конъюнктуры, и даже о возможной пролонгации антитурецкого союза для реализации его «восточного проекта».

Таким образом, вторая фаза «восточного проекта» Петра, рассчитанная на реализацию новой стратегии в Русско-турецкой войне, становилась подогретым молодым честолюбием первым личным масштабным реформаторским проектом царя, в успехе которого Петр был кровно заинтересован. Петр начал вкладывать в него значительные ресурсы и средства и понимал, насколько он обременителен для страны в условиях продолжающейся масштабной войны, а также насколько его неуспех может повлиять на исход самой войны и на отношение населения к самому государю.

Неизбежная двухлетняя «пауза» до начала решающей активной кампании 1699 г. оставляла царю достаточно времени для мероприятий, обуславливающих, по его мнению, успешную реализацию проекта — для его 1) дипломатического обеспечения и 2) материального снабжения всем необходимым для завершения строительства и боевого использования «азово-черноморского» флота.

Все это предопределило отправление в Европу Великого посольства, ставшего органической составной частью второй фазы «восточного проекта» Петра I. Петра влекло в Европу не простое любопытство, а прозаичная и трезво-прагматичная цель — своим личным участием создать условия для реализации своего первого масштабного проекта и нового

⁴⁰ Там же. Ст. 1224–1225.

плана ведения Русско-турецкой войны и попутно ознакомиться с европейскими порядками, взглянуть на себя и свою страну со стороны, «чужими глазами» в ходе приобретения практического опыта европейской дипломатии непосредственно в сердце Европы. Еще одной целью была организация строительства и боевого использования собственного военно-морского флота, а также знакомство с технологиями, стратегией и тактикой, инфраструктурой, обеспечивающими военно-морской флот ведущих европейских держав. Вторая цель была одной из ключевых — неслучайно во главе посольства стали формальный глава флота со времен второго Азовского похода адмирал Франсуа Лефорт и отвечающий за его обеспечение флотский генерал-кригс-комиссар Федор Алексеевич Головин⁴¹.

* * *

Органическая связь Великого посольства и «восточного проекта» Петра I уже более столетия является очевидным фактом для любого внимательного исследователя этого периода биографии Петра, упорно игнорируемым «мэйнстримом» историографии в силу слепого убеждения в изначальном и безусловном «европеизме» государя-реформатора.

Она отмечена еще С.М. Соловьевым, и давно и определенно выражена прежде всего М.М. Богословским, которому принадлежит, пожалуй, лучший анализ истории Великого посольства⁴², и до сих пор непревзойденный по детальности и полноте охвата событий. Однако постоянное и настойчивое подчеркивание М.М. Богословским «восточных» целей Великого посольства⁴³ не всегда четко акцентировано им и тонет

⁴¹ Как «адмирал и генерал» и «генерал комиссар», «войска морского каравана комиссар генерал» они обозначены в списках похода: Рубан В.Г. Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютина города и торжественное отсюда с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных происшествий и с имянным списком бывших при том сухопутных и морских, великороссийских и малороссийских вышших и нижних военачальников числе всех войск и учиненным оным наград. СПб., 1773. С. 222, 213, 215, 85.

⁴² Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II.

⁴³ В Бранденбурге: «Как в сношениях с Бранденбургским курфюрстом по поводу заключения союза, так и в польских делах главное для Петра — это «священный союз» и война против турок. С этой точки зрения расценивает Петр международные отношения России». В Голландии: «Главной целью, к которой направлялась

в бесконечном множестве окружающих подобные высказывания конкретных деталей и фактов из его истории, а потому не до конца воспринимается читательским сознанием. Не менее отчетливо «восточная» направленность Великого посольства и его связь с Русско-турецкой войной была выражена в начале 1950-х гг. С.А. Фейгиной, а в последнее время почти параллельно — автором данной статьи и более обстоятельно — В.В. Дегоевым⁴⁴.

«Восточный проект» диктовал и первоначальный маршрут Великого посольства: готовясь к отправке в него, и еще не будучи уверен в успешности, и не зная результатов переговоров о военно-политическом союзе и вхождении в Священную лигу с посланником К. Нефимоновым, Петр планировал начать его с ключевой проблемы — с обеспечения антитурецкого союза на нужный срок переговорами с Австрией⁴⁵ и Венецией. На это было достаточно времени весной — летом 1697 г. до поездки в Голландию осенью, необходимой для решения проблем обеспечения материалами и кадрами строящегося азовского флота. Наказы посольству, готовившиеся в конце января 1697 г., предполагали именно такой сценарий событий.

Однако для следования в Австрию был выбран северный, а не прямой маршрут через Польшу — отношения с Польшей традиционно оставались сложными, и проезд Великого посольства через страну мог еще больше осложнить их; к тому же в России прекрасно знали

дипломатическая деятельность посольства, был союз европейских держав против «врагов креста Христова», т.е. против турок...»; *«Следует оставить легенду о том, что Петр в Голландии интересуется и занимается только кораблями и тем, что к ним ближайшим образом относится. ... Он всецело занят планом организации священного союза против турок, и эта организация — цель его внешней политики»* (Богословский М.М. Петр I. Материалы... С. 105–106, 165, 208), и подобные примеры можно множить и далее.

⁴⁴ Фейгина С.А. Азовские походы и внешняя политика 1695–1699 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Т. 7. М., 1954. С. 435–458; Петрухинцев Н.Н. Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 г. СПб, 2019. С. 131–154; Дегоев В.В. Внешняя политика Петра I. Т. 1: Русское Великое посольство (1697–1698 гг.) М., 2019.

⁴⁵ Автор прекрасно понимает, что в данном случае речь идет не о современной Австрии в ее границах, а об ином государственном и геополитическом образовании — Австрийской империи Габсбургов, «Священной Римской империи германской нации», но для краткости использует понятия «Австрия» и «австрийский» вместо «цесарский» и «имперский».

о нестабильной ситуации в ней в период «бескоролья», наличии враждебных к русской и австрийской стороне вооруженных «факций». Все это в итоге определило маршрут через Прибалтику. По нему в Вену шла «рижская» почта, доставившая К. Нефимонову петровские указы 8 декабря 1696 г. — ровно через месяц, на неделю раньше, чем «виленская»⁴⁶. Кроме того, «северный» маршрут открывал большие возможности для смены вариантов движения в ходе посольства.

Возможно, в январе 1697 г. Петр мог еще испытывать и некоторые колебания в оценке перспектив второй фазы своего «восточного проекта» (сильно зависевшего от сроков договора с Австрией и Венецией) и в случае неудачного исхода переговоров мог бы еще отказаться от реализации проекта, находившегося только на организационной стадии (кораблестроение, как и другие мероприятия, еще не было начато, шли лишь формирование «кумпанств» и опись лесов). Но Нефимонов, который 16 января 1697 г. на 10-й конференции, получив наконец указания Петра от 8 декабря и выполняя их, встретился с новыми сложностями со стороны союзников (хотевших было теперь заключить союз с открытым сроком, не связывая себя трехлетними обязательствами), все-таки сумел настоять на прежнем варианте⁴⁷. Царь перед отъездом уже 14 и 25 февраля знал о предварительном успехе в заключении трехлетнего союза, достигнутом 16 января⁴⁸. Это могло стать решающим толчком к отправлению Великого посольства — возможно, неслучайно окончательное оформление верительных грамот послов европейским государям, и их подписание произошло в основном именно 25 февраля⁴⁹, только по получении этих известий. 28 февраля Петр получил от Е.И. Украинцева сведения о заключении К. Нефимоновым подписанного 29 января 1697 г. трехлетнего союзного договора⁵⁰, и в целесообразности отправления Великого посольства уже не осталось сомнений.

Но первый тревожный «звонок» для «восточного проекта» царя в виде попытки союзников не связывать себя определенными сроками союза уже прозвучал, что, видимо, побуждало Петра сохранять первоначальное «австрийско-венецианское» направление маршрута в момент

⁴⁶ ПДС. Т. VII. Ст. 1253.

⁴⁷ Там же. Ст. 1254.

⁴⁸ Там же. Ст. 1254–1256, 1257, 1260.

⁴⁹ ПБПВ. Т. 1. № 135–139. С. 128–135.

⁵⁰ ПДС. Т. VII. Ст. 1264; отписка К. Нефимонова о заключении договора 29 января 1697 г. — там же. Ст. 1260–1264; сам договор — ПБПВ. Т. 1. № 134. С. 124–128.

отправления посольства 2–10 марта⁵¹ 1697 г. с вероятным намерением добиться упрочения союза в отношениях с его ключевыми участниками. Не исключено также, что Петр вначале хотел познакомиться с венецианским кораблестроением и с особенностями средиземноморского парусно-гребного (галерного) флота. Именно на него он делал основную ставку в первоначальной кораблестроительной «кумпанской» программе, вызывая из Венеции уже в июле 1696 г. из-под Азова 13 корабельных мастеров и направляя в Италию (т.е. главным образом в Венецию) по изначальному списку более двух третей (45 из 66, т.е. 68,2%) своих волонтеров⁵².

Однако уже на начальном этапе движения посольства по «северному» маршруту жизнь внесла в первоначальные планы свои коррективы.

Все более актуальной становилась «польская проблема», связанная с выборами польского короля. Она почти на два месяца (5 мая — 30 июня 1697 г.⁵³) заставила Петра задержаться в Восточной Пруссии (Кенигсберге и Пиллау, где не было ни кораблестроения, ни военноморского флота) и вступить в переговоры с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III, приведенным в Кенигсберг той же польской проблемой⁵⁴. Именно общие интересы с Россией в «польском вопросе» заставляли Фридриха III оказывать столь длительное и затратное⁵⁵ гостеприимство Петру с Великим посольством.

Но «польская проблема» тоже расценивалась Петром преимущественно в контексте целей его «восточного проекта». Это отчетливо видно из содержания грамоты Петра, отправленной Польскому сейму из Пиллау 12 июня, полученной в Варшаве за два дня до выборов короля и, видимо, сыгравшей определенную роль в определении перевеса кандидатуры саксонского курфюрста Августа в выборах на польский престол 17 июня 1697 г. Как отмечал М.М. Богословский, Петр в ней решительно осуждает французскую партию в Польше, ибо она «ради своей корысти забывает, какой опасностью будет грозить избрание французского принца *союзу против общего неприятеля «креста святого», султана турецкого»*⁵⁶.

И хотя в ходе этих событий стали складываться первые отношения с возможными будущими потенциальными союзниками в войне со

⁵¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 13–14.

⁵² Подсчитано по: Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. II. С. 565.

⁵³ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 52, 102.

⁵⁴ Там же. С. 98–99.

⁵⁵ ПДС. Т. VIII. СПб., 1867. Ст. 847–849.

⁵⁶ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 99.

Петр I в костюме матроса в Саардаме. *Европейская гравюра конца XVIII в.*

Швецией, Петр, несмотря на уже четко обозначившееся еще в Курляндии недовольство «рижским приемом»⁵⁷ и активное давление со стороны Фридриха III, никак не шел на внесение в подписанный позднее в Пиллау 22 июня 1697 г. русско-прусский договор письменных обязательств о противодействии Швеции, ибо они могли увести его от решения «турецких» задач и осложнить отношения со Швецией. Он ограничился устным соглашением об этом, которое, отразившись первоначально лишь в статейном списке⁵⁸, с русской стороны даже во внутренних документах было четко письменно зафиксировано только после начала шведской войны, не ранее 1701 г.⁵⁹

Главной целью Петра было продолжение турецкой войны. И основные усилия в решении «польской проблемы» были направлены на то, чтобы не потерять польского союзника по антитурецкой коалиции⁶⁰, что могло стать началом развала Священной лиги и крушения «восточного проекта» Петра. Петр выехал из Пиллау не ранее получе-

⁵⁷ Там же. С. 39–40.

⁵⁸ ПДС. Т. VIII. Ст. 850–851.

⁵⁹ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы... Т. II. С. 94.

⁶⁰ «...желаем быти у вас на престоле ... королем, которой был бы с ... нашим Царским Величеством, и с Цесарским Величеством Римским и с Речью Посполитою Венетскойю ... против общих неприятелей креста святого, салтана турецкого и хана крымского в совершенном и твердом союзе, какова народу ни есть, толко б не с противной стороны» (грамота 12 июня 1697 г. (ПДС. Т. VIII. Ст. 855)).

ния 23–28 июня 1697 г.⁶¹ сведений о неудаче французского кандидата на престол, расколе сейма и избрании Августа Саксонского, который интересовал его пока прежде всего как союзник в турецкой войне. Как отмечал С.М. Соловьев, после получения поздравительной грамоты Петра Август низко поклонился и объявил русскому резиденту А.В. Никитину, «что дает честное слово быть с царем *заодно против врагов креста святого*»⁶², однако положение его в Польше, где фактически разворачивалась открытая война между французской и саксонской партиями, все еще оставалось нестабильным. Это вынуждало усиливать военную группировку М.Г. Ромодановского у литовских границ и в начале осени начать перебрасывать на помощь Новгородскому разряду пять московских стрелецких полков из действующих на юге армий и еще остающихся в столице стрельцов⁶³, что во многом спровоцировало их бунт в следующем году.

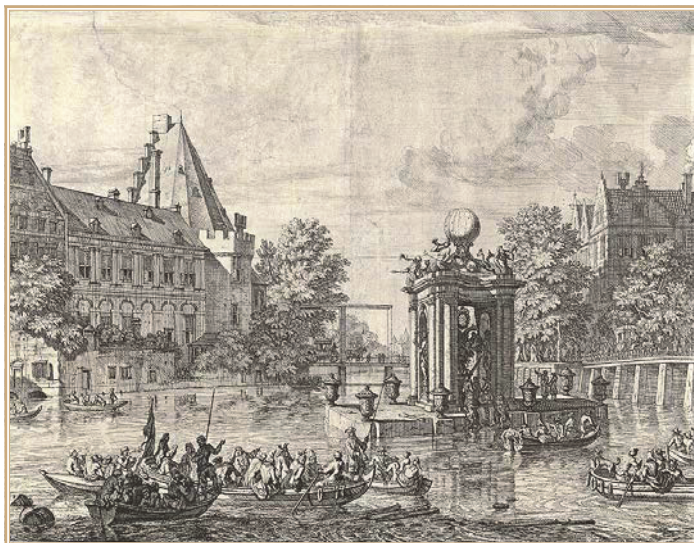
Задержка, вызванная решением «польской проблемы», вынудила Великое посольство изменить планы. Путь от Амстердама до Вены, проделанный Великим посольством в следующем году, занял почти месяц (15 мая — 11 июня 1698 г.⁶⁴), не менее длительным стал бы и путь до Вены из Восточной Пруссии — таким образом, на путешествие в Австрию и Венецию (учитывая пребывание, церемониальную сторону и переговоры, а также возможное знакомство с кораблестроением последней) пришлось бы затратить минимум 3–4 месяца, а то и полгода. Между тем союз с Австрией и Венецией был уже заключен; Австрия разворачивала в 1697 г. активную военную кампанию и не проявляла явных намерений к выходу из войны, что пока не давало сомнений в прочности Священной лиги. Подходил к концу крупный общеевропейский конфликт — война Аугсбургской лиги (1688–1697 гг.) с Францией — и в окрестностях Гааги 29 апреля / 5 мая 1697 г. открывался Рисвикский конгресс, который собирал весь цвет европейской дипломатии и должен был вскоре во многом определить условиями мира ход дальнейших событий. И хотя Д.Ю. Гузевич вряд ли прав в том, что стремление Великого посольства стать пассивным наблюдателем завершающего этапа конгресса главным образом обусловило смену его

⁶¹ ПДС. Т. VIII. Ст. 874–876.

⁶² Соловьев С.М. История России... Кн. VII. С. 532.

⁶³ Первые указы о переброске стрельцов П. Гордон, под командой которого находились тогда два полка из этих пяти, получил 20 сентября 1697 г. (Гордон П. Дневник. 1696–1698. М., 2018. С. 108).

⁶⁴ ПБПВ. Т. 1. С. 727; Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 425, 456.

Великое посольство в Нидерландах. Гравюра И. Мушерна, П. Берге. Ок. 1697 г.

маршрута⁶⁵, концентрация ведущих европейских дипломатов вокруг конгресса позволяла активнее решать главные задачи Великого посольства. Молодой Петр I, все еще одержимый иллюзией европейского «общехристианского союза», мог надеяться на поддержку другими ведущими европейскими странами (в частности, Англией и Голландией) России в войне с Турцией с угасанием общеевропейской войны и с освобождением стран от ее бремени.

Однако царь уже в середине мая — начале июня вполне осознавал, что из-за «польской проблемы» вряд ли покинет Восточную Пруссию ранее выборов польского короля (т.е. второй половины — конца июня) и, следовательно, при «австрийско-венецианском» маршруте вряд ли попадет в Голландию ранее октября 1697 г., когда решать как дипломатическую, так и вторую по важности задачу найма персонала и закупок материалов для строящегося флота может стать слишком поздно. Возможно, накапливая в ходе путешествия по приморским прибалтийским странам информацию о европейских и турецком флотах, он осознал первостепенную важность корабельного (а не галерного парусно-гребного) флота и стремился сначала поспеть в Голландию хотя бы к концу активного кораблестроительного сезона, чтобы лично получить необходимый опыт строительства кораблей и подготовить из

⁶⁵ Гузевич Д.Ю. Дипломатическая цель Великого посольства // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 8–10.

своего собственного отряда волонтеров кадры отечественных кораблестроителей.

Вероятно, весь этот комплекс факторов привел к тому, что уже 19 мая, на второй день после торжественного въезда посольства в Кенигсберг, Петр принял решение об изменении маршрута, извещении австрийской стороны об отмене визита в Вену и о переориентации посольства на поездку в Голландию⁶⁶.

Отправившись 30 июня после успешного решения «польской проблемы» в Голландию, куда он прибыл после почти месячного путешествия по Германии только 5 августа, и оказавшись уже 7 августа в предместье Амстердама Саардаме, Петр еще неделю ждал торжественного въезда Великого посольства в Амстердам, последовавшего 16 августа. Царь с нетерпением ожидал конца торжественных церемоний, чтобы 20 августа 1697 г. с десятью «ближними» волонтерами приступить к практическому изучению кораблестроения на Ост-Индской верфи, где для них при поддержке бургомистра Н. Витсена по решению директоров компании 9 сентября 1697 г. заложили фрегат 100-футовой длины, чтобы ознакомить русских с полным циклом строительства корабля⁶⁷.

Накануне этого, 1 сентября, Петр I приватно встретился в Утрехте с Вильгельмом Оранским, озабоченным тем, чтобы пресечь укрепление французских позиций в Польше и избрание польским королем французского принца Конде, и просившим в связи с этим поддержать Августа Саксонского 60-тысячным русским корпусом. По его просьбе великие послы 9/19 сентября приняли саксонского посла И.Х. Бозе, снова обещав ему помощь коронованному 5 сентября в Кракове Августу⁶⁸ *«единственно ради вреда, который может причинить врагу христианского имени — туркам»*⁶⁹, но лишь после доклада 10 сентября Петру на Ост-Индской верфи приняли его вторично с заявлением, что согласны послать войска в Польшу только на условии письменного призыва со стороны Речи Посполитой, иначе это будет расценено как нарушение Вечного мира 1686 г. и агрессия против Польши⁷⁰. Петр недвусмысленно подчеркнул, что даже по просьбе уважаемого им англий-

⁶⁶ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 72.

⁶⁷ Там же. С. 154.

⁶⁸ Там же. С. 188.

⁶⁹ Сборник Русского императорского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 20. СПб, 1877. С. 5.

⁷⁰ Сб. РИО. Т. 20. С. 7; Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 177.

Прием великого посольства в Гааге 25 сентября 1697г. Гравюра Ж.-М. Моро

ского короля не собирается рисковать по желаниям саксонцев потерей польского союзника в Русско-турецкой войне.

Начальный период пребывания Петра в Голландии в сентябре — октябре 1697 г. был временем эйфории и самых крепких надежд на успех реализации второй фазы «восточного проекта»; именно в это время Петр, особенно после австрийской победы при Центе 1/11 сентября 1697 г., не раз подчеркивал, что надеется на успешный исход турецкой войны в ее «морской» фазе для России⁷¹.

Правда, оптимизм Петра и его наивная вера в европейское единство «христианского мира» (сформированная в России, очевидно, его «ближними» иностранными советниками, входившими в «компанию» государя) в это же самое время пошли первыми трещинами. Несмотря на явно ожидаемое буквально в течение недели подписание мира на Рисвикском конгрессе и завершение войны Аугсбургской лиги, освобождающиеся из нее Англия и Голландия не проявили никакой склонности поддержать Россию в турецкой войне. Несмотря на то что на прошедшей в Гааге 25 сентября 1697 г. торжественной аудиенции, сопровождающейся официальной аккредитацией Великого посольства при голландском правительстве, русские послы в национальных одеждах настойчиво подчеркивали, что «царское величество по прошению всех христианских государей, братии своей, и ради освобожде-

⁷¹ См., например, уже цитировавшиеся письма патриарху Адриану от 10 сентября 1697 г. (ПБПВ. Т. 1. С. 194); А. Винусу от 5 октября 1697 г. с предсказанием о русском взятии Царьграда (там же. С. 201–202).

ния христиан от насилия поганского» *«вести эту войну не бросит, а наоборот, делает к ней обширные приготовления»*⁷², голландская сторона вовсе не склонялась к поддержке антитурецких планов. На начавшихся 29 сентября переговорах, несмотря на обещание Петра открыть голландцам доступ к персидской и армянской торговле, изложенная 2 октября просьба Петра о помощи встретила весьма прохладный прием. Несмотря на заверения русских послов, что царь *«и впредь ... намерен того неприятеля войсками своими сухим путем и морем воевать всеми силами, и для того ... указал готовить для походу на Черное море воинской морской корован, в котором будет воинских кораблей и галер со сто ...*, на которые надобно многое приуготовление как в денежной казне, так и в воинских припасах», просьба о «вспоможении если не возможно казною, то бы всякими воинскими и корабельными припасы, чего у них много и довольство в них большое, а в Российском царстве таких ... корабельных припасов за незвычай нет, и в скорости изготовить невозможно»⁷³, встретила 9 и 14 октября 1697 г. решительный отказ. Он был мотивирован убытками и разорением от девятилетней войны, а также необходимостью восполнить потери кораблей во флоте от недавних жестоких осенних штормов этого года⁷⁴. После этого «великим послам» не оставалось ничего иного, как просить о скорой отпускнутой аудиенции, полученной уже через четыре дня, 18 октября⁷⁵.

Скромные надежды русской дипломатии вовсе не на вступление Голландии в антитурецкий союз, а всего лишь на помощь материалами и припасами для обеспечения спешно строящегося флота в не имеющей опыта кораблестроения стране не оправдались. С 21 октября 1697 г. Голландия прекратила дорогостоящее финансирование вернувшегося в Амстердам из Гааги и официально закончившего свою миссию посольства, а великие послы не только перешли на собственное содержание, но вынуждены были (прежде всего флотский генерал-кригс-комиссар Ф.А. Головин) форсированно переключиться на другой метод решения задачи обеспечения строящегося флота — начать закупку материалов и вербовку специалистов на собственные средства⁷⁶.

⁷² Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 194.

⁷³ ПДС. Т. VIII. Ст. 1012–1013.

⁷⁴ Об этих потерях сообщал и сам Петр буквально в те же дни в письме А. Виниусу от 14 октября 1697 г. (ПБПВ. Т. 1. С. 203–204).

⁷⁵ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 222, 234, 237.

⁷⁶ Там же. С. 239, 266–267.

Однако Петра уже не удовлетворял голландский опыт — к концу ноября 1697 г. он разочаровался в голландском кораблестроении. М.М. Богословский отметил, что Петр в письмах, отправленных на следующий день, даже не вспомнил о торжественном спуске 16 ноября построенного с его участием фрегата «Петр и Павел»⁷⁷. По собственным словам царя, вслед за этим после четырехдневной учебы у баса Ост-Индской верфи Яна Поля, убедившись, что в определении корабельных пропорций «в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципы, прочее же с долговременной практики», Петр I впал в уныние. Только разговор со случайным собеседником англичанином на загородном дворе занимавшегося затем книгоизданием для России купца Яна Тессинга о возможности в короткий срок научиться теории кораблестроения в Англии воскресил его оптимизм⁷⁸. Получив буквально в эти же дни письмо лорда Кармартена от 9/19 ноября 1697 г. с известием о подаренной ему Вильгельмом III яхте «Транспорт Роял», Петр тут же использовал ситуацию для организации поездки в Англию. Он уже 28 ноября отправил в Англию с благодарностью гвардейского майора А.А. Вейде, попутно объявив королю о своем намерении посетить Англию «чтобы видеть корабли и морское поведение», а уже 10 декабря Вейде получил благосклонный ответ Вильгельма III с обещанием вскоре прислать английские корабли для транспортировки царя в Англию. Петр I в конце декабря начал готовиться к английскому вояжу⁷⁹. Начинаясь «межсезонье» после определения планов кампании будущего года и частично проделанной работы по закупке материалов и найму специалистов, завершение которой он мог возложить на Ф.А. Головина (практически закончившего ее к 28 января 1698 г.⁸⁰), давало ему возможность и время для этого. Английский король Вильгельм III, несомненно, приглашал Петра и с прагматической целью — с целью зондажа позиции Петра и России в назревающем европейском конфликте и в надежде повлиять при ее определении на молодого царя, испытывавшего пиетет перед умудренным опытом политиком и полководцем.

Поздней осенью 1697 г. постепенно менялась международная ситуация: 1) последние активные кампании России в этой войне, от которых она не собиралась отказываться и в 1698 г., создавали серьезные допол-

⁷⁷ Там же. С. 259–260.

⁷⁸ Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. II. С. 400.

⁷⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. III. СПб., 1858. С. 89–90, прим. 70–71 к с. 89 и 90, 94, прим. 82 к с. 94.

⁸⁰ ПБПВ. Т. 1. С. 687–688.

нительные проблемы для истощенной войной Турции; 2) австрийская победа при Центе, частично одержанная в том числе и 3) благодаря отвлечению значительной группировки турецких войск летом — осенью 1697 г. на операцию против днепровских городков (попытку штурма Тавани) и сковыванию сил кубанских, крымских и буджакских татар «днепровской» армией Я.Ф. Долгорукова и «донской» армией А.С. Шейна; 4) развернувшееся в 1697 г. строительство многочисленного русско-го флота, перспективы и реальную боеспособность которого Турция на этой стадии строительства еще не могла реально и объективно оценить и могла расценивать как значимую угрозу — все это начало склонять Турцию к миру. Начавшаяся реализация второй фазы «восточного проекта» Петра превращала Россию в дополнительный рычаг военно-политического давления на Турцию, ускоривший уже наметившийся перелом в течении войны. «8 декабря 1697 г. прозвучал (опущено слово «новый») тревожный звонок — послы получили письмо из Вены от агента Стиллы с известиями, что 1) турецкий султан «к миру заносится» (т.е. ищет мира); 2) хочет прислать к цесарю посла для переговоров; 3) французский король обнадеживает султана, что мир будет заключен, но цесарь без союзников мира заключать не будет⁸¹. Сведения Стиллы в какой-то степени задержали отправку грамот союзникам по случаю таванской победы, известие о которой было получено послами в Амстердаме только 25 ноября — ложнодатированные как отправленные из Москвы 30 октября 1697 г., они были посланы из Амстердама лишь 19–21 декабря 1697 г.⁸² В грамоте австрийскому императору Леопольду I, сообщая о победе под Таванью и слухах о возможном мире с турками, Петр выражал надежду, «что *тот лукавый вымысл* и прочих ходатайство у *вашего цесарского величества двора приятно не будет...*»⁸³.

Петр не мог не осознавать это как угрозу своим стратегическим целям, но пока, видимо, не расценивал ее как слишком серьезную. Однако он не мог не учитывать ее при планировании кампании наступающего 1698 г., которым царь и оставшиеся в России правительственные структуры, как обычно, активно занимались в ноябре — декабре 1697 г. В сложившихся обстоятельствах для удержания союзников необходимо было продемонстрировать значимость России для коалиции и провести в 1698 г. (после вполне естественной для «переваривания» результатов

⁸¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 278.

⁸² ПДС. Т. VIII. Ст. 1138–1146.

⁸³ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 210.

Аллегория победы над турками. Гравюра работы Петра I

Азовских походов относительной передышки 1697 г.) активную (и по возможности результативную) «большую» военную кампанию. Ее главной стратегической целью становилось решение все еще не решенной задачи — окончательное завоевание устьев Днепра с Очаковым силами «днепровской» армии Я.Ф. Долгорукова. Для достижения этой цели и упрочения завоеваний на юге планировалось создать мощную военную группировку общей численностью почти в 125,8 тыс. чел.⁸⁴, не уступающую армиям В.В. Голицына в Крымских походах. При необходимости держать на литовской границе значительную армию М.Г. Ромодановского для окончательного решения «польской проблемы» и оказания помощи королю Августу это означало почти тотальную мобилизацию полевой армии России. Однако Петр пошел на это — он был слишком увлечен своим «восточным проектом», всерьез надеясь на его успех.

Видимым выражением этих надежд стала ученическая гравюра Петра I «Аллегория победы над турками», выполненная совместно с его учителем А. Шхонебеком в последний период пребывания Петра на Ост-Индской верфи, видимо, в первые дни наступившего нового 1698 г., сразу после поднесения Шхонебеком 1 января Петру I написанного для него руководства по овладению техникой офорта⁸⁵, непосредственно перед отъездом в Англию 7 января. В лице долговя-

⁸⁴ Подробнее: Петрухинцев Н.Н., Никитина А.А. Последний натиск на степь... С. 93.

⁸⁵ Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 20–21.

зой фигуры Победы с крестом, подпирающим поверженный полумесяц, просматривалось отдаленное сходство с самим Петром. Принято считать, что гравюра повторяет реверс памятной подарочной медали в честь взятия Азова с портретом Петра I, выполненной примерно в это же время голландским гравером Яном Боскамом⁸⁶, создавшим осенью 1697 г. вкуче с другими мастерами серию памятных медалей в честь Рисвикского мира с портретами Вильгельма III и аллегорическими фигурами Европы, изображенной в виде быка с пальмовой ветвью; крестообразно скрещенных в рукопожатии рук бывших противников; пшеничных колосьев, прорастающих из брошенного солдатского шлема⁸⁷. Однако ни одно из этих изображений не имеет прямых аналогий с фигурой Победы на «азовской» медали. Поэтому уместно поставить вопрос о том, а не была ли, наоборот, эта черновая гравюра эскизным наброском для медали Яна Боскама? И не была ли эта медаль, вопреки предположению В.А. Калинина, напротив, подарком Петра I английскому королю, а не наоборот? Характерно, что вокруг фигуры Победы расположена символическая латинская надпись «NISCE AXENUS FIAT EUXINUS» («Пусть для них [турок] это гостеприимное [Черное] море станет негостеприимным», в максимально отчетливой форме выражающая настроения и надежды Петра на рубеже 1697–1698 гг.

* * *

Однако начавшийся 1698 г. принес молодому царю неприятные сюрпризы. То, что происходило на финальном этапе Великого посольства, трудно охарактеризовать не иначе как серьезнейший внешнеполитический кризис для России, начавшийся с весны и достигший кульминации летом 1698 г.

⁸⁶ Шукина Е.С. О создании медали в память взятия Азова работы Я. Боскама // Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977. С. 159–162; Калинин В.А. Памятные медали времени Великого посольства 1697–1698 годов // Труды ГЭ. Материалы и исследования Отдела нумизматики: памяти А.А. Марковой (1895–1975). СПб., 2009. С. 150–158.

⁸⁷ Edward Hawkins. Medalllic Illustrations of the History of Great Britain and Ireland to the Death of George II. Vol. 2. London, 1885. P. 160–189; Сайт Британского музея: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_BNK-EngM-153; https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_G3-EM-233; https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1837-1030-75.

Медаль в память взятия Азова русскими войсками в 1696 г.

Кризис этот, несомненно, имел общеевропейский контекст — он был следствием коренных перемен внешнеполитического курса всей Европы, переориентировавшейся в 1698 г. практически целиком на решение внутриевропейских проблем в преддверии войны за «испанское наследство». «Восточное» направление превращалось в периферийное и на время закрывалось для европейской политики. Но это-то и было трагедией для Петра, сосредоточенного на «восточном» направлении, где рушились его планы «турецкой войны 1699 г».

Поворот общеевропейского политического курса начался именно в «межсезонье» военных кампаний, зимой 1697/98 г., во время пребывания Петра в Англии. Отдав дань церемониальной стороне визита почти месячным пребыванием в Лондоне (11 января — 8 февраля 1698 г.), Петр с 9 февраля 1698 г., так же как и в Голландии на Ост-Индской верфи, перешел к изолированной жизни на королевской верфи в Дептфорде, на два месяца погрузившись в изучение теории английского кораблестроения (М.М. Богословский отметил, что «собственноручно на дептфордских верфях царь уже не работал»⁸⁸). К этому времени, видимо, убедившись за лондонский «церемониальный» период в незыблемости намерений Петра продолжать турецкую войну и в бесперспективности переориентации его на «североевропейское» направление, Вильгельм III, вероятно, в значительной степени утратил к нему интерес. Король предоставил английским купцам через лорда Кармартена возможность решать проблему завоевания виргинским табаком внезапно открывшегося с указами Петра 1697 г. о разрешении табачной торговли в России

⁸⁸ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 316–317.

российского рынка⁸⁹. Однако под занавес Вильгельм III организовал для Петра в Портсмуте 21–25 марта маневры английского флота и примерный морской бой 24 марта 1698 г. в Спитхедском проливе с участием многопушечных линейных кораблей⁹⁰, что стало, по сути, на долгие годы, вплоть до 1710-х гг., единственным для Петра личным опытом наблюдения боевого использования линейного корабельного флота, показавшего мощь и значимость линейных кораблей.

Фактически уже во время этих маневров Петр начал остро чувствовать нарастающую опасность для своих планов — для него стала очевидной угроза общеевропейской войны за «испанское наследство», требовавшая выхода европейских держав из войны с Турцией. Об этом в связи со слухом о смерти испанского короля, дошедшим до царя 28 марта на дороге из Портсмута, он писал Виниусу 29 марта 1698 г. из Дептфорта, добавляя: «...а что по его смерти (естьли то правда) будет, о том *ваша милость самъ знаешь*»⁹¹. Возможно, Петр вызвал в эти дни в Англию Ф.А. Головина не только для подписания табачного договора и оформления контрактов с нанятыми английскими специалистами, но и для обсуждения менявшейся внешнеполитической ситуации.

Перед отъездом из Англии, тепло простившись 18 апреля 1698 г. с Вильгельмом III, царь буквально на следующий день, узнав об успехе посреднической миссии англичан на ведущихся за его спиной переговорах о мире с турками, испытал острое разочарование в английском короле. По сообщению австрийского посла в Лондоне Ауэрсперга, царь «выразил недовольство, что король не сообщил ему о том, и так как он того мнения, что *еще не время заключать такой мир*, то, вероятно, *будет противодействовать его заключению*» по приезде в Австрию⁹². Возможно, Петр I неслучайно в тот же день 19 апреля срочно отправил в Голландию Ф.А. Головина, который должен был оперативно завершить все дела по обеспечению азовского флота и готовить «австрийскую» поездку Великого посольства, становившуюся теперь насущно необходимой и приоритетной. Через неделю, 27 апреля, уже и сам Петр прибыл в Амстердам, чтобы еще через две недели отправиться с Великим посольством в Австрию.

К этому времени угроза стала реальностью: 12 мая 1698 г. Петр через резидента в Варшаве А.В. Никитина получил от австрийского посланни-

⁸⁹ Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий. Сб. статей под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 78.

⁹⁰ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 351–354.

⁹¹ ПБПВ. Т. 1. № 233. С. 242–243.

⁹² Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 380.

Петр I в костюме корабеля в Дептфорде в 1698 г. *Неизвестный английский художник*

ка в Польше копии основных документов о достигнутых при посредничестве англичан предварительных условиях заключения мира с Турцией и о намерении Австрии и Священной лиги выйти из войны и заключить мир. В тот же день документы были переведены с латыни на русский язык и доложены Петру, Никитин получил вознаграждение в 500 золотых, а уже на третий день, 15 мая, Петр выехал в Вену⁹³ с весьма слабой надеждой как-то остановить мирный переговорный процесс.

За время почти месячного путешествия из Голландии в Австрию царь сумел подавить первые вспышки острого недовольства союзниками и английским королем, проведенными за его спиной, безо всякого уведомления, предварительные переговоры о мире с Турцией. Он показал себя способным «держат удар» и въехал в Австрию уже опытным и искусственным дипломатом. Он настолько искусно скрывал свои истинные настроения под покровом любезности и учтивости в отношениях с императором и австрийскими министрами, что даже иностранные наблюдатели не фиксировали никаких странностей в его поведении, отмечая, что царь оказался «гораздо более цивилизованным, разумным, с хорошими манерами и скромным»⁹⁴.

Однако шаткие надежды на отказ Австрии от мирных переговоров не оправдались.

⁹³ Там же. С. 416–417.

⁹⁴ Там же. С. 475–476.

Добившись 19/26 июня приватной аудиенции у австрийского императора Леопольда I, после которой у Петра еще сохранялся некоторый оптимизм⁹⁵, на неофициальных личных переговорах с графом Кинским 21–30 июня 1698 г. Петр убедился в решимости Австрии завершить турецкую войну. Царь открыто выразил при этом недовольство проведением предварительных переговоров без участия России, не согласованными с ней условиями мира на принципе «кто чем владеет». Он пытался настоять на обеспечении за ним на мирном конгрессе еще не завоеванной Керчи, добываясь в противном случае продолжения войны союзниками как минимум до 1701 г., но фактически получил лишь слегка завуалированный отказ⁹⁶. Петр не пошел на обострение конфликта и был вынужден согласиться на участие России в Карловицком конгрессе.

Австрийская сторона пыталась смягчить ситуацию демонстрацией внешнего уважения к Петру: пышным празднованием его именин 29 июня, произведенным за счет австрийской казны, а также организовав 11 июля в честь царя в ожидании задерживающейся официальной аудиенции Великого посольства ранее отмененный по случаю войны и перенесенный с осени на лето костюмированный праздник *Wirtshaft*⁹⁷. Именно на нем, несмотря на явно демонстрируемое окружающим веселье, на миг прорвалось истинное отношение Петра к сложившемуся положению. Петр в маскарадном костюме фризского крестьянина, в ответ на замечание австрийского императора, что «тот, конечно, знает Великого царя московского, которому он желает добра», ответил, что, «конечно, знавал московского царя. Он был *другом Его Императорского Величества и врагом его врагов*. Он хотел бы осушить этот кубок во благо императорской любви и выгод и вернуть его пустым, *даже если бы он был наполнен ядом*»⁹⁸ (получив на следующий день этот хрустальный кубок стоимостью в 2000 гульденов в подарок)⁹⁹.

Таким образом, в конце июня — начале июля внешнеполитический кризис 1698 г., в котором оказалась Россия, достиг своей драматической кульминации.

⁹⁵ Hennings Jan. The Semiotics of Diplomatic Dialogue: Pomp and Circumstance in Tsar Peter I's Visit to Vienna in 1698 // The International History Review. Vol. XXX. № 3. September 2008. P. 535.

⁹⁶ ПДС. Т. VIII. Ст. *Богословский М.М.* Петр I. Материалы... Т. II. С. 477, 480–481, 489–490.

⁹⁷ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы... Т. II. С. 495–496, 499–500, 513–520.

⁹⁸ Hennings Jan. The Semiotics ... P. 533.

⁹⁹ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. II. М.; Л., 1941. С. 520.

Петр уже отчетливо понимал, что запланированный на осень Карловицкий конгресс в случае его успеха ведет к полному краху второй фазы его первого самостоятельного «восточного проекта», в который он вложил столько надежд, усилий и средств. Его заявления австрийской стороне о том, что, реализуя свой «восточный проект», он «вошел ... в убытки»¹⁰⁰, еще довольно слабо отражает реальность. Отчетливее об этом говорил П.Б. Возницын на встрече с венецианским послом К. Рудзини 23 августа 1698 г.: царь «к будущему походу [т.е. кампании 1699 г. — Н.П.] великое изготовление со многими его ... казне миллионами, как морем, так и сухим путем, чинит, и несколько сот начальных и работных морских людей в Англии и в Голландии в службу наняты и к Москве высланы, и до ныне великие убытки в *изготовлении морского каравана ЦВ-вучинятся*»¹⁰¹. Только затраты на «залповое» строительство «кумпанского» Азовского флота, в значительной степени переложенные на население, при средней стоимости «кумпанского» корабля в 10 тыс. руб. и даже первоначальном составе флота в 58 кораблей и галер (увеличенном затем до 76), составляли никак не менее 610 тыс. руб.¹⁰²; после решения Петра о строительстве «половинного» комплекта «запасных» кораблей они должны были увеличиться минимум до 900 тыс. руб. По оценкам С.И. Елагина, в конечном счете «кумпанская» кораблестроительная программа обошлась в 1 млн 225 тыс. руб.¹⁰³ На расходы Великого посольства (пошедшие и на обеспечение флота), по сведениям Н.А. Баклановой, было затрачено по меньшей мере 226 979 руб.¹⁰⁴ К этим в совокупности как минимум 1,5 млн руб. (почти половине государственного бюджета на 1701 г.¹⁰⁵) следует прибавить траты на строительство новых крепостей и гаваней на южных границах и — главное — на массовые мобилизации и обеспечение полевых армий в походах 1697–1698 гг.,

¹⁰⁰ ПДС. Т. VIII. Ст. 1355.

¹⁰¹ ПДС. Т. IX. СПб., 1868. Ст. 113–114.

¹⁰² Это стоимость лишь 52 «кумпанских» кораблей, не считая строившихся государством. Подсчитано исходя из средней стоимости галеры в 12 тыс. руб., баркалона и «барбарского» корабля — в 10 тыс. руб.; «ших-бомбардского» — в 10,9 тыс. руб. (Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. 1. СПб., 1864. С. 345, 347, 351)

¹⁰³ Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864 (основной текст). С. 151.

¹⁰⁴ Подсчитано по: Бакланова Н.А. Великое посольство за границей (его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сб. статей под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 10, 7 (44 999 золотых (по 1 руб. золотой); 181 960 ефимков («по полтине ефимок»); 91 000 руб.).

¹⁰⁵ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 278.

не считая многочисленных натуральных повинностей населения в тяжёлые и неурожайные 1697–1698 гг. При вполне вероятной общей сумме затрат как минимум в 2 млн. р. и при тогдашнем официальном курсе ефимка в 50 к. расходы могли оцениваться в 4 млн. талеров, и слова о «многих миллионах» отнюдь не были риторическим преувеличением русских дипломатов.

Петр отнюдь не был легкомысленным юнцом, бросающим подобные средства на ветер в «туристической поездке» или легко приносящим их в жертву капризам в смене внешнеполитического курса с «восточного» на «североевропейский». Он даже и не помышлял о ней в ходе Великого посольства, прагматично и упорно преследуя на всем его протяжении задачи выстроенного им в конце 1696 г. плана продолжения турецкой войны. Еще Р. Виттрам отметил: из единичного известия о том, что в Англии царь однажды обронил, «что он хочет иметь гавань на Балтийском море», «нельзя сделать заключение, что Петр в течение своего заграничного путешествия признал возможность новых политических комбинаций и был побужден к тому, чтобы включить пройденную им от Ливавы до Пиллау Балтику в свое политическое сознание»¹⁰⁶.

Обозначившийся к началу июля крах «восточного проекта» был тяжелейшим ударом для Петра, получив который, он отнюдь не опустил рук. Сразу после празднования *Wirtschaft'a* 13 и 14 июля он провел значительную часть времени с близким к императору Леопольду I иезуитом патером Вольфом, надеясь через осторожно подогретые им иллюзии о склонности к «соединению церквей» получить через иезуитские круги и папский престол дополнительный рычаг влияния для возможного переубеждения австрийского императора. Царь встретился также и с венецианским послом К. Рудзини для зондажа позиции Венеции, куда он собирался поехать уже на следующий день, 15 июля¹⁰⁷, вероятно, в слабой надежде поколебать венецианское правительство в решении заключить мир.

Однако в глубине души он не мог не понимать, что в сложившейся международной ситуации дипломатическая партия им уже проиграна, и в Европе ему делать более нечего.

Провал его «восточного проекта» и заключение мира на предложенных австрийской стороной условиях «кто чем владеет» при достигнутых

¹⁰⁶ *Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit: Bd. 1–2. Göttingen, 1964. Bd. 1. S. 198–199.*

¹⁰⁷ *Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 521–528, 536–539.*

к лету 1698 г. результатах не сулили России ничего хорошего, не давая ей никаких значимых стратегических преимуществ и обесмысливая напряженные усилия и жертвы четырех последних лет «петровской» турецкой войны, «крови и убытки» которых действительно оказывались «положены всуе». Вероятно, после знакомства с голландским и английским кораблестроением и приобретения серьезной квалификации в морском деле царь уже подозревал, что и его первый наивный «морской» проект «кумпанского» кораблестроения почти обречен на провал. Все это могло спровоцировать внутривластительский кризис, подобный приведшему к падению Софьи и В.В. Голицына кризису 1689 г.

Худшие опасения Петра оправдались почти сразу же — в день отправления в Венецию 15 июля он получил письмо Ф.Ю. Ромодановского от 17 июня с первыми известиями о восстании стрельцов. Внешнеполитический кризис осложнился внутривластительским.

Не получив еще представления о реальном масштабе и результатах последнего и имея все основания в условиях тотальной мобилизации армии и вакуума военных сил в столице (Ромодановский писал, что против 4 полков стрельцов, находящихся уже в 90 верстах от столицы, направлено всего 2300 солдат)¹⁰⁸ подозревать худшее, Петр отказался от малоперспективной поездки в Венецию. Уже 16 июля принял решение о возвращении в Россию¹⁰⁹, куда он еще в марте 1698 г. и так планировал вернуться к октябрю¹¹⁰ — вероятно, чтобы начать подготовку к решающей кампании 1699 г.

У царя все еще оставалась призрачная надежда на неудачу мирных переговоров, и остающийся российским представителем на Карловицком конгрессе третий посол П.Б. Возницын, очевидно, получил указания царя по возможности «разорвать» конгресс¹¹¹. Вплоть до начала реальных переговоров 4 ноября он безуспешно пытался сделать это¹¹², что в какой-то степени облегчило турецкой дипломатии задачу по разделению ее противников. Вероятно, и на свидании Петра с польским королем Августом II в Раве Русской и Томашове 31 июля — 4 августа 1698 г., по свидетельству присутствовавших там поляков, речь прежде всего шла

¹⁰⁸ Письмо Ф.Ю. Ромодановского от 17 июня 1698 г. Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. III. С. 474–475.

¹⁰⁹ ПБПВ. Т. 1. С. 266.

¹¹⁰ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 348.

¹¹¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. III. М.; Л., 1946. С. 385–386; 387–389; ПДС. Т. IX. Ст. 113–114, 165–167.

¹¹² ПДС. Т. IX. Ст. 247–249.

о координации усилий в «турецком» вопросе, о чем царь писал из Томашова и П.Б. Возницыну¹¹³.

Лишь в случайной беседе на пиру у фельдмаршала Флеминга царь завел речь об отмщении «рижской обиды», только ретроспективно, спустя почти 25 лет, выдвинув этот разговор на первый план как первоначальную инициативу войны со шведами. Это было сделано в одной из последних редакций «Истории Свейской войны»¹¹⁴, практически совсем не упоминавшей о «войне турецкой», что стало еще одной причиной недооценки последней в историографии. Победитель в Северной войне, вероятно, не хотел лишний раз вспоминать о неуспехе своего «восточного проекта».

Однако в конце лета 1698 г. Петр I прекрасно осознавал масштабы неудачи Великого посольства и по возвращении в Россию болезненно переживал крах своих «восточных» планов. Это привело к серии импульсивных поступков, периодических вспышек ярости и нервных срывов осени 1698 г. и, вероятно, вылилось в излишнюю жестокость при следствии и расправе над восставшими стрельцами. Ситуация усугублялась состоянием неопределенности, в котором пребывал царь из-за долго идущих вестей с начавшегося только в ноябре Карловицкого конгресса. Неопределенность оборачивалась мучительными колебаниями между нежеланным миром и возможным, но крайне рискованным решением продолжить войну в одиночку, вылившимися в указ 4 декабря 1698 г. о мобилизации дворянства и армии к очередному походу¹¹⁵. Все это, вероятно, как и накануне отправления Великого посольства, породило острые разногласия и конфликты с частью членов Боярской думы. Они наглядно проявились как раз после указа о мобилизации и возвращения царя от его «азовского флота» из Воронежа, 21–25 декабря, накануне и во время Рождества. Вероятно, они выплеснулись на созванном по поводу войны и мира Преображенском заседании Боярской думы, после которого Петр, по сообщению Корба, даже подверг телесному наказанию одного из бояр, «говорившего слишком смело». Разногласия были осложнены еще и желанием Петра I выполнить обещание, данное в Раве Русской, и двинуть войска в Литву на помощь Августу II¹¹⁶.

¹¹³ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы... Т. III. С. 563, 566; ПДС. Т. IX. С. 135–138.

¹¹⁴ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 198. В первой редакции этих сведений не было (там же. С. 81–82).

¹¹⁵ ПСЗ. Т. 3. № 1658; РГАДА. Ф. 199. Портф. 130. Ч. 15. Д. 2. Л. 51–52.

¹¹⁶ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть. (1671–1725). СПб, 2008. С. 212–214; Прим. 95 и 96 к с. 213; Корб. Дневник // Рождение империи. М., 1997. С. 109–110.

* * *

Недооценка настроений Петра I и «внутренней драматургии» Великого посольства является еще одним фактором, формирующим искаженное представление о его целях и результатах. Однако мнение о царе как бесстрастном и любопытном «туристе» и полном благоговейной благодарности робком ученике в стране «европейских чудес» вряд ли адекватно отражает психологическое состояние молодого царя и его эволюцию в ходе посольства.

Царь, вероятно, действительно выезжал в Европу отчасти «очарованным странником», полным иллюзорных представлений об известном единстве жаждущего победы «над врагами креста Христова» европейского «христианского мира», полноправной частью которого в ходе общей Русско-турецкой войны, по его мнению, становилась Россия. Контакты с зависевшими от него полубрусевшими иноземными офицерами и европейскими купцами Немецкой слободы, прекрасно представлявшими себе истинные реалии и возможности России, подпитывали в нем эти настроения, вольно или невольно поддерживая в нем убеждение в европейской значимости России и в высоком личном статусе как государя своей страны. Впрочем, даже ряд приближенных к государю иноземных офицеров-преображенцев по приезду в Курляндию были полны высокомерия по отношению к русским и не стеснялись заявлять, «что почти невозможно преобразовать этот грубый, несговорчивый и глупый народ»¹¹⁷.

Петр I по соображениям целесообразности ехал инкогнито; это предоставляло ему: 1) известную свободу действий в областях занятий, формально не совместимых со статусом любого монарха; 2) позволяло избежать проблем дипломатического церемониала в отношениях с европейскими государствами (тем паче что выезд российского царя за пределы собственной страны не имел прецедентов, на которые могло бы опереться в церемониальных вопросах российское дипломатическое ведомство, тщательно учитывающее эти моменты в наказах Великому посольству¹¹⁸), да и в европейском мире «личная дипломатия» государей была явлением почти беспрецедентным, создающим массу сложно-

¹¹⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 40.

¹¹⁸ Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 114–119.

стей¹¹⁹; 3) открывало простор для неофициальной «личной дипломатии» и непосредственных контактов с европейскими монархами, очень часто проходивших вне рамок Великого посольства, до его официальной аккредитации, до которой формально были невозможны официальные переговоры, благодаря чему 4) Петр I мог ускорить ход событий и получил непосредственные личные впечатления о главных действующих «игроках» в европейской политике своего времени, не упуская случая расширить знакомство с европейскими дворами¹²⁰; 5) позволяло увеличить свободу перемещений, и на деле царь часто отрывался от Великого посольства, двигаясь по своим, самостоятельным маршрутам.

Но режим существования инкогнито, отработанный еще в России в образе «сержанта Петра Алексеева и бомбардира Петра Михайлова», имел и обратную сторону — он на время снимал барьеры между царем и простыми людьми и позволял ощутить истинное отношение массы европейцев к России, которое не скрашивалось нормами дипломатического церемониала и этикета и по-прежнему сводилось к стереотипному восприятию ее как второстепенной, отсталой и «варварской» страны с соответствующим отношением к особе ее государя. В России в «демократических» играх в «Петра Михайлова» окружающие четко ощущали грань, за которой «урядник» превращался в могущественного царя, и стремились не переступить ее, но она вовсе не чувствовалась в Европе. Петр, вероятно, испытал это почти сразу после пересечения границы, и «рижская обида», по сути, была вызвана первым болезненным ощущением принижения статуса собственной страны и унижения статуса ее государя. Прекрасно зная о пребывании его инкогнито в свите, недогадливый рижский провинциальный «воевода» Дальберг не только не посчитал нужным лично принять и приветствовать несовместимого с ним по «чину» русского царя и не только не обеспечил его сопровождение и охрану, но и почти поставил под угрозу его жизнь. Разглаше-

¹¹⁹ «Личные встречи между монархами были редки, не в последнюю очередь из-за сложностей, связанных с церемониалом. Что Леопольд I и Петр I встречались по меньшей мере 4 раза, было само по себе экстраординарным. Присутствие Петра в Великом посольстве и его склонность к личным встречам с монархами были новшеством и усложняли международные отношения конца XVII столетия» (*Hennings Jan. The Semiotics...* P. 539).

¹²⁰ Так, в Австрии он не упустил случая для хотя бы короткой встречи с наследником престола и будущим королем Иосифом I, к которому и потом подчеркивал свою симпатию и благосклонность (*Богословский М.М. Петр I. Материалы...* Т. II. С. 491, 518).

нием «рижской обиды» сразу по выезде из Лифляндии¹²¹ Петр фактически поставил вопрос об уважении статуса России и особы ее государя, несмотря на неофициальный характер его визита, и добился того, что все последующие европейские монархи, начиная с герцога Курляндского, усвоили этот урок и хотя бы формально встречали посольство и государя с необходимым вниманием и должным почтением к его сану.

Но он, естественно, не мог и далее не ощущать отношения к себе как к государю второстепенной «варварской» державы. Характерным примером была Англия, где, как отметил в свое время М. Андерсон, даже визит Петра в 1698 г., вызвав лишь временный и отчасти полускандалный интерес к его необычному поведению и публикацию ряда небольших сочинений о России, не изменил сложившегося за последние полтора столетия типичного даже для образованных англичан отношения к ней как к «неразвитой и отсталой, и, исключая ее роль как источника немногих сырьевых ресурсов, совершенно неважной» стране, где еще в 1690 г. Россию почти полностью игнорировали в международных расчетах и третировали «с таким безразличием, с каким едва ли позволили бы вести себя с мельчайшим из западноевропейских государств»¹²².

То, что считают признаком «дикости» и некоей неуверенности в себе Петра — требование, по возможности, строжайшего соблюдения инкогнито, периодические нервные ответы «действием» слишком назойливым наблюдателям и частые отказы появляться на публике, было лишь естественной реакцией на нездоровое любопытство даже образованных европейцев, превращавшихся в зевак, пришедших посмотреть на спустившегося в среду простых людей «царя варварской страны» как на диковинную заморскую обезьянку, унижая государственное и личное достоинство Петра и бесцеремонно вторгаясь в его приватное пространство. Уже на шестой день незаслуженно разрекламированной недели пребывания царя в Саардаме «саардамский плотник» Петр отказался присутствовать на церемонии перетаскивания корабля из Биннен-зана в Форзан, потому что толпа зевак смела палисад, отделявший их от царя, а на следующий день, 15 августа, с трудом сумел покинуть Саардам, ибо даже для того, чтобы добраться до своего буера, ему приходилось иногда силой расталкивать толпу, и царь отплыл несмотря на сильнейший ветер, серьезный риск и уговоры остаться¹²³.

¹²¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 39–40.

¹²² Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. Macmillan. L., 1958. P. 50–52.

¹²³ Богословский М.М. Петр I. Материалы...Т. II. С. 139.

Поэтому Петр I почти поневоле предпочитал изолированное проживание на Ост-Индских или Делфтфордских верфях, куда не было доступа посторонним и где он мог без помех заниматься делом, ради которого он приехал, а также настоящим общением с простыми голландцами и англичанами — но, к сожалению, именно эти эпизоды самой длительной и плодотворной деятельности царя за время Великого посольства менее всего известны нам.

Петр времени Великого посольства еще не был Петром, одержавшим в 1709 г. победу в Полтавской битве и, естественно, воспринимался в Европе совершенно иначе — в лучшем случае как молодой государь второстепенной и даже третьестепенной страны с неясными перспективами и экзотическими манерами, не отвечавшими европейским культурным стандартам поведения коронованной особы. Это отношение, в котором превалировало любопытство, вероятно, не могли до конца скрыть даже встречавшиеся с царем пожилые и опытные государи (Вильгельм III и Леопольд I), проявлявшие внешне уважение и даже симпатию к молодому царю. Поэтому пребывание Петра в Европе вряд ли было безоблачным и радужным для него.

Но, вероятно, самым болезненным для Петра было открывшееся ему отношение к его собственной стране, которую не воспринимали как равноправного и равноценного партнера в европейских международных отношениях. С ростом опыта личного руководства внешней политикой со все более учащающимися эпизодами «личной дипломатии» постепенно проходило «очарование Европой», таяли иллюзии европейского «общехристианского единства», становились видны нити многочисленных конфликтов, раздирающих Европу, происходило, как отмечал Р. Виттрам, «открытие политики как области живых расчетов»¹²⁴, в которых не было места иллюзиям и оставалось все меньше пространства для принципов «сердечной дружбы». Внешнеполитический кризис 1698 г. окончательно подорвал доверие к Англии, Голландии и особенно — к основному австрийскому союзнику. К нему как к главному виновнику провала его «восточного проекта» с июля 1698 г. Петр испытывал все более негативные чувства, косвенно отраженные и подогретенные прекрасно осведомленным о них П.Б. Возницыным в его осенних донесениях с открывающегося Карловицкого конгресса¹²⁵.

¹²⁴ Wittram R. Peter... Bd. 1. S. 199–200.

¹²⁵ ПБПВ. Т. 1. С. 744–745; ПДС. Т. IX. С. 135–138, 145–149 и далее; Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. III. С. 363–364.

В сущности, Петр был далеко не вполне прав. Союзники по Священной лиге, в которую он официально вступил лишь полтора года назад, вели гораздо более длительную, фактически пятнадцатилетнюю войну с Турцией, осложненную масштабным внутриевропейским конфликтом, и были не меньше России истощены ею. Они стояли на пороге еще одного глобального общеевропейского конфликта, побуждавшего их выйти из турецкой войны, в которой не менее истощенная Турция проявляла явную склонность к миру, понимая, что Рисвикский мир может существенно усилить позиции противников в войне с ней. С их точки зрения, кратковременное активное участие России, не приведя к серьезным стратегическим успехам на ее фронте, не внесло существенного вклада в общую победу. Перспективы успешной реализации второй фазы «восточного проекта» Петра I в 1699 г. были весьма сомнительны, а его планы строительства за один год и успешного боевого применения военно-морского флота в не имеющей его стране были почти откровенно утопичны, чтобы рисковать из-за них продолжением войны. Закljučая договор с Россией в январе 1697 г., союзники не могли предвидеть, что уже к осени сложится благоприятная конъюнктура для заключения мира, упускать которую было бы нецелесообразно.

Главную ошибку сделал прежде всего сам Петр, не сумев заранее серьезно просчитать все риски второй фазы своего «восточного проекта», при планировании которой были сделаны не только внешнеполитические просчеты, но и существенные внутренние ошибки. Неблагоприятно сложившаяся внешнеполитическая конъюнктура отчасти скрыла их, но не была единственной причиной его провала. Петр был слишком увлечен, не желая принимать в расчет объективные обстоятельства, за что еще до отправления в посольство, видимо, подвергся справедливой критике со стороны части Думы. Однако он был слишком поглощен своим «восточным проектом», чтобы объективно оценить свои промахи, и болезненно переживал его провал.

В ходе Великого посольства он получил первый серьезный урок реальной политики, избавляющий от иллюзий в отношении Европы, погруженной в свои проблемы и частично использовавшей его и Россию для достижения собственных целей. Это было для него неприятным открытием.

Итогом Великого посольства стал не рост симпатий царя к Европе, а откровенное разочарование в принципах европейской полити-

ки и в отношениях к России целого ряда европейских стран. Прежде всего это касалось Австрии, не только досрочно пошедшей на мир после переговоров, проведенных без его ведома, за спиной царя, но, преследуя собственные выгоды, превратившей Карловицкий конгресс в серию сепаратных переговоров, на которых каждый из союзников вынужден был сам отстаивать собственные интересы, что существенно облегчило задачи турецкой дипломатии. «Вот так друзья! — впоследствии говорил царь. — В жизнь не забуду всего, что потерпел от них, чувствую, как оставили меня эти друзья с пустым карманом!»¹²⁶ Разочарование оказалось очень стойким: еще 1 октября 1711 г. английский посол Чарлз Уитворт сообщал, что первой причиной долгосрочного охлаждения в отношениях России с Австрией стал Карловицкий мир. По словам самого Петра, союзники, добывшие себе войной «целые королевства» (тогда как он — «один городишко»), без его ведома «прямо порешили мир месяцев за шесть до подписания перемирия с русскими; что на него, царя, обратили внимания не больше *чем на собаку* (так он сам выразился), хотя он начинал войну *единственно вследствие просьбы союзников, во славу христианства...*»¹²⁷. Все это уже в 1698 г. ставило вопрос о том, что следовало переходить к более трезвой и прагматичной политике.

Это было главным итогом и уроком Великого посольства.

Выезжая в него странником, «очарованным Европой», Петр I возвращался назад национальным государем, ориентированным прежде всего на отстаивание интересов собственной страны в расчете на ее собственные силы.

¹²⁶ Сб. РИО. Т. 61. СПб., 1888. С. 36.

¹²⁷ Там же. С. 2.

REFERENCES

1. *Alekseeva M.A.* Gravyura petrovskogo vremeni. L., 1990. — 207 s.
2. *Andreev A.I.* Petr I v Anglii v 1698 g. // Petr Velikij. Sb. statej pod red. A.I. Andreeva. M.; L., 1947. S. 63-103.
3. *Bagro A.V.* Ukrainское kazachestvo i pervy`j Azovo-Dneprovskij poход. Diss. ...kand. ist. nauk. SPb., 2015.
4. *Bazarova T.A., Kopelev D.N.* Al`bom petrovskogo navigatora. SPb., 2016. — 135 s.
5. *Baklanova N.A.* Velikoe posol`stvo za granicej (ego zhizn` i by`t po prihodno-rasходny`m knigam posol`stva) // Petr Velikij. Sb. statej pod red. A.I. Andreeva. M.; L., 1947. S. 3-62.
6. *Bogoslovskij M.M.* Petr I. Materialy` dlya biografii. T. I. M., 1940. — 435 s.
7. *Bogoslovskij M.M.* Petr I. Materialy` dlya biografii. T. II. M.; L. 1941. — 624 s.
8. *Velikanov V.S.* K voprosu ob organizacii i chislennosti vooruzhenny`x sil Rossijskogo gosudarstva v 1699 g. // Vojna i oruzhie. Novy`e issledovaniya i materialy`. Trudy` четvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sb. st. SPb., Ch. I. S. 335–350.
9. *Vozgrin V.E.* Rossiya i evropejskie strany` v gody` Severnoj vojny`. L., 1986. — 296 s.
10. *Guzevich D.Yu., Guzevich I.D.* Velikoe posol`stvo: rubezh e`pox, ili Nachalo puti, 1697–1698. SPb., 2008. — 693 s.
11. *Guzevich D.Yu.* Ital`janskije mastera i pervy`j massovy`j najm specialistov v petrovskuyu e`poxu, 1696–1699 g. // Vestnik istorii estestvoznaniya i texniki. 2012. № 4. S. 108-131.
12. *Gus`kov A.G.* Velikoe posol`stvo Petra I. Istochnikovedcheskoe issledovanie. M., 2005. — 396 s.
13. *Gus`kov A.G., Kochegarov K.A., Shamin S.M.* Russko-tureczkaya vojna 1686–1700 // Rossijskaya istoriya. 2020. № 6. S. 30–49.
14. Dvorczovy`e razryady`. T. IV. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1855. — 1158 st.
15. *Degoev V.V.* Vneshnyaya politika Petra I. T. 1: Russkoe Velikoe posol`stvo (1697–1698 gg.) M., 2019. — 616 s.

16. *Elagin S.I.* Istoriya russkogo flota. Period Azovskij. Prilozheniya. Ch. 1. SPb., 1864. — 515 s.
17. *Zaruba V.N.* Ukrainское kazaczkoje vojsko v bor`be s tureczko-tatarskoj agressiej (poslednyaya chetvert` XVII v.). Xar`kov: Osnova, 1993. — 168 s.
18. *Kalinin V.A.* Pamyatny`e medali vremeni Velikogo posol`stva 1697–1698 godov // Trudy` GE`. Materialy` i issledovaniya Otdela numizmatiki: pamyati A.A. Markovoj (1895–1975). SPb., 2009. S. 150–158.
19. *Kurbatov O.A.* Voenny`e reformy` v Rossii vtoroj poloviny` XVII v. Konnicza. M., 2017. — 301 s.
20. *Kurbatov O.A.* Organizaciya i boevy`e kachestva russkoj pexoty` «novogo stroya» nakanune i v xode russko-shvedskoj vojny` 1656–1658 gg. // Arxiv russkoj istorii. Vy`p. 8. M., S. 175–197.
21. *Kurbatov O.A.* Oчерk istorii konny`x polkov «novogo stroya» russkoj armii ot nachala ix sushhestvovaniya do okonchaniya russko-shvedskoj vojny` 1656–1658 gg. // Edinorog. Vy`p. 3. M., 2014. S. 90–136.
22. *Kurbatov O.A.* Rol` sluzhily`x «nemcev» v reorganizacii russkoj konnicy v seredine XVII v. // Inozemcy v Rossii v XV–XVII v. Sbornik materialov konferencij 2002–2004 gg. M., 2006. S. 18–34.
23. *Malov A.V.* Moskovskie vy`borny`e polki soldatskogo stroya v nachal`ny`j period svoej istorii. 1656–1671. M., 2006. — 622 s.
24. *Pavlenko N.I.* Petr Velikij. M., 1994. — 591 s.
25. Pamyatniki diplomaticheskix snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostranny`mi (dalee — PDS). T. VII. SPb.: II-e otdelenie Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii. 1864. — 1514 st.; PDS. T. VIII. SPb., 1867. — 1416 st.
26. *Petrukhintsev N.N.* Dva flota Petra I: texnologicheskie vozmozhnosti Rossii // Voprosy` istorii. 2003. № 4. S. 117–128.
27. *Petrukhintsev N.N.* Vostochny`j vektor petrovskix preobrazovanij i predposy`lki reformy` voenny`x struktur Rossii // Petr I i Vostok. Materialy` XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. 1–2 iyunya 2018 g. SPb., 2019. S. 131–154.
28. *Petrukhintsev N.N., Nikitina A.A.* Poslednij natisk na step` v XVII stoletii: voennaya kampaniya 1698 g. kak final «petrovskoj vojny`» s Turciej // Istoriya: Fakty` i simvol`. 2020. № 4. 2020. S. 90–98.
29. Pis`ma i bumagi Petra Velikogo (dalee — PBPV). T. 1. SPb., 1887. — 888 s.
30. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. Tom III. 1689–1699 gg. SPb., Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. — 694 s. (dalee — PSZ)

31. *Ruban V.G.* Poxod boyarina i bol'shogo polku voevody` Alekseya Semenovicha Sheina k Azovu, vzyatie sego i Lyutina goroda i torzhestvennoe ottudy` s pobedonosny`m voinstvom vozvrashhenie v Moskvu, s podrobny`m opisaniem vsex voenny`x i torzhestvenny`x proisshestvij i s imyanny`m spiskom by`vshix pri tom suxoputny`x i morskix, velikorossijskix i malorossijskix vy`shshix i nizhnix voenachal`nikov chisle vsex vojsk i uchinenny`m ony`m nagrad. SPb., 1773. — 226 s.
32. *Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obsbhestva* (dalee — Sb. RIO). T. 20. SPb., 1877. — 601 s.
33. *Solov`ev S.M.* Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. Kn. VII. M., 1988. — 701 s.
34. *Ustryalov N.G.* Istoriya czarstvovaniya Petra Velikogo. T. II. SPb. Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kancelyarii. 1858. — 582 s.
35. *Ustryalov N.G.* Istoriya czarstvovaniya Petra Velikogo. T. III. SPb. Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kancelyarii. 1858. — 652 s.
36. *Fejgina S.A.* Azovskie poxody` i vneshnyaya politika 1695–1699 gg. // Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. Rossiya v pervoj chetverti XVIII v. T. 7. M., 1954. S. 435–458.
37. *Shafirov P.P.* Rassuzhdenie, kakie zakonny`e prichiny` Petr I, czar` i povelitel` vserossijskij, k nachatiyu vojny` protiv Karla XII, korolya shvedskogo, v 1700 g. imel. M., 2008. — 202 s.
38. *Shmurlo E.F.* O voennom flote Petra I. Istoricheskij arxiv. 1996. № 4. S. 4–7.
39. *Shbukina E.S.* O sozdanii medali v pamyat` vzyatiya Azova raboty` Ya. Boskama // Kul`tura i iskusstvo Petrovskogo vremeni. L., 1977. S. 159–162.
40. *Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. Macmillan. L., 1958. — 245 r.
41. *Davies Brian L.* Warfare, state and society on the Black Sea steppe, 1500–1700. London; New York, 2007. — 272 r.
42. *Edward Hawkins.* Medallie Illustrations of the History of Great Britain and Irelsand to the Death of George II. Vol. 2. London, 1885. — 833 r.
43. *Hennings Jan.* The Semiotics of Diplomatic Dialogue: Pomp and Sircumstance in Tsar Peter I's Visit to Vienna in 1698 // The International History Rewiew. Vol. XXX. № 3. September 2008. P. 515–544.
44. *Petrukhintsev N.N.* The Baltic Strategy of Peter the Great // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16 bis 20. Jahrhundert) / Quellen und Studien

- zur Baltischen Geschichte. Band 22 / Böhlau Verlag. Wien — Köln-Weimar. 2012. S. 169–189.
45. *Stevens Carol Belkin*. Soldiers on the Steppe. Northern Illinois University Press. DeKalb. 1995. — 240 r.
46. *Stevens Carol Belkin*. Russia's wars of emergence, 1460–1730. Harlow, 2007. — 329 r.
47. *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit: Bd. 1–2. Göttingen, 1964. Bd. 1. — 490 s.

Ключевые слова:

Русско-турецкая война 1686–1700 гг.; Великое посольство Петра I; внешнеполитический кризис 1698 г.; русско-голландские и русско-австрийские отношения в XVIII в.

Nikolay N. Petruhintsev

THE GRAND EMBASSY OF PETER THE GREAT AS PART OF THE «EASTERN PROJECT» AND FOREIGN POLICY CRISIS OF 1698

The Grand Embassy of 1697–1698 is highlighted as a part of the «Eastern Project» of Peter the Great – a complex system of interconnected events, created to ensure continuation of the Great Turkish War (1686–1700).

It definitely wasn't a tourist journey to get a thorough view of Europe. On the contrary main goals and aims of the Grand Embassy were determined by the second phase of the «Eastern Project». Major strategic changes were made with an attempt to shift operational warfare to the sea, which required prompt construction of the war fleet.

The new strategy of Peter the Great, fully dependent on the results of the navy operation planned on summer 1699, met its failure in 1698, due to dramatic change in European foreign policy, which can be characterized in regards to Russia and the Tsar as the «Foreign Policy Crisis of 1698». Along with other factors the crisis mentioned above caused the Tsar's deep disappointment in Europe and switch to a more realistic foreign policy strategies.

Key words: Русско-турецкая война 1686–1700 гг., The Grand Embassy of Peter the Great, Foreign Policy Crisis of 1698, 18th century foreign relations with Austria and Holland.

Nokolay N. Petrukhintsev – D.Sc. (History), Chairman Professor at the Humanitarian and Natural-Science Studies Department of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk' Branch).

 Петрухинцев Николай Николаевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС), Липецкий филиал

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.002

А.В. Венков

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОНСКОГО ГЕНЕРАЛИТЕТА. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.

заимоотношения донского казачества и российских правителей в XVI — начале XVIII в., личности донских атаманов и их ближайшего окружения, составлявшего войсковое старшинство, через которых в первую очередь они и осуществлялись, отражены в обширной историографии, но наиболее фундаментально были исследованы С.И. Рябовым¹ и Н.А. Мининковым². Рябов описал, как в XVII в. на Дону сложилась промосковски настроенная домовитая прослойка, которая в первой четверти XVIII в., при Петре I, «сосредоточила в своих руках значительные богатства и имела огромное влияние на основную массу казачества»³. Из этой верхушки впоследствии и вышел донской генералитет.

В.М. Безотосный проанализировал состав донского генералитета в 1812 г.⁴ Им были описаны служба донских генералов, их взаимоотно-

¹ Рябов С.И. Войско Донское и российское самодержавие (1613–1725 гг.). Волгоград, 1993.

² Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998.

³ Рябов С.И. Указ. соч. С. 38, 82.

⁴ Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999.

Портрет генерал-майора Ф.И. Краснощекова. 1761 г.
Художник А.П. Антропов

шения между собой, происхождение. Он дал беглый обзор становления донского генералитета. Уделил внимание донской казачьей верхушке того времени А.И. Сапожников. Он, описывая командный состав донцов в 1812 г., отметил его характерные черты: «Не вдаваясь в генеалогические подробности родственных связей между полковыми командирами, носившими разные фамилии, замечу только, что верхушка Войска Донского была просто пронизана ими. Войсковой атаман видел в этом положительную сторону...»⁵ Коснулся этого вопроса А.И. Агафонов⁶. Что касается возникновения и становления донского генералитета во второй половине XVIII в., то этот вопрос изучен далеко не полно. Ему посвящается данная статья.

В XVIII в. генеральский чин получил 41 донской казак. Еще с первой половины XVIII в. некоторые представители казачьей верхушки, особо отличившиеся во время военных кампаний, имели армейские чины. Первое производство в бригадирский чин состоялось в 1738 г. при императрице Анне Иоанновне. Удостоен его был Иван Матвеевич Краснощеков⁷.

⁵ Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012. С. 56.

⁶ Агафонов А.И. Донская геральдика. Ростов н/Д., 2016.

⁷ Астапенко Е.М. История города Черкаска — станицы Старочеркасской XVI — начала XXI в. Ростов н/Д., 2020. С. 170.

Портрет генерала от кавалерии А.И. Иловайского. XVIII в.
Неизвестный художник

В царствование Елизаветы Петровны произведенных было 3 — Федор Иванович Краснощеков был произведен в бригадиры (1755 г.), Сидор Себряков получил такой же чин (1759) и войсковой атаман Данила Ефремович Ефремов получил чин генерал-майора (1753 г.). Все произведенные не прошли ступени военной карьеры, определенные «Табелью о рангах». Они сразу производились в высшие военные чины.

Что касается донских казаков, командующих казачьими полками, то их называли «донскими полковниками», и с 1775 г. было положено считать их чином ниже армейского секунд-майора, но выше капитана⁸.

Во время царствования Екатерины II, особенно в 1770-е гг., на взаимоотношения центральной власти с донскими казаками сильнейшее влияние оказали два события — мятеж атамана Степана Ефремова, быстро подавленный, и крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Реагируя на эти два события, власть вмешивается в формирование донской верхушки. К вершинам власти возносятся люди, активно участвовавшие в подавлении восстания Пугачева и стоявшие

⁸ Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1912. С. 19.

в оппозиции к С. Ефремову, и частью проводимой властью политики является и производство в генералы.

При Екатерине генеральские чины получили 10 человек. В генерал-майоры был произведен Федор Иванович Краснощеков, получивший чин бригадира при Елизавете Петровне. С промежутком в 13 лет имело место еще одно производство — Алексей Иванович Иловайский, лично схвативший Емельяна Пугачева, получил чин генерал-майора вместе с назначением войсковым атаманом (1776 г.).

Через 8 лет, в 1784 г., сразу 5 донцов получили бригадирские чины: 2 войсковых судьи — Дмитрий Мартынович Мартынов и Амвросий Гаврилович Луковкин (походный атаман донцов, выступивших против Пугачева) и 3 наиболее отличившихся военных — Илья Федорович и Федор Петрович Денисовы и Михаил Сидорович Себряков. Войсковой атаман Алексей Иловайский пошел на повышение, был произведен в генерал-поручики.

Для всех указанных произведенных генерал-майорский или бригадирский чины были очередными, они уже имели русские военные чины. Иловайский, Мартынов и Луковкин в предыдущие войны и походы получили подполковничьи чины и успели вырасти до полковников. Илья Денисов до бригадирского чина успел получить полковничий, а для Федора Денисова первым русским чином стал майорский чин.

Начавшаяся война с Турцией и последовавшие разделы Польши вывели в генералы Матвея Ивановича Платова (в 1789 г. бригадирский чин и в 1790 г. чин генерал-майора), Дмитрия Ивановича Иловайского (в 1790 г. бригадирский чин и в 1794 г. чин генерал-майора) и Василия Петровича Орлова (в 1792 г. генерал-майорский чин).

Генерал-майорские чины в 1790 г. получили войсковые судьи Д.М. Мартынов и А.Г. Луковкин.

В 1794 г. в генерал-майоры произведен Яков Никифорович Сулин. И в 1795 г. Федор Петрович Денисов стал генерал-поручиком. Под занавес «преславного екатерининского века» бригадирский чин получил сын войскового судьи Андрей Дмитриевич Мартынов (28 июня 1796 г.).

Все новоиспеченные генералы прошли предыдущие русские воинские армейские чины, начиная с майорского (Михаил Себряков сразу получил чин полковника). Власть исподволь делала все, чтобы сделать среди донской верхушки (старшин) престижными русские армейские чины.

Список 1776 г. состоит из 93 лиц, получивших чин старшины с 1737 по 1775 г.⁹ Список выстроен строго по времени получения старшинства.

⁹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 124–186.

Портрет генерала от кавалерии Д.И. Иловайского. XVIII в.
Неизвестный художник

В список внесены имя, отчество, фамилия, возраст, происхождение каждого старшины, время его поступления на службу, время производства в очередной чин либо получения новой должности (хорунжий, сотник, толмач, есаул, старшина).

С 1780–1781 гг. структура старшинской верхушки резко изменилась. Составленный в это время «Список именной Войска Донского войсковым старшинам, ныне налицо при Войске состоящим»¹⁰, насчитывающий 68 человек, построен строго по старшинству российских воинских чинов.

Завершение формирования донского генералитета приходится на период царствования Павла Петровича, который много сделал для того, чтобы интегрировать донское казачье войско в российскую военную структуру. Он уравнил казачьих командиров с русскими офицерами, фактически подарив каждому два чина — казачий полковник стал равен русскому полковнику, есаул — майору, сотник — поручику и т.д. Тем самым было положено начало созданию донского дворянства. При императоре Павле была создана донская артиллерия¹¹.

¹⁰ Там же. Л. 299–300.

¹¹ Преснухин М. «Бог войны» на Дону: конная артиллерия Донского казачьего войска // Родина. 2011. № 7. С. 19–21.

Портрет генерала от кавалерии В.П. Орлова. XVIII в.
Неизвестный художник

Что касается донского генералитета, то за короткое по времени царствование Павла Петровича состоялись 39 производств, коснувшихся 34 человек. 30 человек стали генерал-майорами, 5 были произведены в генерал-лейтенанты и 4 получили чины генералов от кавалерии.

Наблюдалось стремительное увеличение количества генерал-майоров. 20 казачьих офицеров получили за время царствования императора Павла чин полковника и сразу же, в течение 1–2 лет, чин генерал-майора. В отличие от «второй волны» генералов, которые получали русские чины, начиная с майорского или подполковничьего, среди произведенных при Павле 6 человек зафиксировали в своей карьерной лестнице чин поручика, а для двух первым русским армейским чином стал чин капитана.

При Павле Петровиче чин генерал-поручика был заменен чином генерал-лейтенанта. Этим чином царь наградил уходящего в отставку Якова Никифоровича Сулина. В генерал-лейтенанты был произведен (26 ноября 1796 г.) уже имеющий чин генерал-поручика (1 января 1795 г.) Федор Петрович Денисов. Чин генерал-лейтенанта получили Василий Петрович Орлов, Андрей Карпович Киреев, Андрей Дмитриевич Мартынов и Дмитрий Иванович Иловайский.

В генералы от кавалерии были произведены войсковой атаман Алексей Иванович Иловайский (умерший, будучи в Москве на коронации) и сменивший его Василий Иванович Орлов (26 октября 1799 г.).

Через полтора года после получения генерал-лейтенантского чина генералами от кавалерии стали Федор Петрович Денисов (26 февраля 1798 г.) и Дмитрий Иванович Иловайский (27 июля 1799 г.). Из всех «екатерининских» генералов, не вышедших к тому времени в отставку, единственным обойденным производством за все время царствования Павла Петровича оказался Матвей Платов.

Что представляли собой донские генералы, дают представление «Послужные списки генералов, полковников, подполковников, секунд-майоров, премьер-майоров, майоров, старшин и войсковых старшин. За 1797 год». Форма у всех списков одина. «Чин, имя с отчеством и прозванием. Сколько от роду лет. Из какого состояния и, буде из дворян, в которых губерниях и уездах и сколько имеет за собою мужского пола душ крестьян. В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда. Чины. Года, месяца, числа. В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился. Во время службы своей в походах и у дела против неприятеля где и когда был. Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли. В домовых отпусках был ли когда именно на какое время и являлся ли на срок. В штрафах по суду или без суда был ли и за что именно и когда. Женат или холост, имеет ли детей. В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно по чьему повелению и с которого времени находится. Повышения достоин или за чем именно не аттестуется»¹².

Что представлял собой разросшийся генералитет? Все они, даже самые молодые, прошли как минимум три войны. В послужных списках указаны пограничная служба, сражения при Кагуле, Кинбурне, Мачине, штурмы Измаила и Праги. Двое побывали в Италии и Швейцарии. Один из этих двоих, Семен Иванович Курнаков, являл собой полную противоположность остальным. С 1 января 1771 г. по 1 января 1798 г. он служил в Войсковой канцелярии и в Донском гражданском правительстве, затем сразу получил полк, был послан в Италию и там стал генералом и командиром бригады¹³. В целом это лихие кавалерийские генералы победоносной армии, выигравшей две войны с Турцией, войну со Швецией и участвовавшей в разделах Польши. Это их объединяет. Что же их разделяло?

Прежде всего, новоявленные генералы рознились своим происхождением. 6 человек — все они генерал-майоры — показали, что они

¹² ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 41. Л. 2 об. — 3.

¹³ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 71. Л. 13 об. — 16.

«из казачьих детей». Это Гаврила Агапович Боков, Иван Никифорович Бузин, Иван Кузьмич Краснов, Семен Иванович Курнаков, Иван Степанович Родионов и Захар Евстратович Сычев. Разнобой начинается среди генералов, которые за 20–30 лет до этого, не колеблясь, записались бы «старшинскими детьми». 14 из них так и записались. Но дальше стали писаться «кто во что горазд»: «из полковничьих детей» (генерал-лейтенант Андрей Киреев); «из полковничьих детей» (генерал-майоры Василий Тимофеевич Денисов и Николай Петрович Кульбаков); «из штаб-офицерских детей» (Николай Васильевич Иловайский, Степан Ефимович Кутейников, Иван Никифорович Сулин, Петр Иванович Янов); «из генерал-майорских детей» (Логин Карпович Денисов); «генерал-майорский сын» (Адриан Карпович Денисов); «из генералитетских детей» (Иван Дмитриевич Иловайский); «из бригадирских детей» (Григорий Михайлович Поздеев); «из дворян» (Алексей Петрович Орлов, Павел Дмитриевич Иловайский, Андрей Дмитриевич Мартынов¹⁴).

Как отмечал С.В. Корягин, в это время на Дону «можно насчитать не более десятка дворянских родов, при том что существовало значительно больше (несколько десятков) старшин, имевших армейские чины и, тем самым, права Всероссийского дворянства (они имели населенные имения и крепостных). Тем не менее они отнюдь не спешили оформлять потомственное дворянство»¹⁵.

Возраст генералов, ставших таковыми при Павле Петровиче, имеет большой разброс — от 23 (Василий Тимофеевич Денисов) до 69 (Яков Петрович Табунщиков). Среди генералов, происходящих «из казачьих детей», разброс меньше — от 41 до 60. Среди генерал-майоров «старшинского» происхождения разброс велик. Разделив эту группу условно на две части — получившие чин в возрасте до 40 лет и после 40 лет, — увидим, что до 40 лет генералами стали 11 человек, а после 40 лет — 12. Главное отличие между этими двумя группами в том, что среди получивших генеральский чин после 40 лет лишь один имеет предка бригадира (Григорий Михайлович Поздеев), а среди получивших таковой чин до 40 лет генеральских детей пятеро (Адриан Карпович Денисов, Логин Карпович Денисов, Иван Дмитриевич Иловайский, Павел Дмитриевич Иловайский, Андрей Дмитриевич Мартынов).

¹⁴ Там же. Д. 41. Л. 1 об., 3 об.; Д. 71. Л. 3 об., 7 об., 14 об., 23 об.; Д. 208. Л. 3 об., 5 об., 20 об., Л. 29 об.; Д. 231. Л. 19 об.

¹⁵ Корягин С.В. Мельниковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 11. М., 2000. С. 97.

Генерал-лейтенантские чины получены в возрасте от 38 (Андрей Дмитриевич Мартынов, сын генерала и войскового судьи) до 60 лет (Дмитрий Иванович Иловайский, брат покойного войскового атамана, наказной атаман). В довольно раннем возрасте — 39 лет — его получил Андрей Карпович Киреев, сын полковника. Среди получивших чины генералов от кавалерии трое сверстников — Федор Петрович Денисов (60 лет), Дмитрий Иванович Иловайский (61 год), Алексей Иванович Иловайский (62 года). В 46 лет получил этот чин Василий Петрович Орлов, войсковой атаман, сменивший на этом посту Алексея Иловайского. Такое доверие к В.П. Орлову со стороны императора, видимо, вызвано тем, что Орлов был первым командиром лейб-казачьей команды, которая несла службу при наследнике престола Павле Петровиче и впоследствии была развернута в лейб-гвардии казачий полк.

Служба в этой небольшой воинской и одновременно придворной части стала служебным «лифтом» с приходом Павла I к власти. В этой части временно со сменными командами несли службу Борис Алексеевич Греков (генерал-майор с 03.12.1799), Василий Тимофеевич Денисов (генерал-майор с 30.12.1799), Иван Семенович Кумшацкий (генерал-майор с 25.10.1798) и Степан Ефимович Кутейников (генерал-майор с 21.12.1799).

Наиболее ценимые царем генералы становились командирами лейб-гвардии казачьего полка: генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от кавалерии) Федор Петрович Денисов с 24 января 1798 г. и Алексей Петрович Орлов (генерал-майор с 28.10.1798) с 2 мая 1799 г.

Генералы «из казачьих детей» отличаются от «старшинских» временем поступления на службу. Это — 17, 18, 21, 24 года. Один Семен Курнаков поступил на службу в 13 лет, но — писарем в Войсковую канцелярию. В 20 лет он стал сотником¹⁶.

«Старшинские дети», в отличие от «казачьих детей», на службу поступали гораздо раньше. Иван Дмитриевич Иловайский был записан на службу с 7 лет и в 10 лет стал сотником. Его брат, Павел Дмитриевич, был записан на службу в 9 лет и в 10 лет стал есаулом. Так же с 9 лет формально начали служить Степан Ефимович Кутейников и Алексей Васильевич Иловайский, и если Кутейников есаулом стал в 17 лет¹⁷, то Алексей Иловайский чин есаула получил с момента поступления на службу¹⁸.

¹⁶ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 71. Л. 13 об.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.; Д. 208. Л. 4 об.; Д. 231. Л. 19 об.

¹⁸ Корягин С.В. Иловайские и другие. Вып. 17. М., 2001. С. 74.

С 10 лет поступили на службу Андрей Дмитриевич Мартынов и Николай Васильевич Иловайский, с 11 лет — Василий Петрович Орлов и Иван Евдокимович Греков, с 12 лет — Николай Петрович Кульбаков и Василий Тимофеевич Денисов, с 13 лет — Дмитрий Евдокимович Греков и Адриан Карпович Денисов, с 14 лет — Логин Карпович Денисов, Андрей Карпович Киреев, Алексей Петрович Орлов и Яков Никифорович Сулин... Список можно продолжить.

Все они были записаны в полки к своим отцам или ближайшим родственникам. Дмитрий Евдокимович Греков — в полк Макара Грекова, Адриан Карпович Денисов — в полк отца, Карпа Петровича, Логин Карпович Денисов — в полк Тимофея Денисова, Тихон Иванович Денисов — в полк Михаила Денисова, Иван Дмитриевич Иловайский — «в сотном покойного генерала от кавалерии и кавалера Алексея Иловайского полку», у родного дяди, Николай Васильевич Иловайский — в полку отца, Василия Иловайского, Андрей Карпович Киреев — в полку отца, Карпа Киреева, Николай Петрович Кульбаков — в полку отца, Петра Кульбакова. И таких еще несколько. Своеобразным исключением являются Павел Дмитриевич Иловайский, который с 9 до 14 лет перебивал в полках Дмитрия Поздеева, Михаила Грекова, Карпа Денисова (в «разъездном полку» в Санкт-Петербурге) и только после этого оказался в полку дяди, Василия Иловайского, и Иван Семенович Кумшацкий, начавший службу в 15 лет и ушедший в 17 лет на Царицынскую линию с полком походного атамана Леонтия Лукьянова¹⁹, в его послужных документах не просматривается служба вместе с родственниками. Все эти данные говорят о неизбывной клановости, расцветшей в Войске Донском. Но и ее структура не постоянна.

«Список именной господам Войска Донского служилым старшинам», доведенный до 1779 г., состоит из 112 имен, записанных по мере производства в старшины, по годам: Грековых — 11 (фактически 10% от всех старшин), Денисовых — 8, Сулиных — 5, Поздеевых — 4, по 3 представителя от кланов Барабанщиковых, Краснощековых, Яновых, Мартыновых, Дячкиных, Каршиных, Иловайских²⁰ (если учесть и самого атамана Алексея Иловайского). Сравнив эти имена с именами донских генералов, служивших при императоре Павле Петровиче, увидим, что количество Грековых сократилось до трех (это чуть меньше 10% от числа генералов), Денисовых стало 7 (но в процентном отношении их ко-

¹⁹ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 30 об.; Д. 231. Л. 19 об.; Ф. 344. Оп. 1. Д. 71. Л. 7 об.

²⁰ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 294–298 об.

личество выросло и составило 20% всех генералов), за время атаманства Алексея Ивановича Иловайского удвоилось количество Иловайских — их дети стали генералами (18% всех генералов); нет в списках генералов Барабанщиковых, Краснощековых, Дячкиных, Каршиных, но сохранились Сулины, Поздеевы, Яновы и Мартыновы. Вошли в силу Орловы.

Кланы, естественно, были связаны между собой родственными узами. Иловайские состояли в родстве с Грековыми, Яновыми; Кутейниковы — с Грековыми и Сулиными; Грековы — с Сулиными и Мартыновыми (но Мартыновы враждовали с Иловайскими). Все они были уроженцами Черкаска — донской столицы. Им традиционно противостоял крупный провинциальный клан Денисовых из станиц Пятиизбянской и Нижне-Чирской. Глава клана, Федор Петрович Денисов, раньше других донцов был произведен в генералы от кавалерии — 26 февраля 1798 г. — и возведен в графское достоинство 4 апреля 1799 г., став первым графом из донских казаков.

Василий Петрович Орлов, сам житель Черкаска, чей предок, беглый стрелец, объявился там во времена Петра Великого, женился на единственной дочери Федора Петровича Денисова, и его сын Василий унаследовал графский титул, стал графом Орловым-Денисовым.

Какая-то часть донского генералитета стала заключать брачные союзы вне своих кланов, вне территории Войска. Павел Дмитриевич Иловайский был женат на дочери генерала от кавалерии Шевича Марфе Егоровне²¹. Степан Данилович Греков женился на дочери генерал-майора Депрерадовича Надежде Георгиевне²². Оба тестя — выходцы с Балкан.

57-летний генерал Иван Бузин был уже вдов, а 26-летний Василий Тимофеевич Денисов и 33-летний Логин Карпович Денисов все еще не женаты.

Особым количеством орденов донские генералы похвастать не могли. Знаки ордена Святого Георгия имели Дмитрий Евдокимович Греков, Адриан Карпович Денисов, Федор Петрович Денисов, Павел Дмитриевич Иловайский, Андрей Карпович Киреев, Иван Кузьмич Краснов, Василий Петрович Орлов.

Что касается уровня грамотности, то среди донских генералов подавляющее большинство умело лишь читать и писать по-русски. Андрей Карпович Киреев честно признался: «других наук не знаю». Лишь Адриан Карпович Денисов, помимо русской грамоты, знал «часть мате-

²¹ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 231. Л. 20.

²² Корягин С. В. Грековы. Вып. 42. М., 2003. С. 56.

матики» и умел по-французски читать и писать. Да Павел Дмитриевич Иловайский отметил в послужном списке, что умеет читать и писать по-французски, знает историю, географию и арифметику²³.

Именно донской генералитет, как лучшая и самая успешная часть донской старшины, имел больше шансов стать самыми богатыми помещиками на Дону. Войсковая старшина не отчитывалась о своих доходах или своем имуществе. В послужных списках, которые были введены для казаков, имеющих русские армейские чины, такая графа появилась.

Анализ имущественного положения донского генералитета показал следующее: как дворяне, донцы имели право покупать крепостных, но из закрепощаемой Малороссии к ним сами потоком шли беглецы и оседали на землях новоявленной донской аристократии в промежуточном состоянии «подданных», которых нельзя продать. Естественно, именно такие «подданные», зафиксированные в документах как «малороссияне», составляли основу благосостояния указанных генералов. Так, Андрей Карпович Киреев записал, что у него «покупных по крепости мужска пола 4 души, а в Войске в приписных состоящих малороссиян 195 душ». Андрей Дмитриевич Мартынов указал более четко: «За мной по 5-й ревизии великороссов 14, малороссов 501, всего 515 душ и жилой дом в г. Черкасске»²⁴.

Большинство генералов оказались владельцами нескольких сотен «душ». Таковы Адриан Карпович Денисов, Павел Дмитриевич Иловайский, Иван Семенович Кумшацкий, Степан Ефимович Кутейников, Петр Иванович Янов. Очень много их оказалось у Семена Ивановича Курнакова, из казачьих детей, с 1771 по 1798 г. прослужившего в Донском гражданском правительстве. Он имел 1587 крестьян²⁵. Некоторые успели получить земли в завоеванной Новороссии и заселить их. Так, Гаврила Агапович Боков, из казачьих детей, имел 403 «души» на Дону и 302 в Тираспольском уезде, а кроме того, дом в ст. Вёшенской. Иван Никифорович Бузин, из казачьих детей, имел 6 купленных крестьян и 178 малороссиян в Новороссийской губернии²⁶. А вот Алексей Петрович Орлов владел 1300 «душами» в Киевской губернии и имел еще 400 «душ» в войске²⁷.

²³ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 231. Л. 20; Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 4; Д. 71. Л. 15.

²⁴ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 1 об., 3 об.

²⁵ Там же. Д. 71. Л. 13 об.

²⁶ Там же. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 9 об.; Д. 231. Л. 30 об.

²⁷ *Корягин С.В.* Орловы-Денисовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 27. М., 2002. С. 8.

Несколько десятков «душ» записали за собой Борис Алексеевич Греков, Григорий Михайлович Поздеев, Иван Степанович Родионов, Захар Евстратович Сычев и Иван Кузьмич Краснов. Николай Петрович Кульбаков имел 10 крепостных крестьян и 226 «подданных», но «вместе с отцом полковником Кульбаковым». Василий Тимофеевич Денисов получил «по наследству 33 души», Логин Карпович Денисов записал, что крестьян у него нет, а «подданных» 7 душ. И Тихон Иванович Денисов, Иван Дмитриевич Иловайский и Николай Васильевич Иловайский написали, что крестьян и подданных не имеют. Правда, у последнего был «жилой дом в Черкасске»²⁸.

Таким образом, возникновение донского генералитета было следствием интеграции донских казаков в государственную и военную структуру Российского государства. Российская власть переориентировала донскую казачью, частично выборную, верхушку на получение русских армейских военных чинов, чем ослабила ее зависимость от рядовой казачьей массы, но поставила ее в жесткую зависимость от российской военной власти. Большинство донского генералитета состояло из представителей донской старшинской верхушки, эта часть генералов сохранила ее свойства — клановость, продвижение своих детей по службе с самых малых лет, низкий уровень грамотности — подавляющее большинство умеет лишь читать и писать по-русски. Тем не менее даже в конце XVIII в. сохранилась возможность дорости до генерала у детей рядовых казаков, они составляют примерно 1/6 часть донских генералов. Донские генералы, и дети старшин, и дети рядовых казаков, в большинстве своем не упустили возможности стать донскими помещиками.

²⁸ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 3 об., 16 об.; Ф. 344. Оп. 1. Д. 71. Л. 3 об., 23 об.

REFERENCES

1. *Agafonov A.I.* Donskaya geraldika [Don heraldry]. Rostov n/Don: Omega-Publisher, 2016. 408 s.
2. *Astapenko E.M.* Istoriya goroda Cherkasska — stanicy Starocherkasskoj XVI — nachala XXI v. [The history of the city of Cherkassk — the village of Starocherkasskaya XVI — early XXI centuries]. Rostov n/Don: Mini Type LLC, 2020. 348 s.
3. *Bezotosny V.M.* Donskoj generalitet i ataman Platov v 1812 godu. Maloizvestnye i neizvestnye fakty na fone znamenityh sobytij [Don generals and ataman Platov in 1812. Little-known and unknown facts against the background of famous events]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 192 s.
4. *Koryagin S.V.* Grekovy. Genealogiya i semejnaya istoriya donskogo kazachestva [Grekovs. Genealogy and family history of the Don Cossacks]. Issue 42. Moscow: Rusaki, 2003. 128 s.
5. *Koryagin S.V.* Ilovajskie i drugie. Genealogiya i semejnaya istoriya donskogo kazachestva [Ilovaisky and others. Genealogy and family history of the Don Cossacks]. Issue 17. Moscow: Rusaki, 2001. 120 s.
6. *Koryagin S.V.* Mel'nikovy i drugie. Genealogiya i semejnaya istoriya donskogo kazachestva [Melnikov and others. Genealogy and family history of the Don Cossacks]. Issue 11. Moscow: Rusaki, 2000. 112 s.
7. *Koryagin S.V.* Orlovy-Denisovy i drugie. Genealogiya i semejnaya istoriya donskogo kazachestva [Orlov-Denisov and others. Genealogy and family history of the Don Cossacks]. Issue 27. Moscow: Rusaki, 2002. 120 s.
8. *Mininkov N.A.* Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.) [Don Cossacks in the era of the Late Middle Ages (before 1671)]. Rostov n/Don: Publishing House of Rostov university, 1998. 512 s.
9. *Presnukhin M.* «Bog vojny» na Donu: konnaya artilleriya Donskogo kazach'ego vojska [«God of War» on the Don: horse artillery of the Don Cossack army] // Rodina. 2011. No. 7. S. 19–21.

10. *Ryabov S.I.* Vojsko Donskoe i rossijskoe samoderzhavie (1613–1725 gg.) [The Don Army and the Russian autocracy (1613–1725)]. Volgograd: Peremena, VGPU, 1993. 100 s.
11. *Sapozhnikov A.I.* Vojsko Donskoe v Otechestvennoj vojne 1812 goda [The Don Army in the Patriotic War of 1812]. M.; St. Petersburg: Alliance-Archeo, 2012. 848 s.

Ключевые слова:

донские казаки, генералитет, помещики, кланы

Andrey V. Venkov

THE EMERGENCE OF THE DON GENERALS

The article examines the process of the emergence of the generals among the Don Cossacks in the XVIII century. At first, the most prominent Don atamans and commanders, as an exception, immediately received Russian general ranks. But there were only a few of them. Since the reign of Catherine II, the Don Cossacks began to purposefully fit into the military structure of the Russian state. For this purpose, the Don military leaders began to systematically receive Russian army ranks. The largest number of Cossacks were promoted to generals in a very short time during the reign of Paul I. The new Don generals retained the clans inherent in the Cossack tops. Many generals took advantage of the rights of the nobility and became landowners. In the Don Army, ordinary Cossacks still had the opportunity to become generals. Natives of ordinary Cossack families made up 1/6 of all Don generals.

Key words: Don Cossacks, generals, landlords, clans.

Andrey V. Venkov – D.Sc. (History), Professor, Head of the Laboratory of the Cossacks, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation.

 Венков Андрей Вадимович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий Лабораторией казачества Южного научного центра РАН

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.003

С.М. Исхаков

ДЖ. СЕЙДАМЕТ — ПОЛИТЭМИГРАНТ В ЕВРОПЕ (1920–1930-е гг.)

современной историографии налицо большой интерес к судьбам политэмигрантов, оказавшихся в Европе при распаде Российской империи. Одним из них был политик-социалист Дж. Сейдамет¹. Его необычная жизнь и многогранная политическая деятельность освещались в зарубежной, особенно в турецкой, историографии и в постсоветских крымских публикациях Т.Н. Куршутова, Д.П. Урсу, Р.И. Хаяли и др. При этом допускались фактические ошибки. Так, крымские историки писали, что он родился 1 сентября 1889 г., и эта дата попала даже в справочные² и иные издания, в том числе в учебное пособие по истории

¹ *Сейд Амет (Сейдамет) Сеит Джафер* (с 1917 г. Сейдамет, Сейдаметов, Сейид Ахмедогул Джафер) (1890–1960) — крымский татарин, учился в Стамбуле, Париже, Петрограде (на юридическом факультете Петроградского университета с сентября 1915 г.), окончил в конце ноября 1916 г. 2-ю Московскую школу подготовки прапорщиков пехоты и направлен в распоряжение начальника штаба Одесского военного округа, в 1917 г. депутат Всероссийского Учредительного собрания, в январе 1918 г. председатель крымско-татарского правительства, затем военный министр и министр иностранных дел в 1-м Крымском краевом правительстве. В ноябре 1918 г. уехал в Европу. Лидер крымско-татарской политэмиграции.

² *Гарчев П.И., Зарубин А.Г., Коваль В.Ю.* Сейдамет Дж. // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 288; Сейдамет С. Дж. // Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М., 2014. С. 387.

Дж. Сейдамет. Петроград. 1915 г.

крымских татар³. Однако в его личном деле студента Петроградского университета имеются документы, где указана правильная дата его рождения — 1 сентября 1890 г.⁴ Его фотография, сделанная в 1915 г., когда он стал студентом этого университета, впервые обнаружена А.Н. Тагирджановой⁵. Творчество и роль Сейдамета в международном контексте стали предметом изучения германского историка З. Гасымова⁶.

Тем не менее многие важные эпизоды его биографии до сих пор покрыты тайной, ряд ключевых моментов его политэмигрантской деятельности и их мотивов остается еще неясным, далеким от осмысления из-за

³ См., напр.: Крымскотатарський національний рух у 1917–1920 рр. За архівами комуністичних спецслужб / Упоряд. Іванець А., Когут А. Київ, 2019. С. 37; Історія Криму та крымськотатарського народу. Навчальний посібник / Бекірова Г., Іванець А., Тищенко Ю., Громенко С., Аблаєв Б. Київ, 2020. С. 86, 94.

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 68528. Л. 32, 43.

⁵ Тагирджанова А.Н. Осколки восточной мозаики. А.М. Топчибашев: «Ех oriente lux» — «Солнце восходит на востоке» // Наследие петербургской университетской культуры в русском зарубежье. СПб., 2012. С. 108.

⁶ Гасымов З. «Крымские сонеты» между Стамбулом, Варшавой и Парижем: «Некоторые воспоминания» Джафера Сейдамета Кырымера // Nowy Prometeusz. 2012. № 2. S. 323–328; Gasimov Z. Modernisierer und Mittler im polnisch-türkischen intellektuellen Nexus // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2016. № 65. S. 253–255; Он же. «The Turkish Wall»: Turkey as an Anti-Communist and Anti-Russian Bulwark in the Twentieth Century // Rampart Nations. Bulwark Myths of East European Multiconfessional Societies in the Age of Nationalism. New York–Oxford, 2019. P. 192–195.

отсутствия достоверных источников, по-прежнему недоступных для общественности. В ходе научного поиска удалось выяснить ряд фактов, которые расширяют представления о нем как политике и дипломате, чему посвящена данная статья.

Свержение большевиками Временного правительства и возникновение советского правительства в Петрограде осенью 1917 г., а также появление III Универсала украинской Центральной рады (7 ноября 1917 г.), провозгласившей Украинскую Народную Республику без Крымского полуострова, резко изменили политическую ситуацию в Крыму. С 26 ноября по 13 декабря 1917 г. в Бахчисарае заседал крымско-татарский Курултай, который утвердил Конституцию Крымской Народной Республики (КрНР) из 18 статей, избрал крымско-татарское правительство — директорию, а Курултай из Учредительного собрания преобразовался в парламент. Во внешней политике директория взяла твердый курс на независимость как от Петрограда, так и от Киева.

Вот что Дж. Сейдамет сказал на заседании Крымско-татарского парламента 18 мая 1918 г.: «Нашим дипломатическим ошибкам и поражениям почти в течение всей нашей истории мы обязаны главным образом тому, что почти всегда в политике первое место отдавали чувствам, настроениям и расположениям. В вопросе об определении нашей ориентации мы должны исходить из следующих соображений.

Крым нуждается в том, чтобы на будущей мирной конференции зашиту и отстаивание его самостоятельности брала бы на себя держава, опирающаяся на реальную силу и мощь свою.

Крым не может управляться политикой штыка, политикой средневековья. Нам нужны руководители для управления Крымом, согласно принципам XX в. При определении ориентации мы должны серьезно подумать о том, кто имеет возможность наделить нас такими руководителями.

Если мы хотим жить как нация, мы должны приобщиться к европейской культуре. Отсюда первой нашей задачей должно быть поднятие культурного и экономического состояния нации в современном смысле этих слов. Ясно, что и в этом отношении нам придется обратиться туда, у кого этих сил в избытке, кто сможет наделить ими нас.

Но где, у кого мы сможем все это получить?

Нужно ли говорить, что все вышперечисленные наши жизненные потребности не могут быть удовлетворены Турцией. Как бы мы в религиозном и племенном отношении ни были близки к Турции, все же во всем остальном на нее мы не можем надеяться.

Кроме того, турецкая ориентация была бы слишком невыгодной для нас и во внутренней политике, такая ориентация вызвала бы волнения и недоразумения внутри страны. Как вам известно, мы живем здесь бок о бок также с греками и армянами. В силу ненормальной жизни этих народов в Турции, они подозрительно относятся и к нам, татарам. Полагая, что преходящая сила большевиков будет основательной и постоянной, они в дни печальной памяти большевизма поддались соблазну и примкнули к ним, сыграв в те дни не особенно красивую роль...

Таким образом, нам приходится остановиться на такой державе, которая была бы в состоянии способствовать нашему культурному и экономическому росту, помочь нам в деле управления, защитить и отстоять самостоятельность Крыма на будущей мирной конференции. Такой державой может быть только Германия»⁷.

Другое важное заявление, которое также характеризует его как политика, он сделал на заседании Крымско-татарского парламента 1 июня 1918 г.: «Что является нашей политической линией, нашим политическим идеалом, во имя которых мы пролили священную кровь лучших сынов родного нам народа? Какова была эта политическая линия вчера и насколько мы удалились от нее сейчас? Какова была наша политическая история в прошлом?»

В то время как с первых дней революции все местные политические партии и другие группы были заняты вопросами внутренней жизни края и увлечены классово-борьбой и разрешением классовых вопросов, мы, татары, еще в то время не могли оставаться равнодушными к вопросу о судьбе родного нам Крыма.

Какие бы формы в каждый определенный момент в международной политической жизни ни принимал крымский вопрос, всякий раз нашей неуклонной целью и стремлением была защита и отстаивание интересов родного нам края.

С первого момента начатой нами защиты и отстаивания политических прав Крыма и по сей день, ни минуты не переставая, нас занимал вопрос о том, где и с кем должна быть решена судьба Крыма.

Кроме внешних вопросов Крыма и даже раньше этого перед нами встал вопрос о том, кто должен и может сказать свое резкое слово относительно внутренней политики Крыма.

Данный на это нами ответ уже осуществлен как в наших Основных законах, так и в той политике, которую мы по сей день продолжаем вести.

⁷ Крым (Симферополь). 1918. 21 мая // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 952. Л. 117.

Решение судьбы Крыма мы предоставили воле всех крымцев, и это положение яснейшим образом было признано и объявлено нашими Основными законами.

К моменту Октябрьского переворота в Петрограде, образования там большевистского правительства между Центральной Россией и Крымом началось сильное украинское движение и выросло украинское государство. И вот после этого момента мы выдвинули вопрос о судьбе Крыма, о том, какой мы должны держаться политической линии в Крыму, и приняли идею о созыве Крымского Учредительного собрания. И еще до этого, когда на Украине шло украинское движение, представителей крымско-татарского народа занимал вопрос о политическом положении Крыма в связи с политикой украинцев. И мы тогда же решили, что вопрос о судьбе Крыма, о присоединении или неприсоединении его к Украине может быть решен только Крымским Учредительным собранием.

А Центральная Рада еще тогда признала наличие в Крыму элемента и его способность самостоятельно защищать права и интересы родного ему края, и как результат этого Рада признала права крымцев самим решать судьбу Крыма и заявила о том, что она считает Крым территорией, не входящей в пределы Украины...

Наша нация, всегда готовая принести необходимые жертвы во имя священных своих идеалов, никогда не облекала их в другие формы и никогда не запятнала такими непристойными способами свою политическую историю.

По вопросу о созыве краевого парламента мы также сразу заявили о нашем решении созвать его при участии всех остальных национальностей, и в настоящее время мы продолжаем оставаться на том же нашем решении...

Мы взялись за дело во имя счастья нашей страны, во имя защиты прав наших соотечественников. Должны ли мы в этом же направлении действовать и дальше? Должны ли мы удержать в своих руках и в дальнейшем инициативу организации правительства, которая бы осуществила равноправие народностей, населяющих Крым, обеспечила бы созыв Крымского краевого парламента, способствовала бы благоденствию Крыма?...»⁸ Несмотря на такие известные цели крымских татар, у ряда современных историков по-прежнему в ходу рассуждения, что они хотели якобы воссоздать Крымское ханство.

Крымско-татарский парламент предоставил Сейдамету право защищать на международной арене татарский народ и при необходимо-

⁸ Крым (Симферополь). 1918. 1 июня // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 953. Л. 1–9.

сти брать на себя обязательства от имени этого парламента. Находясь в Стамбуле, он в интервью местной газете «Икдам» в феврале 1919 г. заявил, что в Конституции КрНР ясно сказано, что республика должна быть представлена на мирной конференции. «Мы... — подчеркнул Сейдамет, — настоим... на том, чтобы вышеупомянутое постановление конституции проводилось в жизнь»⁹. Выступая так, он дал понять, что эта республика, несмотря на занятие ее территории то красными, то белыми, по-прежнему существует для крымских татар.

Находясь в Европе в качестве представителя КрНР, он вел разнообразную дипломатическую работу. После окончания Парижской мирной конференции он, находясь в Берне, обратился в начале апреля 1920 г. к польскому послу в Швейцарии с просьбой довести до правительства Польши предложение крымских татар принять с одобрения Лиги наций мандат над Крымом. 9 мая он направил письмо главе польского государства Ю. Пилсудскому, 17 мая обратился к нему и в Лигу наций с предложением о передаче Крыма под мандат Польши¹⁰. Телеграмма Сейдамета в Лигу наций была опубликована в середине мая в швейцарских газетах¹¹. 31 мая 1920 г. парижская газета «Le Temps», фактически орган французского МИДа, ссылаясь на информацию из Цюриха от 30 мая 1920 г., сообщила об обращении татар Крыма в Лигу наций.

Признание французским правительством правительства П.Н. Врангеля в Крыму в начале августа 1920 г. сказалось и на его отношении к татарам. Находившийся в Европе Сейдамет, у которого были тесные контакты с французскими политиками, в письме Энвер-паше от 21 августа 1920 г. отметил, что французы, пойдя на такой шаг, полагали, что без серьезной поддержки крымских татар врангелевцы окажутся беспомощными при обороне Крыма от красных, и потому заявили Врангелю, что необходимо признать национально-культурную автономию крымских

⁹ Азербайджан (Баку). 1919. 1 марта.

¹⁰ *Libera P. Dzafer Sejdamet do Marszałka Józefa Piłsudskiego w sprawie objęcia mandatu nad Krymem przez Polskę // Nowy Prometeusz. 2012. № 2. S. 318–319.*

¹¹ См., напр.: *Journal de Genève* (Женева). 1920. 05. 16, 17. В ответной телеграмме генеральный секретарь Лиги наций британский дипломат Э. Драммонд сообщил, что решение вопроса в отрыве от общероссийских проблем не нашло поддержки большинства членов президиума этой организации, вспоминал об этом событии Сейдамет спустя почти 40 лет (*Сейдамет Дж. Публицистика: малоизвестные статьи: научное издание. Симферополь, 2012. С. 73*). В этой телеграмме сказано, что вопрос, который Сейдамет поднимает, вряд ли может быть отделен от всего русского вопроса (United Nations Archives. R572-11-4328).

татар и их вооруженные силы¹². Соответствующее совещание началось в Симферополе 25 августа 1920 г. с целью разработки законопроекта автономии крымских мусульман. Такой документ был готов. Его суть сводилась к тому, чтобы татарам Крыма предоставить право самоуправления в религиозных, культурно-просветительных и финансовых вопросах, избирая с этой целью их руководящий орган. Представитель правительства заверил участников совещания, что проект в ближайшее время попадет в правительство и не позже чем через два месяца вступит в действие¹³. Но именно в середине ноября 1920 г. Крым был занят Красной армией.

Правительство Великобритании также было заинтересовано в своем влиянии на Крым. Зная об этом, 6 сентября 1920 г. Сейдамет, находясь в Лозанне, написал письмо премьер-министру Великобритании Д. Ллойд Джорджу, в котором просил оказать помощь крымским татарам в их борьбе за независимость: «The Tartars of the Crimea who might provide a sound basis for the English policy, desire the protection of England for the recognition of their ethnical and historical rights over their own country. We desire that it may be made possible for us to organize our national independence and our army with the aid of British specialists so that we may successfully defend our native land against the Bolshevik invasion.»

The Tartar people of the Crimea live in dread of a Bolshevik invasion and are suffering from the Russian occupation. The defence of the Crimea must be undertaken by its inhabitants who will do so with the greatest enthusiasm none being devoted than they to the sacred soil of their mother land. It rests with England to assure us the possibility of defending our country by granting us her aid in the organization of our national army. <...>

The support accorded to the Tartars of the Crimea will earn for England the gratitude of all the Tartars of Russia who number 25 millions. The faithful attachment manifested to England by the Tartars will produce an excellent impression upon all Mussulman peoples whom other are trying to lead into perilous paths. This act will clearly prove the good-will of England with regard to the Mussulman peoples»¹⁴.

Летом 1920 г. советское руководство отметило, что Лондон намерен был превратить Крым «в подчиненную Великобритании территорию»,

¹² Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014. С. 630.

¹³ Таврический голос (Симферополь). 1920. 1 сентября; Юг России (Севастополь). 1920. 26 августа, 1 сентября.

¹⁴ *Dünder* А.М. Japonya arşivlerindeki İngiliz belgelerine göre Kıırım milli mücadele tarihinden bir yaprak // Karadeniz Araştırmaları. 2006. № 11. S. 43–44, 46, 53–54.

«фактически аннексировать» его¹⁵. Но экономическое положение самой Англии к этому времени стало ухудшаться. Правящие круги этой страны рассчитывали, что русский рынок поможет им выйти из надвигающегося экономического кризиса, а также надеялись, что восстановление торговых отношений с советской Россией приведет советское руководство к признанию долгов царского и Временного правительства и к возмещению национализированной собственности в России. У премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа была идея «замирения» Европы и всего мира путем втягивания в торговый оборот России с ее ресурсами, сырьем и большим населением. Экономический кризис, надвигавшийся на Англию, стал причиной зигзага британской внешней политики, приведшего к торговым отношениям с Москвой. В мае 1920 г. Лондон начал переговоры с представителем советского правительства Л.Б. Красиным относительно заключения торгового соглашения. Данное соглашение между РСФСР и Великобританией было заключено в Лондоне 16 марта 1921 г. Наряду с установлением торговых связей стороны взаимно отказывались от подрывных действий в отношении друг друга. В этих условиях попытки Сейдамета получить помощь от Лондона были напрасными.

Надежды у Сейдамета были и на Францию. Встречаясь 29 января 1921 г. в Париже с дипломатом Ж. Ларошем, заместителем начальника Департамента политических и экономических дел МИД Франции, Сейдамет изложил требования крымских татар и заявил, что они готовы поднять восстание против большевиков и выбить их из Крыма. Ларош ответил, что Франция очень сочувствует их национальным требованиям, но не может вмешиваться в конфликты в России и признать повстанческие движения как национальные, что надо следовать примеру грузинского движения в Грузии¹⁶. Такую, уже татарскую республику по примеру Грузинской Демократической Республики (21 января 1921 г. она получила признание европейских держав) могло, как следовало из этой беседы, признать французское правительство. Париж тогда оказывал сильное противодействие советскому руководству буквально везде и повсюду, в том числе в отношении Крыма. Так, несмотря на признание Парижем Советского Союза в конце 1924 г., французское правительство при этом не признавало вхождение Грузии в его состав, что вызывало сильную тревогу в Кремле.

¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 52, 53.

¹⁶ Archives du ministère des Affaires étrangères de France (AMAEF). Ser. Z. Car. 651. Dos. 2. F. 105.

В документах, направленных в Лигу наций в 1920–1921 гг., Сейдамет призывал эту международную организацию оказать поддержку требованиям крымских татар, указывая, что они составляют подавляющее большинство жителей полуострова — округленно 700 тысяч¹⁷. Обращаясь в Лигу с меморандумами от 3 декабря 1920 г. и в 1921 г., он отмечал при этом, что основным требованием крымских татар является прием их в эту организацию и содействие ее в признании Крыма независимым государством¹⁸.

21 апреля 1921 г., находясь в Лозанне, он направил письмо в Политический департамент Швейцарии в Берне, откуда 14 мая 1921 г. получил ответ, в котором сообщалось, что пока у крымских татар нет правительства, осуществляющего фактическую власть в Крыму и признанного европейскими державами, власти Швейцарии не могут предоставить ему привилегий, которые имеются только для дипломатических агентов признанных стран¹⁹. В Женеве, таким образом, вполне допускали появление такого правительства в Крыму.

Сейдамет, находясь преимущественно в Швейцарии, продолжал там пребывать фактически в статусе представителя Крыма, привлекая к себе внимание европейской прессы. Так, уважаемая и осведомленная женевская газета сообщила 6 января 1922 г., что 4 января 1922 г. из Крыма в Лозанну выехал Сейдамет, председатель Крымского парламента, будучи одним из членов его делегации, оставшейся в Париже, который отвечал за вопросы внешней политики и защиту дела Крыма²⁰. Этот сенсационный для историографии факт означает, что Сейдамет вполне легально побывал в советской России и не скрывал этого²¹.

Как известно, в 1920-е гг. представители большевиков пытались склонить на свою сторону популярных политиков, оказавшихся по тем или иным причинам в Европе. Так, возглавлявший в 1923–1925 гг. правительство Белорусской Народной Республики в эмиграции А.И. Цвикевич в декабре 1925 г. приехал в советский Минск, где остался. Надо полагать, что

¹⁷ Ibid. F. 112, 127.

¹⁸ *Seïdamet D. La Crimée: Passé, présent, revendications des Tatars de Crimée.* Lausanne, 1921. P. 107–114. Эта книга Сейдамета стала одним из первых произведений, претендующих на полное освещение истории крымских татар. В ней автор в общих чертах изложил программу требований крымских татар по самоопределению.

¹⁹ Schweizerisches Bundesarchiv (BAR). E2001B#1000/1505#446*. Bl. 2.

²⁰ *Journal de Genève.* 1922. 01. 6.

²¹ Крымские историки утверждали, что он, находясь в Европе, якобы «незаконно посетил Крым, который покинул окончательно в 1923 г.» (*Гарчев П.И., Зарубин А.Г., Коваль В.Ю. Указ. соч. С. 289.*)

относительно Сейдамета имелся в виду схожий сценарий. Московская правительственная газета сообщила 20 декабря 1921 г., что на IX Всероссийский съезд Советов (Москва, 23–28 декабря 1921 г.) прибыли 14 делегатов от Крымской АССР, где общее положение было «очень тяжелое», и ее руководители стремятся «вовлечь татар, как представителей Востока, в активную деятельность»²². Для этого, скорее всего, и крымским большевикам нужен был авторитет Сейдамета. Их встреча (в которой мог участвовать и заместитель председателя ЦИК Крымской АССР крымский татарин В.И. Ибраимов²³, прибывший тогда на этот съезд), надо полагать, состоялась в Москве, во время этого съезда.

Кроме того, высокопоставленные представители Кремля, встречаясь с ним, обсуждали вопросы международной политики, пытаясь использовать его в своих интересах. Дело в том, что в ноябре 1922 г. — июле 1923 г. в Лозанне, где постоянно тогда жил Сейдамет, проходила международная конференция, созванная по инициативе Великобритании, Франции и Италии для подготовки мирного договора с Турцией. В Лозанне Сейдамет время от времени встречался с европейскими дипломатами, а также с политэмигрантскими лидерами. Так, в середине декабря 1922 г. он встречался с приезжавшим в Лозанну главой дипломатической делегации Азербайджанской Республики А.М. Топчибашевым, который называл Сейдамета «представителем Крыма»²⁴. В марте 1923 г. Сейдамет побывал в Варшаве и в Берлине, где встретился с Пилсудским и другими политиками, включая украинских эмигрантских лидеров²⁵.

Какой итог этих встреч? В письме Сейдамета, направленном в ноябре 1924 г. в Департамент юстиции и полиции Швейцарии, отмечалось, что,

²² Известия ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 1921. 22 декабря. Из 14 крымских делегатов во главе с председателем ЦИК Крымской АССР Ю.П. Гавеном лишь 4 были крымскими татарами.

²³ *Ибраимов Вели Ибраимович* (1889–1928) — крымский татарин, в 1906–1908 гг. эсер (в Севастополе), в 1917–1918 гг. наборщик татарской типографии в Симферополе, депутат Курултая, председатель Симферопольского городского мусульманского комитета, член РКП(б) с 1918 г., в 1918–1919 гг. на подпольной работе в Стамбуле, в 1919–1920 гг. сотрудник Разведывательного управления Кавказского фронта, в начале 1919 г. в списке «Милли фирка» на выборах в Крымский краевой сейм, в августе 1920 г. член ЦБ Турецких коммунистических организаций (в Баку), с ноября 1921 г. член Крымского обкома РКП(б), в 1921–1922 гг. заместитель председателя ЦИК Крымской АССР, в 1923–1928 гг. председатель ЦИК Крымской АССР. Расстрелян.

²⁴ *Топчибаши А.М.* Парижский архив 1919–1940. В 4 кн. Кн. 2. 1921–1923. М., 2016. С. 499, 510.

²⁵ АМАЕФ. Ser. Z. Car. 651. Dos. 2. F. 145, 146; II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego. T. 4. Warszawa, 2013. S. 97.

учитывая текущую ситуацию, его деятельность в Европе очень ограничена и он больше занят личной жизнью, чем национальным делом²⁶. Иначе говоря, несмотря на свои встречи с европейскими политиками и дипломатами, угрозы для советской власти в Крыму он не представлял, вследствие чего ему позволили совершить туда поездку, которая огласки не получила.

У Сейдамета, как свидетельствуют другие факты, затем продолжились тайные контакты с представителями Москвы и Крыма. В.И. Ибраимов, например, считал, что Сейдамета надо использовать для агитации среди крымских татар о возвращении их в Крым и послать ему об этом письмо, что произошло осенью 1925 г.²⁷ В начале 1926 г. в роскошной стамбульской гостинице «Токатлиан» состоялась встреча Сейдамета с советским генконсулом в Стамбуле В.П. Потемкиным и заместителем торгового представителя СССР в Турции И.М. Ибраимовым²⁸. Инициатором ее был Потемкин, а организатором — Ибраимов. По свидетельству последнего, после встречи было возбуждено ходатайство о возвращении Сейдамета в СССР, но Москва «отказала» из-за позиции руководства Крымского обкома ВКП(б), «мотивировавшего» свое решение тем, что «лично против его возврата в Москву ничего не имеет, но в связи с его появлением обострится вокруг его имени национальный вопрос и объединятся все татарские националисты вокруг его имени... а посему Москва, согласившись с мнением» Крымского обкома и ГПУ, «просила сообщить ему, что, мол, совсем ему не отказывают, а считают его возврат преждевременным, а к этому вопросу вернуться еще в свое время»²⁹. В то время, как признавал сам Сейдамет спустя много лет, он полагал, что крымские татары оказались в безвыходном положении, и было бы лучше, если бы «мы стремились к взаимопониманию с большевиками»³⁰, т.е. к сотрудничеству и компромиссу.

Это подтверждается тем, что 13 февраля 1926 г. в партийном офисе — симферопольской крымско-татарской газете «Ени дунья» («Новый

²⁶ ВАР. Е2001В#1000/1505#446*. Вл. 3.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 27. Л. 182.

²⁸ *Ибраимов Ибраим Мустафович* (1888–?) — крымский татарин, педагог, в 1919 г. нарком юстиции Крымской ССР, член РКП(б) с 1920 г., член Ялтинского ревкома, нарком РКИ Крымской ССР, с 1922 г. заведующий отделом народного образования в Ялтинском районе, затем нарком просвещения Крымской АССР, в 1925 г. заместитель торгпреда СССР в Турции. Получив распоряжение вернуться в СССР, в марте 1928 г. уехал в Париж, опасаясь репрессий. Через некоторое время обосновался в Париже, где написал в 1931 г. воспоминания («Работа Коминтерна и ОГПУ в Турции») для парижского эмигрантского журнала «Иллюстрированная Россия», которые остались неизданными.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 203. Л. 15.

³⁰ *Сейдамет Дж.* Указ. соч. С. 93.

мир») была перепечатана вышедшая в Турции статья Сейдамета. По мнению А.В. Ефимова, в ней Сейдамет не возражал против самой идеи еврейского переселения в Крым³¹. Данная публикация, помещенная на первой странице газеты и с заголовком, набранным крупным шрифтом, фактически была передовицей, которая имела цель привлечь к себе внимание и повлиять на настроения крымских татар, призывая их не мешать этому замыслу Кремля.

Когда глава Крымского обкома ВКП(б) С.Д. Петропавловский и председатель ГПУ Крымской АССР С.Ф. Реденс выступали против возвращения в Крым Сейдамета, то они опасались вовсе не обострения межнациональных отношений в Крыму, а усиления с его появлением роли местных татар в обществе. В этом, выступая с лекцией под названием «Национальная политика в свете ленинизма» на собрании членов Симферопольской партийной организации 21 октября 1926 г., Петропавловский фактически признался: «У нас, в Крыму, ...нужно помнить, что основной исторической национальностью, с которой, прежде всего, необходимо считаться и иметь дело, является национальность татарская»³².

Сейдамет часто приезжал из Швейцарии в Варшаву и Париж, где его по-прежнему принимали как представителя КрНР, что фактически означало непризнание французским правительством Крымской АССР. В январе 1929 г. в Варшаве Сейдамет выступил с публичным докладом, в котором отметил, что революционная крымско-татарская молодежь поверила словам большевистских вождей, которые, однако, продолжая политическую традицию русских царей, уничтожили все возможности

³¹ Ефимов А. Создание Еврейской Советской Социалистической Республики на Крымском полуострове в 20–30-е годы // Профи. 1999. № 8–9. С. 26. Т.Н. Керимов (Крым) не обратил внимания на этот призыв Сейдамета к крымским татарам и в одном случае ошибочно выделил автора, указав при этом неполное название этой статьи: *Seydahmet C. Yehudi muhacirleri meselesi haqqında* (Керимов Т.Н. К вопросу о диаспоре в крымскотатарской национальной печати конца XIX и начала XX века // Культура народов Причерноморья. 2013. № 262. С. 171), в другом случае, повторяя этот же текст по-турецки, указал более точное название статьи, но уже без выделения автора: *Cafer Seydahmet yehudi muhacirleri meselesi haqqında* (Kirimov T. XIX Asırnıñ Soñu ve XX Asırnıñ Başlarında Qırım tatar Milliy Matbuatında Diaspora Meselesi) // «İlmiy Qırım» milliy mecmua. 2013. № 2. (<http://ilmiyqirim.blogspot.com/2013/10/xix-asrnn-sonu-ve-xx-asrnn-baslarnda.html>). Полное название этой газетной заметки следующее: *Cafer Seid Amet yehudi muhacirleri meselesi haqqında* «Kırım» yahut «yeni Filistin». Таким образом, А.В. Ефимов использовал одну часть («Крым, или новая Палестина») заголовка данного текста, Т.Н. Керимов — другую его часть.

³² Красный Крым (Симферополь). 1926. 26 октября.

для национального развития в Крыму³³. В Варшаве 31 января 1929 г. французский посол в Польше принял Сейдамета как главу Татарского парламента Крыма и его полномочного представителя. В феврале 1929 г. Сейдамет из Варшавы отправился в Париж. По мнению этого посла, у Сейдамета имелся план, который состоял в том, чтобы вернуть в Крым татар Добруджи, пытаясь тем самым противостоять еврейской колонизации, которую проводила советская власть в Крыму³⁴. Сейдамет в Румынии пользовался большой популярностью и авторитетом среди местных татар, но предложенный им план в условиях массовых антитатарских репрессий в Крыму был невозможен.

Сейдамет в январе 1930 г. в Париже вел переговоры с министром иностранных дел Украинской Народной Республики (УНР) в эмиграции А.Я. Шульгиным по вопросу о признании независимости Крыма, которые окончились соглашением о полном признании независимости Крыма от Украины, а взаимоотношения между КрНР и УНР решено было регулировать международными договорами³⁵. В украинской же историографии считается, что Шульгин полагал, что Крым является якобы частью Украины³⁶.

В 1930 г. в доработанном варианте книга Сейдамета «Крым» была переиздана в Варшаве на польском языке. В том же году в Стамбуле вышли его книги на турецком языке «Русская революция» и «Украина и ее борьба за независимость», которые были предназначены для турецкой общественности. В них описывались история Крыма и борьба крымских татар за свое самоопределение. Перу Сейдамета принадлежит большое количество работ, посвященных различным аспектам истории Крыма и положения крымских татар, опубликованных в турецких и европейских периодических изданиях.

27 мая 1931 г. в Варшаве Сейдамет встречался с начальником II отдела Генштаба Войска Польского полковником Т. Пельчинским, начальником Экспозитуры-2 Отдела II Генерального штаба капитаном Э. Харашкевичем, начальником Восточного отдела МИД Польши Т. Щетцелем и заявил, что для борьбы за независимость Крыма необходимо использовать исторические и литературные источники, показывающие усилия крымских татар в борьбе за свободу. В связи с этим он сообщил, что обладает

³³ М. En Crimée // Prométhée. 1930. N. 41. P. 27–29.

³⁴ АМАЕФ. Ser. Z. Car. 651. Dos. 2. F. 149, 152.

³⁵ II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego. S. 159.

³⁶ См., напр.: Гуменюк Е. Внешнеполитическая деятельность Александра Шульгина в Украине и в эмиграции в первой половине XX века // Nowy Prometeusz. 2016. № 10. С. 92.

ценной рукописью XVIII в., автором которой является Ибрахим Кефеви³⁷. В этом историко-политическом очерке внешняя политика Петра I характеризуется как угроза другим народам и странам, особенно Турции, Крыму и Украине. Этот исторический источник, по мнению участников этой встречи, представляет собой также пропагандистскую ценность в контексте сравнения политической мысли описываемого времени с идеологией в СССР, и это сочинение целесообразно распространять в Турции, Польше и Западной Европе, издав его на турецком, польском и французском языках. Было решено, что данную рукопись Сейдамет передаст Харашкевичу, который сначала обеспечит перевод ее на польский и французский языки, а затем направит его в Восточный институт в Варшаве для публикации. Кроме того, с этой же целью Сейдамет предложил издать сочинение под названием «Золотая Орда и Крым», автором которого являлся крымско-татарский поэт Хамди Гирай. Он приехал из Крыма учиться в Стамбульском университете, по окончании которого вернулся в Крым в 1927 г., где вскоре был арестован и отправлен в Москву. Там в 1930 г. 26-летнего поэта расстреляли. Пельчинский согласился выпустить его сочинение³⁸. Такие издания вскоре появились³⁹.

Летом 1930 г. в Крыму вновь начался голод. Там, как писал Сейдамет 27 июня 1933 г. в Варшаву, «совершенно катастрофический голод». 19 сентября 1933 г. он сообщил в Варшаву, что в Крыму продолжается голод,

³⁷ Имеется в виду сочинение «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака». Его автор Ибрахим б. Али Кефеви — секретарь крымского хана Фетх-Гирея II (правил в 1149–1150/1736–1737 гг.). Труд состоит из предисловия и 14 глав.

³⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 124. Л. 33–36 об.

³⁹ Эта рукопись, как писал Сейдамет позднее, была дополнена Абдуджелилом Ремзи эфенди. В 1928 г. ее нашли в Стамбуле и опубликовали в журнале «Emel» (*Сейдамет Дж. Указ. соч. С. 89*). Первое издание в виде книги этого сочинения Ибрахима б. Али-эфенди Кефеви («Kefevi Ibrahim Efendi (Yayınlanmış Cafer Seyiahmed Kırmir). Tenvârih-i tatar hân ve Dağistan ve Moskov ve Deşt-i Kırçak ülkeleriniñdir (1736)») было подготовлено Сейдаметом в 1933 г. в Пазарджике (до Второй мировой войны входил в состав Румынии, ныне в Болгарию). В 1935 г. в Варшаве был издан польский перевод этого произведения, выполненный крымским татаринном А. Зихни (Сойсалом). См.: Ibrahim ben Ali. Przyczyunki do historii: (z dziejów narodów Kaukazu, Nadczarnomorza, Krymu, Moskwy i Polski); spolszczył Abdullah Zihni. Warszawa, 1935. Кроме того, был сделан сокращенный перевод на английский язык, опубликованный в 1934 г. в варшавском журнале «Wschód-Orient». В 1935 г. в парижском журнале «Prométhée» на французском языке была издана статья Сейдамета «Documents historiques intéressants» (№ 104. P. 12–15), которая посвящена этому труду. В 2005 г. турецкий историк И. Отар переиздал это сочинение в Турции.

что серьезно угрожает крымским татарам⁴⁰. От голода погибли в 1930–1933 гг., по разным оценкам, несколько десятков тысяч крымских татар⁴¹.

В конце 1937 г. в Варшаве при поддержке властей с размахом была отмечена годовщина (20-летие) образования Парламента КрНР. В польской прессе появились соответствующие публикации. В Варшаву приехали делегации крымских татар из Румынии, Турции и других стран⁴². В день открытия этого парламента в Крыму (26 ноября 1917 г.) в Варшаве состоялось торжественное собрание, посвященное этому событию. На нем присутствовали представители власти и общественности Польши. На следующий день центральная радиостанция в Варшаве выпустила специальную программу о Крыме, после которой звучали песни и мелодии в исполнении крымско-татарского ансамбля. Через несколько дней аналогичная программа была также организована на радиостанции в Вильно⁴³. Такое внимание с польской стороны вызвало у приехавших на этот юбилей в Польшу крымских татар «слезы на глазах», о чем написал 26 декабря 1937 г. Сейдамет Харашкевичу, подчеркнув: «Вы никогда не пожалеете обо всем, что Польша сделала для моего несчастного народа»⁴⁴.

Сейдамет был настроен антинацистски, а с началом Второй мировой войны его симпатии были на стороне польского эмигрантского правительства в Лондоне, с которым он поддерживал связи⁴⁵. Вскоре он уехал в Турцию, где занимался научной, публицистической и литературной деятельностью.

Таким образом, Дж. Сейдамет, находясь в Европе с 1918 г., встречался с политиками и дипломатами как полномочный представитель Крымской Народной Республики и пытался получить признание ее как независимого государства. Несмотря на острую критику в своих многочисленных публикациях в зарубежной прессе действий большевиков в Крыму, он в то же время контактировал с представителями Кремля по разным вопросам, но эту неизвестную сторону его деятельности еще предстоит исследовать.

⁴⁰ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 124. Л. 45–46 об.; Д. 126. Л. 51–52.

⁴¹ Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в 4 т. 4-е изд. Симферополь, 2015. Т. III. С. 629, 642.

⁴² Численность крымских татар-эмигрантов в Европе и США составляла около 25 тысяч.

⁴³ Kursbutov T.N. Polish-Crimean Tatar relations in the inter-war period (1918–1939) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. № 5. Р. 199.

⁴⁴ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 126. Л. 129–130.

⁴⁵ Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь, 2009. С. 95.

REFERENCES

1. *Garchev P.I., Zarubin A.G., Koval' V.YU.* Dzh. Seydamet [J. Seydamet] // *Politicheskkiye deyateli Rossii. 1917: Biograficheskiy slovar' [Politicians of Russia. 1917: Biographical Dictionary].* M., 1993. S. 288–289.
2. *Gasimov Z.* «The Turkish Wall»: Turkey as an Anti-Communist and Anti-Russian Bulwark in the Twentieth Century // *Rampart Nations. Bulwark Myths of East European Multiconfessional Societies in the Age of Nationalism.* New York-Oxford, 2019. P. 192–195.
3. *Gasimov Z.* Modernisierer und Mittler im polnisch-türkischen intellektuellen Nexus [Modernizers and mediators in the Polish-Turkish intellectual nexus] // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* 2016. № 65. S. 253–255.
4. *Gasymov Z.* «Krymskiye sonety» mezhdru Stambulom, Varshavoy i Parizhem: «Nekotoryye vospominaniya» Dzhafera Seydameta Kyrymera [«Crimean sonnets» between Istanbul, Warsaw and Paris: «Some memories» by Jafer Seydamet Kyrymer] // *Nowy Prometeusz.* 2012. № 2. S. 323–328.
5. *Gumenyuk Ye.* Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Aleksandra Shul'gina v Ukraine i v emigratsii v pervoy polovine XX veka [Alexander Shulgin's foreign policy activity in Ukraine and in emigration in the first half of the 20th century] // *Nowy Prometeusz.* 2016. № 10. S. 83–95.
6. *Kerimov T.N.* K voprosu o diaspore v krymskotatarskoy natsional'noy pechati kontsa XIX i nachala XX veka [On the question of the diaspora in the Crimean Tatar national press of the late XIX and early XX centuries] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya.* 2013. № 262. S. 169–171.
7. *Kursbutov T.N.* Polish-Crimean Tatar relations in the inter-war period (1918–1939) // *Voprosy krymskotatarskoy filologii, istorii i kul'tury [Issues of Crimean Tatar philology, history and culture].* 2018. № 5. P. 197–201.
8. *Roman'ko O.V.* Nemetskaya okkupatsionnaya politika na territorii Kryma i natsional'nyy vopros (1941–1944) [German occupation policy in the territory of Crimea and the national question (1941–1944)]. *Simferopol': Antikva,* 2009. 272 s.

9. *Tagirdzhanova A.N.* Oskolki vostochnoy mozaiki. A.M. Topchibashev: «Ex oriente lux» – «Solntse voskhodit na vostoке» [Fragments of an oriental mosaic. A.M. Topchibashev: «Ex oriente lux» – «The sun rises in the east»] // Naslediye peterburgskoy universitetskoy kul'tury v russkom zarubezh'ye [Heritage of St. Petersburg University Culture in the Russian Abroad]. SPb., 2012. S. 105–124.
10. *Vozgrin V.E.* Istoriya krymskih tatar: ocherki etnicheskoy istorii korenного naroda Kryma v chetyrekh tomah. 4-e izd. Simferopol': Kara deniz prodakshn [History of the Crimean Tatars: essays on the ethnic history of the indigenous people of Crimea in four volumes. 4th ed. Simferopol: Kara Deniz production], 2015. T. III. 879 s.
11. *Yefimov A.* Sozdaniye Yevreyskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki na Krymskom poluostrove v 20–30-ye gody [Creation of the Jewish Soviet Socialist Republic on the Crimean Peninsula in the 20–30s] // Profi. 1999. № 8–9. S. 24–30.

Ключевые слова:

Крымская Народная Республика, Лига наций, Дж. Сейдамет, В.П. Потемкин, А.Я. Шульгин, Д. Ллойд Джордж, Ю. Пилсудский, национальная политика большевиков.

Salavat M. Iskhakov

JAFER SEYDAMET — POLITICAL EXILE IN EUROPE (1920–1930)

The article is dedicated to Jafer Seydamet, one of the Crimean People's Republic leaders. Multiple works, touching various aspects of Crimean history, Crimean Tatars' status and goals, have been written by him during migration and published by Turkish and European periodicals in 1920–1930. The data he uses, for example estimates of the Crimean Tatars' population in the first third of the 20th c., differs greatly from the numbers referred to in modern Russian historiography. Special attention is devoted to Jafer Seydamet's unofficial contacts with Soviet representatives.

Key words: Crimean People's Republic, League of Nations, Jafer Seydamet, Vladimir Potemkin, Aleksandr Shulgin, David Lloyd George, Józef Piłsudski, the Bolshevik's national policy.

Salavat M. Iskhakov — D.Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук,
заместитель председателя Секции «История социальных реформ,
движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным
вопросам российской и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.004

В.А. Невежин

РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА НА ПОЛЕТ Р. ГЕССА В АНГЛИЮ

(май–июнь 1941 г.)

Одной из фундаментальных проблем мировой истории являются взаимоотношения СССР с Германией и Великобританией накануне Великой Отечественной войны. В историографии существуют различные версии относительно реакции и предполагаемых практических шагов, предпринятых Кремлем в промежутке времени между получением сведений о полете в Англию заместителя А. Гитлера по руководству НСДАП Р. Гесса (не ранее вечера 12 мая) и началом германской агрессии против СССР (22 июня) 1941 г.

А.Н. Нежинский отмечал: согласно *«заранее разработанному и утвержденному высшим руководством плану (курсив мой. — В.Н.)*, Гесс должен был встретиться с руководителями британского правительства и предложить Англии широкую программу “мирного урегулирования” герmano-английских отношений и фактически создать коалицию, которая господствовала бы над всем миром». Однако британское правительство «по ряду соображений» отказалось принять германские предложения. В результате «миссия Гесса» потерпела провал.

Говоря о реакции И.В. Сталина на эту «миссию», историк писал, что она была неоднозначной. С одной стороны, полученная Сталиным

по различным каналам информация о ней как о «втором Мюнхене» не подтвердилась. С другой стороны, советский лидер, по мнению Нежинского, не отказался от «одного из своих ошибочных выводов, а именно»: учитывая опыт Первой мировой войны, Германия не начнет боевые действия на два фронта. Убеждая себя в этом, Сталин полагал, что военные приготовления Германии против СССР можно нейтрализовать демонстрацией «миролюбия» Советского Союза, «уступками с его стороны, и оттянуть военное столкновение с Германией»¹. Следует отметить, что версия, предложенная Нежинским, не имеет документального подтверждения.

Собственное видение событий, связанных с полетом Гесса и его последствиями, представил А.В. Шубин. Он ввел понятие «майская “военная тревога” 1941 г.», связав «в тугой узел» следующие события: выступления Сталина перед выпускниками военных академий РККА на приеме в Кремле (5 мая); последовавшее 6 мая назначение его председателем Совнаркома СССР; полет Гесса 10 мая; разработку Генеральным штабом РККА плана упреждающего удара (15 мая); высадку германских войск на о. Крит (20 мая)².

Говоря о перелете Гесса в Англию, как о составной части «майской “военной тревоги” 1941 г.», Шубин писал, что это событие, равно как и «неясность англо-германских отношений», осложняло процесс принятия решений в Москве. «Одновременно с поступлением тревожных сигналов о переброске [германских] войск на Восток (а не в сторону Англии) возникли опасения, что Гитлер вообще может договориться с германцами о мире. Такой мир мог быть прелюдией к нападению — прежде чем начинать вторжение в СССР, Гитлеру нелишне было бы развязать себе руки на Западе», — рассуждал историк³.

По мнению Шубина, в течение некоторого времени в СССР не знали, какими именно мотивами вызван «невероятный полет заместителя фюрера» в Англию: «То ли Гесс сошел с ума, то ли это — хитрая игра Гитлера, которая может кончиться внезапным заключением англо-германского мира»⁴. Между тем, как отмечал Шубин, именно 13 мая, уже после полета Гесса, началось выдвижение на за-

¹ Нежинский А.Н. Пути и перепутья советской международной политики в 1934–1941 гг. Тула, 2008. С. 255–256.

² Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 487.

³ Там же. С. 490.

⁴ Там же. С. 491.

пад армий советского стратегического резерва. Данное событие, по мнению этого историка, могло «вызвать не замедление выдвижения войск, а его начало».

В целом, заключал Шубин, «история с Гессом могла смущать советское руководство только до 20 мая, когда на Крит, занятый британцами, посыпались немецкие парашютисты». Именно тогда, продолжал свою мысль исследователь, и стало ясно, что англичане и немцы не договорились между собой, а «война между ними выходит на новый виток». С этого времени, констатировал Шубин, «выдвижение советских войск стало проходить уже в более спокойном режиме»⁵. Несомненно, эти выводы Шубина заслуживают внимания.

В.Э. Молодяков отмечал, что «Гесс полетел в Англию не по поручению фюрера, а по своей инициативе (*sic.* — В.Н.), умело направляемый друзьями — Карлом и Альбертом Хаусхоферами, в отчаянной попытке примирить два «нордических народа» [англичан и немцев. — В.Н.]. Но его попытка была обречена на провал. Однако в тот момент [в мае 1941 г. — В.Н.] в Германии никто ничего не знал, все терялись в догадках, а Лондон хранил молчание»⁶. Следует добавить, что и в Кремле тогда не было ясности относительно мотивации полета Гесса в Англию.

В данной статье, завершающей своеобразную мини-трилогию⁷, предпринята попытка ответить на вопрос о том, как реагировало высшее советское руководство на информацию о «случае с Гессом».

Казалось бы, достоверный характер должны иметь комментарии о деле Гесса, которые приведены в документальных сборниках о событиях кануна германского нападения на СССР. Однако некоторые формулировки, встречающиеся в предисловиях к ним, вызывают возражение. Так, выход в свет подобного рода сборников («1941 год» и «Военная разведка информирует...») разделяет ровно 10 лет, однако в обоих изданиях встречается *единственная* интерпретация, сформулированная будто бы «под копирку»: «Полет Р. Гесса явился одним из событий, которое подтверждало опасения И.В. Сталина о возможно-

⁵ Там же. С. 491–492.

⁶ Молодяков В.Э. Риббентроп. Дипломат от фюрера. М., 2019. С. 368.

⁷ Небезжин В.А. Что могло знать советское руководство о «случае с Гессом» в мае–июне 1941 г.: версии и факты // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 190–205; Он же. Советские источники мая–июня 1941 г. о полете Р. Гесса в Англию // Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг. Документы, факты, версии. М., 2022.

сти сговора между Германией и Англией»⁸. «Независимо от подлинных намерений Р. Гесса, — сообщали составители книги «1941 год», — о чем споры идут до сих пор, полет был воспринят в Москве как попытка сговора. Первые сообщения разведывательных органов, поступившие от источника “Зенхен” (К. Филби), соответственно, 14 и 18 мая, шли именно в этом направлении»⁹.

Что касается комментаторов сборника о деятельности советской военной разведки накануне 22 июня 1941 г., то они ограничились ни к чему не обязывающим замечанием, что Сталин «опасался провокаций и дезинформации с обеих сторон», т.е. и из Берлина, и из Лондона. В то же время в комментариях относительно полета Гесса, имеющих в сборнике документов о деятельности советской внешней разведки, можно встретить следующий, на мой взгляд, совершенно необоснованный вывод, не подтвержденный фактами: «Все это привело к тому, что Сталин с еще большим подозрением стал относиться к сведениям военной разведки о военных приготовлениях Германии против СССР, расценивая их как дезинформацию, идущую из англо-американских кругов (sic. — В.Н.)»¹⁰.

С.В. Кудряшов, составитель и главный редактор документального сборника о советско-германских отношениях 1932–1941 гг., в предисловии к этому (не лишенному недостатков¹¹) изданию писал следующее о полете Гесса: «Этот таинственный перелет 10 мая 1941 г. вызвал в Москве сильную тревогу. О цели этого мероприятия гадали во всем мире, и Москва не была исключением. Вновь замаячил призрак сближения Германии и Англии, которого Сталин очень боялся [...] Обстоятельства “исчезновения Гесса”, слухи и донесения о нем в мае 1941 г. укрепили подозрения Сталина, что вся эта история представляла собой попытку Гитлера заключить мир с Англией и даже, возможно, привлечь ее на свою сторону в борьбе с “большевизмом”»¹².

В подтверждение своих (априорных) выводов Кудряшов не при-

⁸ Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 296, прим. 4; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 519.

⁹ Цит. по: 1941 год. Кн. 2. С. 296, прим. 4.

¹⁰ Цит. по: Военная разведка информирует... С. 519.

¹¹ Максименков Л. Архивный фронт от юбилея к юбилею. Пятилетка потерянных возможностей // Победа-75: реконструкция юбилея. М., 2020. С. 249–251.

¹² Кудряшов С.В. Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 годах // Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1932–1941. Изд. доп. и расшир. М., 2019. С. XLV.

вел никаких основывающихся на документальных материалах фактов. Правда, он оговорился: «Известно лишь одно высказывание Сталина о “случае с Гессом” в пересказе Хрущева». Кудряшов ссылаясь на воспоминания Хрущева, который в разговоре с Сталиным якобы задался вопросом: «Не является ли бегство Гесса выполнением особой миссии по поручению Гитлера?» Суть этой миссии, по версии Хрущева, состояла в том, чтобы «договориться с Лондоном о прекращении войны и развязать Гитлеру руки для похода на Восток». Вождь, по версии Хрущева, дал ему краткий ответ: «Да, это так и было. Вы правильно понимаете этот вопрос»¹³.

Кудряшов отмечал: «Неясно, состоялась эта беседа еще до 22 июня 1941 г. или позже»¹⁴. Между тем из контекста воспоминания Хрущева о данной беседе следует, что она могла иметь место в период официального визита В.М. Молотова в Англию (май—июнь 1942 г.)¹⁵.

Что касается сталинских высказываний о полете Гесса, то большое распространение благодаря СМИ получило то, которое прозвучало 6 ноября 1941 г. в докладе на торжественном заседании Моссовета с партийными и общественными организациями г. Москвы, посвященном очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, на котором присутствовало две тысячи человек. Сталин заявил тогда: «Небезызвестный Гесс для того, собственно, и был направлен в Англию немецкими фашистами, чтобы убедить английских политиков примкнуть к всеобщему походу против СССР. Но немцы жестоко просчитались»¹⁶. Понятно, что данный пассаж имел место в сталинском выступлении, прозвучавшем в условиях, когда Великобритания и США уже считались союзниками в войне против нацистской Германии, однако, на мой взгляд, он в какой-то степени являлся отражением реальной реакции Сталина на «случай с Гессом».

М.М. Наринский утверждал, что Гесс, как и те, чьи взгляды и интересы он мог выражать, плохо знали и представляли себе британское общество. Поэтому сама инициатива заместителя фюрера «выглядела достаточно авантюристичной и глупой». Однако, делал вывод историк, «тогдашнее советское руководство перелет Гесса в Англию очень насторожил и, может быть, напугал, потому что перспектива договорен-

¹³ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. В 4 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 273.

¹⁴ Кудряшов С.В. Указ. соч. С. XLV, прим. 239.

¹⁵ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 273.

¹⁶ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1950. С. 37–38.

ности Германии с британцами была для Сталина угрожающей»¹⁷.

По мнению А.Ю. Борисова, инициативу сближения с СССР накануне 22 июня 1941 г. проявили западные политики, пришедшие к власти после поражения Франции, в первую очередь — У. Черчилль. Однако, утверждал он, «подозрительный и не без оснований, Сталин проявлял понятную осторожность до 22 июня 1941 года, считая, что за этим стоит, как и раньше, коварное стремление Лондона втянуть СССР в конфликт с Германией». Именно поэтому, сделал вывод Борисов, «в Кремле с таким повышенным беспокойством восприняли “миссию Рудольфа Гесса”. Там подозревали, что это новая попытка англо-германского сговора за счет СССР “в последний момент”»¹⁸.

Таким образом, в ряде публикаций просматриваются попытки представить Сталина и его ближайшее окружение как излишне подозрительных деятелей, которые были «встревожены», «напуганы» действиями Гесса и, вообще, не могли адекватно оценить ситуацию.

По моему убеждению, нет (по крайней мере, по состоянию на сегодняшний день) объективных данных о том, что Сталин и Молотов были ознакомлены с документами о полете Гесса, полученными по каналам советской внешней разведки от К. Филби из Лондона. В мемуарах ее сотрудницы З.И. Воскресенской (Рыбкиной) сказано: «Горестно сознавать [...] что на самом верху отнесли к сообщению Кима Филби [о полете Гесса] с недоверием. Сталин проявлял свойственную ему “настороженность” к сообщениям советских разведчиков»¹⁹.

Вообще, не представляется возможным на основании введенных в оборот документов советской внешней разведки судить о том, какова была реакция высшего партийно-государственного руководства (Сталина, Молотова, других членов политбюро) на «случай с Гессом».

Следует отметить, что помимо внешней разведки, информация о полете Гесса по двум отработанным каналам (путем присылки шифротелеграмм и дипломатической почтой) доставлялась от советских дипломатов, работавших в Великобритании, Германии и других странах (см. таблицу, составленную на основании выявленных автором данных).

¹⁷ Наринский М.М., Мунтян М.А. Победа была абсолютно закономерной // Великая Победа. В 15 т. Т. 7. Испытание. Кн. 21. М., 2015. С. 207–208.

¹⁸ Борисов А.Ю. От вражды к военному союзу: уроки антигитлеровской коалиции // История Великой Победы. В 3 т. Т. 1. Канун трагедии. Кн. 5. М., 2020. С. 585.

¹⁹ Воскресенская З.И. Теперь я могу сказать правду. М., 1993. С. 20.

Таблица

**Сведения о документах с упоминанием о полете Р. Гесса
в Великобританию, полученные в Наркомате иностранных дел
СССР до 22 июня 1941 г.**

№ п/п	Дата и место отправки	Вид документа	Дата получения в НКВД	Адресаты рассылки
1	15.05.1941 г., Лондон	Шифротелеграмма посла И.М. Майского с предварительной информацией о миссии Гесса	16.05.1941 г.	И.В. Сталин (2 экз.), В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Л.П. Берия, А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский, А.А. Соболев
2	16.05.1941 г., Лондон	Шифротелеграмма Майского с изложением беседы с партийным заместителем министра иностранных дел Великобритании Р.О. Батлером	18.05.1941 г.	Сталин (2 экз.), Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Жданов, Берия, Вышинский, Лозовский, Соболев
3	19.05.1941 г., Лондон	Шифротелеграмма Майского с изложением сообщения министра информации Великобритании Д. Купера о Гессе	20.05.1941 г.	Сталин (2 экз.), Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Жданов, Берия, Вышинский, Лозовский, Соболев
4	21.05.1941 г., Лондон	Шифротелеграмма Майского с информацией о Гессе, полученной из «чешских кругов»	22.05.1941 г.	Сталин (2 экз.), Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Жданов, Берия, Вышинский, Лозовский, Соболев
5	21.05.1941 г., Лондон	Вторая шифротелеграмма Майского с изложением беседы с Батлером	22.05.1941 г.	Сталин (2 экз.), Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Жданов, Берия, Вышинский, Лозовский, Соболев
6	21.05.1941 г., Берлин	Письмо посла В.Г. Деканозова «Предварительные данные о «случае с Гессом»»	23.05.1941 г.	Молотов, Вышинский, Лозовский

№ п/п	Дата и место отправки	Вид документа	Дата получения в НКВД	Адресаты рассылки
7	21.05.1941 г., Стокгольм	Обзор политической жизни в Швеции, составленный послом А.М. Коллонтай	23.05.1941 г.	Молотов
8	20.05.1941 г., Кёнигсберг	Запись в служебном дневнике вице-консула Т.Н. Хоробрых	24.05.1941 г.	Вышинский, Деканозов
9	24.05.1941 г.	Резюме письма Деканозова «Предварительные данные о “случае с Гессом”», составленное первым помощником наркома иностранных дел С.П. Козыревым		Ворошилов, Каганович, Микоян, Молотов, Жданов, Берия
10	26.05.1941 г.	Письмо Деканозова «Предварительные данные о “случае с Гессом”» с сопроводительной запиской Козырева		А.Н. Поскребышев (для Сталина)
11	21.05.1941 г., Стамбул	Запись в служебном дневнике посла С.А. Виноградова с изложением беседы с иранским послом Сепакхоби	29.05.1941 г.	Молотов, Вышинский
12	13.05.1941 г., Кабул	Запись в служебном дневнике посла К.А. Михайлова с изложением беседы с японским поверенным в делах Ивасаки	02.06.1941 г.	Молотов, Вышинский, Лозовский
13	17.05.1941 г., Кабул	Запись беседы Михайлова с министром иностранных дел Афганистана Али Мухаммед Ханом	04.06.1941 г.	Молотов, Вышинский, Лозовский

№ п/п	Дата и место отправки	Вид документа	Дата получения в НКВД	Адресаты рассылки
14	03.06.1941 г., Лондон	Шифротелеграмма Майского с изложением беседы с министром снабжений Великобритании У. Бивербруком	05.06.1941 г.	Сталин (2 экз.), Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Жданов, Берия, Вышинский, Лозовский, Соболев
15	14.05.1941 г., Лондон	Запись беседы Майского с Батлером	06.06.1941 г.	Молотов, Вышинский
16	21.05.1941 г., Лондон	Запись беседы Майского с Батлером	06.06.1941 г.	Молотов, Вышинский
17	29.05.1941 г., Берлин	Копия докладной записки советника посольства СССР в Германии В.С. Семенова о посещении сельскохозяйственной выставки в Бреслау (прислана Деканозовым)	07.06.1941 г.	Молотов, Вышинский
18	04.06.1941 г., Берлин	Информационное письмо Деканозова «О внутреннем положении в Германии» (май 1941 г.)	11.06.1941 г.	Молотов, Вышинский, Деканозов
19	10.06.1941 г., Лондон	Шифротелеграмма Майского с изложением беседы с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом	11.06.1941 г.	Сталин (2 экз.), Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Жданов, Берия, Вышинский, Лозовский, Соболев
20	28.05.1941 г., Кабул	Запись беседы Михайлова с секретарем германской миссии Шмидтом	17.06.1941 г.	Молотов, Вышинский, Лозовский
21	16.06.1941 г., Стокгольм	Обзор политической жизни в Швеции, составленный Коллонтай	17.06.1941 г.	Молотов

И.М. Майский

Из таблицы следует, что до 20 мая 1941 г. включительно в Москву поступило три шифротелеграммы из Лондона от Майского, с содержанием которых были ознакомлены: «пятерка» политбюро (Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян); два других члена высшего партийного органа (Жданов и Берия); представители руководства Народного комиссариата иностранных дел.

Фамилия председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина отсутствует в списке рассылки упомянутых документов. Однако известно, что он затронул вопрос о полете Гесса в своем докладе о международном положении, прочитанном 20 мая 1941 г. на партийно-комсомольском собрании служебного аппарата этого органа.

В конце своего доклада, как явствует из стенограммы, Калинин оговорился: «Я забыл остановиться на сенсации, на вопросе о Гессе». «По-моему, — предположил Калинин, — он бежал из-за разногласий [в германском руководстве]. Так выходит по всем данным. Ему были запрещены полеты, а он все-таки бежал. Это значит, что ему помогали. Но это, по совести говоря, только догадка, ничем не обоснованная».

Далее, ссылаясь, скорее всего, на сведения, полученные в Кремле от германских и британских информационных агентств, Калинин констатировал: «В первом извещении говорилось, что он [Гесс], вероятно, упал (sic. — В.Н.). Затем писали, что самолет загорелся, может быть, и заго-

релся. Во всяком случае, он [Гесс] находится в полном уме и здоровье. Англичане сейчас не хотят об этом говорить, но все-таки заявили, что он многое говорит [sic.—В.Н.] и, вообще, не скрывается».

Наконец Калинин перешел к вопросу о побудительных причинах, по которым представитель нацистского руководства столь высокого ранга направился в опасный полет в Англию: «Мне кажется, что, очевидно, в Германии была довольно сильная оппозиция, которую возглавил Гесс. Члены оппозиции и выпроводили его поскорее за границу, откуда ему легче возглавлять оппозицию, давать ей директивы и т.д. Одно можно сказать, что там [в Берлине] были большие разногласия, по-видимому, другие объяснения трудно подыскать».

В заключение Калинин дал собственную трактовку самых невероятных и разнообразных версий, выдвигавшихся в зарубежных СМИ относительно мотивов полета Гесса (советская пресса воздерживалась от любых комментариев по этому поводу): «В [иностраннх] газетах кое-где высказывались предположения: не трюк ли это с немецкой стороны, что он [Гесс] таким образом хотел прощупать англичан. Но продолжать это довольно трудно, потому что это вызывало слишком большой резонанс в самой Германии, вероятно, эти вещи не так легко переживаются. Ведь он [Гесс] был первым заместителем Гитлера»²⁰.

Содержание приведенной выше части стенограммы выступления Калинина 20 мая 1941 г., касающейся полета Гесса, дает основание для следующих наблюдений. С одной стороны, Калинин в самом конце своего доклада о международном положении упомянул об этом событии, как о «сенсации» (по его собственному выражению). С другой стороны, в высказываниях Калинина по вопросу о полете Гесса превалирует явная *неуверенность* (в частности, во главу угла ставится «догадка, ничем не обоснованная»), а глагол «кажется» и выражение «может быть» отнюдь не способствуют превращению ее в *уверенность*.

Важно другое: глава высшего законодательного органа СССР (т.е. глава советского государства), один из членов политбюро, представитель ближнего круга Сталина, не выражает никаких признаков беспокойства по поводу пребывания «первого заместителя Гитлера» в Англии. В его выступлении вообще не упоминается о возможности каких-либо переговоров между Гессом и англичанами, а тем более — о возможности их антисоветского сговора за спиной Кремля.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1. Д. 845. Л. 22–23.

К. Филби

Со времени произнесения упомянутого выше доклада Калинина, т.е. после 20 мая, как явствует из таблицы, в Москве было получено от советских дипломатов, работавших за рубежом (в Англии, Германии, Афганистане, Швеции), по меньшей мере 18 сообщений, в которых содержится информация о полете Гесса. Пометы по тексту имеют только два из них, которые на этом основании можно считать самыми важными, на мой взгляд: десятистраничное информационное письмо Деканозова «Предварительные данные о “случае с Гессом”» и двухстраничное резюме этого документа, подготовленное Козыревым.

Кудряшов утверждал, что возвратившись из Москвы в Берлин, В.Г. Деканозов 21 мая 1941 г. отправил Молотову «доклад (sic. — В.Н.)» под заголовком «Предварительные данные о “случае с Гессом”, который, «разумеется, был тут же передан Сталину»²¹.

На самом деле, письмо (а не доклад) по распоряжению Молотова Козырев направил (а не передал) А.Н. Поскрёбышеву (а не И.В. Сталину) *спустя три дня* после поступления данного документа в Наркомат иностранных дел²².

²¹ Кудряшов С.В. Указ. соч. С. XLIV.

²² Невежин В.А. Что могло знать советское руководство... С. 200.

В свою очередь, резюме этого письма Козырев по распоряжению наркома распорядился довести до сведения членов «пятерки» политбюро, а также Жданова и Берия (см. таблицу).

Знакомство с публикацией экземпляра письма Деканозова, который Козырев направил Поскребышеву, в свое время дало мне основание для вывода о том, что в нем отсутствуют сталинские пометы²³.

Между тем Кудряшов утверждал: «Посол [Деканозов] увидел в “случае с Гессом” показатель противоречий в германских правящих кругах по вопросу о дальнейшем курсе внешней политики и признак сильного стремления к миру с Англией. Он также отметил обострение антисоветской пропаганды и настроений в Германии. Именно эти фразы выделил Сталин в докладе Деканозова (курсив мой. — В.Н.)»²⁴.

Упомянув о сталинских пометках по тексту информационного письма Деканозова, Кудряшов, однако, не воспроизвел их при публикации в своем сборнике²⁵.

Отвечая на вопрос: какие именно фразы выделил Сталин в тексте информационного письма Деканозова о «случае с Гессом», следует констатировать следующее. При знакомстве с архивным подлинником этого документа можно обнаружить «безгласные» пометки (вертикальные черточки), сделанные красным карандашом слева на полях против приведенных ниже абзацев²⁶. Если предположить, что эти пометы делал сам Сталин (хотя это пока трудно доказать), то советского вождя заинтересовали нижеследующие моменты в письме советского посла, полученном из Берлина.

«I. Реакция на исчезновение Гесса внутри страны.

Член н[ационал]-с[оциалистской] партии, доцент Кюне сказал, например, что “в партийной среде бегство Гесса вызвало большую растерянность и напряжение и что это бегство рассматривается, как крупное политическое, военное и моральное поражение Германии”.

По неподдающемуся проверке слуху, в одной из казарм в Берлине офицер, построив роту, заявил солдатам: “До сих пор я точно слушал

²³ Там же.

²⁴ Кудряшов С.В. Указ. соч. С. XLIV–XLV.

²⁵ СССР — Германия... Док. № 262. С. 466–470.

²⁶ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 64. Д. 689. Л. 65.

В.Г. Деканозов (в центре) на вокзале в Берлине, 28 ноября 1940 г.

приказы фюрера и призвал вас, мои солдаты, их исполнять”. После того, что случилось с Гессом, я больше не выполняю этих приказов и призываю вас к тому же. После этого офицер, будто бы, застрелился в своей канцелярии.

[...] Содержание официальных [германских] коммюнике несколько смягчило удар и создало у известной части населения атмосферу ожидания, а вокруг имени Гесса — даже ореол мученичества (некоторые немцы говорят, что Гесс “рискнул жизнью, чтобы послужить интересам Германии”).

Посольство СССР получило письмо некоего С-н, в котором содержится даже такой отзыв о Гессе:

“Это — широкая голова (брейтхаупт), так как он не согласен с планами завоевания Европы, Африки и Америки, с жертвами гражданского населения и молодых людей. Тысячи приверженцев”.

II. Личность Гесса и его влияние в н[ационал]-с[оциалистской] партии.

Из сообщений о настроениях Гесса заслуживают особого внимания указания об исключительной ненависти Гесса к большевизму и к Советскому Союзу.

Это мнение разделяет помощник морского атташе Швеции Альстрем: Гесс “вылетел, чтобы склонить Англию к миру для совместного удара по СССР” (из беседы с нашим морским атташе тов. Воронцовым²⁷).

В связи с полетом Гесса в Берлине говорят о существовавших, будто бы, разногласиях между Гессом и его единомышленниками, с одной стороны, и Риббентропом и др[угими] — с другой. Разногласия касались, будто бы, вопросов о путях, методах и темпах осуществления основных линий внешней политики Германии.

III. Германские коммюнике и версии о целях полета Гесса.

1. Гесс полетел в Англию по прямому заданию Гитлера с целью заключить мир с Англией.

2. Гитлер не знал о предполагаемом полете Гесса. Полет был подготовлен сторонниками Гесса и был предпринят на свой собственный риск и страх.

3. Гесс бежал в Англию, спасаясь от преследований.

Текст официальных сообщений об “исчезновении” Гесса дает основание как для первой, так и для второй версий²⁸.

По мнению американских морских офицеров, высказанному ими 14.V тов. Воронцову, возможность мира в настоящих условиях исключена. “Англия никогда не пойдет на разговоры до разрешения собственных интересов, тем более теперь, когда в германском правительстве имеется трещина”.

IV. Предварительные итоги.

В настоящее время трудно сказать, в чем состоит действительная подоплека “исчезновения” Гесса. Во всяком случае, можно констатировать следующее:

²⁷ Михаил Александрович Воронцов (1900–1986) — советский разведчик, контр-адмирал (22 февраля 1941 г.), военно-морской атташе при полпредстве СССР в Германии (сентябрь 1939 г. — 21 июня 1941 г.).

²⁸ Вертикальная черта проведена, начиная от 2-го пункта и кончая словами «и для второй версии».

а) Германская сторона после отлета Гесса заняла выжидательную позицию по отношению к переговорам Гесса и давала понять, что Германия готова к миру с Англией (См. германские коммюнике).

[...] в) В последнее время можно констатировать дальнейшее усиление антисоветской пропаганды в Германии [...] (На витринах книжного магазина на Фридрихштрассе в центре Берлина, впервые за последнее время выставлено несколько брошюр против “культурбольшевизма” и пр.). Одновременно усилились провокационные выступления германской прессы, пытающейся доказать “антианглийскую направленность” внешней политики Советского Союза (особенно по вопросу об Ираке), как прежде это делалось в отношении Англии, антисоветская линия коей выпячивалась на первый план²⁹.

[...] д) Дальнейшее выяснение вопроса даст дополнительные материалы об этом случае с Гессом. Сейчас можно сделать пока только тот вывод, что “случай с Гессом” является, с одной стороны, показателем противоречий в германских кругах по вопросу о дальнейшем курсе внешней политики, с другой стороны, он показывает, как сильны в Германии тенденции договориться с Англией о прекращении войны. Выяснение вопроса о полете Гесса продолжаем дальше. Результаты сообщим».

Кудряшов отмечал (на мой взгляд, вполне обоснованно), что в своем докладе (вернее, письме) Деканозов «ничего не драматизировал». В то же время после ознакомления с пометами, сделанными по тексту этого документа Сталиным (либо Поскребышевым), вызывает сомнение общий вывод, который сформулировал Кудряшов: «Однако спокойный тон его [Деканозова] доклада, вероятно (sic. — В.Н.), произвел на московских адресатов еще более угрожающее впечатление, поскольку подтверждал все вызванные загадочным происшествием опасения»³⁰.

Переходя к рассмотрению машинописного текста резюме Козырева, подготовленного на основе письма Деканозова от 21 мая 1941 г., следует указать, что в некоторых местах этого документа имеются подчеркивания, сделанные при перепечатке (скорее всего, по указанию Молотова).

Внимание членов политбюро, которым был разослан упомянутый документ, было сосредоточено на следующих моментах.

«Ограничившись несколькими официальными сообщениями, немецкие газеты перестали писать о Гессе».

²⁹ Вертикальная черта проведена, начиная со слов «на витринах».

³⁰ Кудряшов С.В. Указ соч. С. XLIV.

«Тов. Деканозов отмечает, что из сообщений о настроениях Гесса заслуживают особого внимания указания об исключительной ненависти Гесса к большевизму и к Советскому Союзу».

«Говорят, что среди приверженцев Гесса якобы имеется какая-то очень большая политическая фигура, якобы вызванная Гитлером в Зальцбург для допроса. Предположительно называлось при этом имя Геринга [...]».

«В последнее время можно констатировать дальнейшее усиление антисоветской пропаганды в Германии [...]».

«Одновременно усилились провокационные выступления германской прессы, пытающейся доказать “антианглийскую направленность” внешней политики Советского Союза (особенно по вопросу об Ираке), как прежде это делалось в отношении Англии, антисоветская линия которой выпячивалась на передний план [...]».

«Сейчас можно сделать пока только тот вывод, что “случай с Гессом” является, с одной стороны, показателем противоречий в германских кругах по вопросу о дальнейшем курсе внешней политики, с другой стороны, он показывает, как сильны в Германии тенденции договориться с Англией о прекращении войны»³¹.

К сожалению, пока затруднительно сказать однозначно, какова была реакция Сталина и других членов политбюро, которые ознакомились с шифротелеграммами Майского, в которых упоминалось имя Гесса. Нет сведений и о том, как восприняли Молотов и представители руководства НКВД сообщения других дипломатов (см. таблицу) по данному вопросу.

Хотелось бы акцентировать внимание на следующем факте. Вопрос о Гессе был затронут в ходе беседы между Молотовым и послом Германии в СССР Ф.-В. Шуленбургом, состоявшейся 22 мая 1941 г. В завершение этой беседы, как зафиксировано в ее советской записи, Молотов, вспоминая о встрече с Гессом, имевшей место в ходе его ноябрьского 1940 г. визита в Берлин, отметил, что у него «осталось впечатление о Гессе, как о человеке с характером»³².

23 мая 1941 г. отчет об упомянутой беседе с Шуленбургом был направлен в Лондон Майскому. В этом документе последнее предложение выглядело следующим образом: «Шуленбург добавил несколько сочув-

³¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. ЗАВТО. П. 12. Д. 138. Л. 73–74.

³² Невежин В.А. Что могло знать советское руководство... С. 198.

Английские солдаты у обломков самолета Р. Гесса

ственных к Гессу фраз, а я [Молотов] сказал, что от краткой беседы с Гессом у меня осталось впечатление о Гессе, как о человеке с большим³³ характером»³⁴.

Введенные в научный оборот источники не дают никаких оснований для принятия встречающихся в историографии и утверждений о том, что полет заместителя фюрера каким-то образом встревожил Сталина и его ближайшее окружение или привел к усилению подозрительности советского вождя в отношении британского руководства. Вообще, они не позволяют пока окончательно внести ясность в вопрос о реакции Кремля на это сенсационное событие.

Предварительно можно лишь определенным образом утверждать, что после знакомства с полученной от посла Деканозова из Берлина информацией по данному вопросу Сталин и Молотов обратили внимание на следующие моменты.

Во-первых, у них вызвали интерес предположения о наличии раскола нацистской верхушки, в результате которого Гесс якобы вынужден был покинуть Германию.

³³ «С большим» вписано синим карандашом Молотовым.

³⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 343. Д. 2350. Л. 140.

Во-вторых, в Кремле приняли к сведению тезис о готовности германской стороны к заключению мирного соглашения с Англией и о нежелании англичан вступать в мирные переговоры с ней.

Наконец, в-третьих, на основании документов, присланных Деканозовым, а также Майским, Сталин и Молотов, несомненно, осознали, что в Германии усилилась антисоветская пропаганда, в частности, путем издания враждебных СССР печатных изданий.

REFERENCES

1. *Borisov A.Yu.* Ot vrazhdy k voennomu sojuzu: uroki antigitlerovskoj koalicii // Istorija Velikoj Pobedy. T. 1. Kn. 5 [History of the Great Victory. Vol. 1. Book 5]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 569–590.
2. *Hrushbjov N.S.* Vremja. Ljudi. Vlast'. Vospominanija v 4-h knigah. Kn. 1 [Time. People. Power. Memories in 4 books. Book 1]. M.: Informacionno-izdatel'skaja kompanija «Moskovskie novosti» [Information and publishing company «Moscow News»], 1999. 848 s.
3. *Kudryashov S.V.* Sovetskij Sojuz, Stalin i Germanija v 1933–1941 godah [The Soviet Union, Stalin and Germany in 1933–1941] // Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii. SSSR – Germanija. 1932–1941. Izdanie dopolnitel'noe i rasshirennoe [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation. USSR – Germany. 1932–1941. Additional and expanded edition]. M.: IstLit, 2019. LII, 574 s.
4. *Maksimencov L.* Arhivnyj front ot jubileja k jubileju. Pjatiletka poterjannyh vozmozhnostej [Archival front from anniversary to anniversary. Five-year plan of potential opportunities] // Pobeda-75: rekonstrukcija jubileja [Pobeda-75: reconstruction of the anniversary] / Pod red. G. Bordjugova [Edited by G. Bordugov]. M.: AIRO–XXI, 2020. S. 187–267.
5. *Molodjakov V.Je.* Ribbentrop. Diplomats ot fjurera [Ribbentrop. Diplomat from the Fuhrer]. M.: Molodaja gvardija [Young Guard], 2019. 495 s.
6. *Narinsky M.M., Muntyan M.A.* Pobeda byla absolutno zakonomernoj [The victory was absolutely natural] // Velikaja Pobeda. T. 7. Kn. 21 [Great Victory. V. 7. Book 21]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 205–211.
7. *Nevezhin V.A.* Chto moglo znat' sovetskoe rukovodstvo o «sluchae s Gessom» v mae–ijune 1941 g.: versii i fakty [What could the Soviet leadership know about the «Hess case» in May–June 1941: versions and facts] // Istoricheskaja jekspertiza [Historical expertise]. 2021. № 3. S. 190–205.

8. *Nevezhin V.A.* Sovetskie istochniki maja-ijunja 1941 g. o polete R. Gessa v Angliju [Soviet sources of May–June 1941 about the flight of R. Hess to England] // *Sovetskaja politika i propaganda 1939–1941 gg. Dokumenty, fakty, versii* [Soviet politics and propaganda 1939–1941. Documents, facts, versions]. M.: Quadriga, 2022.
9. *Nezhinsky L.N.* Puti i pereput'ja sovetskoj mezhdunarodnoj politiki v 1934–1941 gg. [The ways and crossroads of Soviet international politics in 1934–1941]. Tula: Grif i K, 2008. 268 s.
10. *Shubin A.V.* Mir na kraju bezdny. Ot global'nogo krizisa k mirovoj vojne. 1929–1941 gody [The world on the edge of the abyss. From the global crisis to the world War. 1929–1941]. M.: Veche, 2004. 572 s.
11. *Voskresenskaja Z.I.* Teper' ja mogu skazat' pravdu. Iz vospominanij razvedchicy [Now I can tell the truth. From the memoirs of a scout]. M.: Respublika, 1993. 223 s.

Ключевые слова:

И.В. Сталин, В.М. Молотов, В.Г. Деканозов, И.М. Майский, полет Р. Гесса в Англию, Кремль, советско-германские отношения

Vladimir A. Nevezhin

REACTION OF THE SOVIET LEADERSHIP TO RUDOLF HESS'S FLIGHT TO ENGLAND (MAY–JUNE 1941)

This paper summarizes the results of three other studies by the same author, all of which focused on how the Soviet leadership perceived the flight of Rudolf Hess, Deputy Führer to Adolf Hitler, to Great Britain in May and June of 1941. The author presents previously unknown primary sources, which helped bring to light certain aspects of the issue. The author believes that a number of studies offer unverified versions of how the USSR leadership (primarily, Joseph Stalin and Vyacheslav Molotov) reacted to this event. Meticulous analysis of the notes left by Stalin and Molotov throughout the briefing letter by the Soviet ambassador Vladimir Dekanozov regarding the «Case of Hess» (May 21, 1941) has led to the following conclusions: Stalin and Molotov entertained the idea that the Nazi leadership was divided and that Hess was allegedly forced to leave Germany as a result. The Kremlin took note of the German side's readiness to sign a peace agreement and the unwillingness of the British side to enter into peace negotiations with Germany. Having read the documents sent by Vladimir Dekanozov and the Ambassador in London, Ivan Maisky, Stalin and Molotov certainly realized that the anti-Soviet propaganda was increasing in Germany, notably through the release of publications that painted the Soviet Union in a negative light.

Keywords: Joseph Stalin, Vyacheslav Molotov, Vladimir Dekanozov, Ivan Maisky, Rudolf Hess's flight to Britain, Kremlin, Soviet-German relations.

Vladimir A. Nevezhin – D.Sc. (History), Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

 Невежин Владимир Александрович

доктор исторических наук
Институт российской истории РАН

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.005

Г.Н. Ланской

ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ГЛОБАЛЬНОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Проблема выявления и изучения методологических траекторий, выбираемых в качестве отправной точки при формировании нарративного образа состоявшихся фактов и исторического процесса, имеет существенное, междисциплинарное значение. Ее решение требует не только объективного анализа историографических фактов и их классификации по признаку когнитивной направленности, но также применения методов политической науки, нацеленных на изучение генезиса доктрин формирования и реализации различных видов власти. Кроме этого, данная проблема имеет психологическое содержание, поскольку в процессе восприятия и описания прошлого участвуют практически все выявленные к рубежу XIX–XX вв. на основе теории экзистенциализма уровни психологического устройства, присущие и конкретным людям, и социальным общностям.

Так, применительно к образам Российской империи и затем так называемой советской империи, выделение которой в качестве отдельного феноменологического объекта было характерно в первую очередь для английских и американских авторов (включая выдвинутое в 1983 г. президентом США Р. Рейганом понятие «империи зла»), опасение по

поводу возможной экспансии России в Европу распространено почти на архетипном, подсознательном уровне, передаваясь по этой причине из поколения в поколение. В выстраиваемый образ чужого по отношению к англо-американской или, иными словами, англосаксонской цивилизации феномена российской и возродившейся после «полосы» дипломатических признаний середины 1920-х — первой трети 1930-х гг. советской империи вписывалось восприятие всех новых фактов. Из них объектом особого, целеустремленно концентрируемого внимания становились те события, которые либо свидетельствовали об активизации имперских проектов (например, подготовка и реализация заключенных в августе — сентябре 1939 г. соглашений между СССР и Германией), либо свидетельствовали о возможном и затем реальном кризисе государственности и общественной жизни в России. Далее в целом ряде случаев исследователи стремились из отобранных в соответствии с почти подсознательно используемой идеологической доктриной фактов как можно скорее перейти к стадии их обобщения при помощи формулируемых теорий. В частности, именно таким образом возникла формально относящаяся к советскому политическому проекту, но легко переносимая на российскую историю более ранних периодов теория «зыбучих песков», созданная на рубеже 1970–1980-х гг. американским историком и обществоведом М. Левиным¹.

Будучи апробированной применительно к предварительно отобранным фактам развития СССР, она затем была использована своими сторонниками в Северной Америке и Западной Европе для анализа и интерпретации развития Российской империи, примером чему стала опубликованная в 1982 г. монография французского исследователя М. Раеффа². Характерно, что оба названных исследователя были на концептуальном и в существенной мере социокультурном уровне связаны с эмигрантской традицией в зарубежном российеведении еще в являвшемся первым этапом его развития периоде 1920 — 1950-х гг., отличавшемся направленностью в сферу эсхатологических прогнозов.

Совершенно закономерным было то, что доктринально сформированный и отраженный далее в нарративно представленной канве исторических фактов негативный подход к тенденциям усиления и успеш-

¹ *Levin M. La formation du systeme sovietique: Essais sur l'histoire sociale de la Russie dans l'entre-deux-guerre. Paris: Editions Gallimard, 1987. 532 p.*

² *Raeff M. Comprendre l'Ancien Regime russe: Etat et societe en Russie imperial. Paris: Le Seuil, 1982. 258 p.*

ной реализации имперских проектов в России, а также поиск в качестве закономерных явлений фактов кризиса этих тенденций органично становился частью мировоззрения конкретных авторов. Данное явление не только имело историографическое содержание, но и было выражено в целой системе социально-культурных установок. О их распространенности и реализованном применении к интерпретации различных периодов российской истории практически от периода позднего Средневековья до революций и Гражданской войны 1917–1922 гг. свидетельствовало то, что тема исконного и потому закономерного столкновения традиций развития России и «коллективного» Запада оказалась в сфере дискуссии также между отечественными авторами. Применяя цивилизационный подход, характеризующийся максимальной ориентацией на обобщение отобранных для целенаправленного решения концептуально-теоретических задач, они использовали в подготовленных и опубликованных в рубежные для отечественной истории 2000-е гг. работах свойственную прежде всего зарубежному россиеведению дихотомию «Они и Мы».

Так же как в американской, английской и континентально-европейской историографии, в произведениях российских ученых она использовалась в качестве оценочной модели для интерпретации различных исторических фактов и явлений. Применение данной дихотомической опоры представляло собой своего рода метарассказ по отношению к нарративному изложению содержания более или менее известных событий. Сама оценка различных, имевших в рамках повествовательной модели существенное значение фактов зависела от того, считал конкретный ученый западную (западноевропейскую и североамериканскую) практику развития передовой и нуждающейся в заимствовании или же он видел в попытках ее позитивного восприятия (эмпатической аттракции) и далее применения продуктивный, успешный для российской цивилизации потенциал.

Достаточно распространенным, в том числе по причине негативной оценки происходившей в России 1990-х гг. вестернизации, был скептический подход. В соответствии с ним применительно к различным событиям отечественной истории отмечалась невозможность конструктивного использования западной модели развития для реформирования общественной жизни и социальных институтов по причинам, не зависшим от воли и способностей конкретных людей. Так, в частности, по отношению к являвшейся, с точки зрения данного исследователя, продуктом внедрения идей западного революционизма революции 1917 г.

Л.В. Милов констатировал наличие перед ее началом следующей ситуации: «Существеннейший прогресс в развитии пореформенной жизни не мог ликвидировать многовековой пласт исторически объективных наслоений в стране, со времен падения ордынского ига ведущей отчаянную борьбу за выживание. Отсюда проистекало основательное влияние в интеллигентной разночинной среде марксистских и иных, в отдаленной перспективе едва ли не утопических идей революционного преобразования страны, поскольку марксизм, давая метод анализа политэкономии раннего капитализма, никогда не имел готовых рецептов технологии построения нового общества»³.

Схожий объект исследования — российский исторический процесс в целом и применительно к отдельным крупным эпохам (допетровской, российской имперской, советской) — избирали для себя сторонники альтернативного подхода, который с значительной долей условности можно назвать либеральным. Используя ту же дихотомическую модель противопоставления отечественной, почвеннической традиции развития западной, прошедшей по пути преимущественно достигших успеха буржуазно-демократических революций, они также признавали с трудом поддающуюся изменениям архаичность основных сфер развития России. Кроме этого, ими даже в большей степени по сравнению со сторонниками консервативного подхода использовались методологические принципы детерминизма, заключавшегося в определяющем влиянии исконно сложившейся историко-цивилизационной традиции на развитие России, и глобализма, предусматривающего перенос доктринально используемых оценочных характеристик на разные явления ее истории. Выявляемая уже на самом глубинном, психологическом уровне невосприимчивость к практикам развития западного мира и вызванное ею систематическое торможение доступных для восприятия модернизационных моделей, исходящих из Запада, идентифицировались в виде объективной реальности. Данная мировоззренческая установка, возникшая задолго до историографических опытов зарубежного россиеведения второй половины XX — начала XXI в. в сознании целого ряда представителей либерально настроенной интеллигенции (одним из первых среди них был П.Я. Чаадаев), использовалась в качестве глобальной

³ Милов Л.В. Предисловие // История России XX — начала XXI века: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030401 «История» / [Милов Л.В. и др.]; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. С. 7.

объяснительной модели как для отдельных событий истории России, так и для ее хода в целом.

В частности, опыт ее применения в данном когнитивном качестве был реализован бывшим директором Института российской истории РАН А.Н. Сахаровым. В его опубликованной в 2004 г. монографии «Россия. Народ. Правители. Цивилизация» постоянно проявлявшийся разрыв между традиционными чертами государственности и общественных отношений, к которым, как отмечалось выше, относились архаичность и заторможенное, во многих случаях циклическое развитие, и исходившими от имевших различные намерения деятелей реформистскими предложениями использовался в качестве своеобразного рефрена. Для достижения данного эффекта восприятия отечественной истории в различные периоды автор в своей монографии систематически использовал метод перехода в рамках описания одной реформационной линии (например, экономической) от одного исторического периода к другому. Обращаясь к являвшейся в данном случае своеобразным теоретико-методическим камертоном теме генезиса революционных событий 1917 г., А.Н. Сахаров, в частности, писал: «Таким образом, и в начале XX в., несмотря на существенное изменение вектора цивилизационного развития страны, незыблемой оставалась прежняя средневековая российская линия в области социально-экономических отношений: ставка делалась (как и во времена Петра I) на эксплуатацию низов, на небрежение к простому человеку (...) Оставаясь страной с отсталой экономикой, Россия вышла в начале XX в. на траекторию экономического роста в рамках рыночной экономики. При этом можно было бы сделать одну оговорку: страна вступила в XX в. со средневековой ментальностью и руководящей элиты, и предпринимателей, и простого народа, что во многом предопределило социальные катаклизмы того времени»⁴.

Основным аргументом для обоснования тезиса о глобальном распространении на различные периоды и в их рамках события российской истории как до, так и после провозглашенного социалистическим государственным переворота 1917 г. признаков архаичности и заторможенности было выявление в качестве основной причины их происхождения самых основных, базисных по своей сущности элементов устройства России. Речь в данном случае шла о структурной основе

⁴ Сахаров А.Н. Россия. Народ. Правители. Цивилизация. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 325–326.

общества и социальных отношений, в качестве которой рассматривалось крестьянство. При изучении различных периодов российской истории практически вплоть до событий коллективизации, приведших в связи с движением двадцатипятидесятитысячников и депортацией значительного слоя успешных в экономическом отношении крестьян к радикальному изменению социального устройства сельской жизни, консерватизм политического режима и медленная трансформация жизни крестьянства рассматривались как две системообразующие сферы развития России. В связи с этим зарубежными исследователями выделялось такое специфическое явление, как патернализм социально-аграрной политики. Будучи навязываемым реформистами и добровольно принимаемым преобладавшими сторонниками социально устойчивой государственной власти, он представлял собой достаточно стабильное историческое явление, юридические, административные и практические признаки которого можно обнаружить в самые различные периоды.

Так, с точки зрения традиционно сочетающихся в методологической базе своих трудов социологический и психологический подходы французских исследователей заинтересованность в обеспечении организационной и политической опеки основных категорий трудящегося населения в стране проявляли не только представители правящего класса, но также преобладавшие в досоветской России сельские производители. В частности, М. Конфино писал о наличии постоянной и повсеместно распространенной практики, в соответствии с которой «помещик стремился консолидировать индивидуальную крестьянскую экономическую деятельность для достижения более постоянного дохода со своего владения»⁵. В соответствии с распространенным среди западноевропейских интеллектуалов еще с времен зарождения протестантизма представлением о прогрессивности любых индивидуальных проявлений свободы мысли и действия для демонстрации общей реакционности и недостаточной развитости социальных отношений в России французские авторы стремились выявить наличие патернализма на глобальном уровне. В своих научных и дидактических трудах в качестве магистральной тенденции развития российской истории они видели практику стремления органов государственной власти и соответственно представителей

⁵ *Confino M. Societe et mentalities collectives en Russie sous l'ancien Regime. Paris: Institut d'etudes slaves, 1991. P. 41.*

правлящей элиты установить контроль над происходящими в разных сферах жизни процессами и над их акторами. Сущность политики, проводимой по отношению к управляемым людским ресурсам, при этом в значительной мере сводилась к тому, чтобы найти наиболее значимые с точки зрения планируемого подчинения социальные слои. Об этом в своем обобщающем труде по истории России в досоветский и советский период писал в начале 1970-х гг. французский ученый М. Ларан, констатировавший, что в канун революционных событий 1905 и 1917 гг. руководители органов исполнительной власти пытались «достичь баланса в отношениях с оппозицией и стремились в целях сохранения социального и политического порядка к созданию опоры в лице сельской буржуазии»⁶.

Среди главных социальных факторов сохранения патернализма, становившегося основанием для авторитарного типа политического режима в различные периоды истории России и замедления происходящих по инициативе заинтересованных социальных групп модернизационных процессов, как зарубежные, так и западнически настроенные российские авторы видели сдерживающую роль крестьянства. Тезис о его реакционности и неспособности к активному участию в реформах можно признать постоянным для историографических источников. В частности, в Советском государстве его придерживались сторонники принудительной коллективизации и привязки социально-экономического развития сельских районов к интересам строивших в городах промышленные предприятия и обеспечивавших их развитие представителей пролетарского слоя. Далее во второй половине XX в. данный тезис стал поддерживаться и обосновываться с помощью подбираемых из различных периодов российской истории фактов зарубежными авторами, для которых он в полной мере вписывался в связанные между собой стадийную и модернизационную теории. В постсоветской отечественной историографии присутствует тезис о негативном влиянии представителей крестьянства на целый ряд значимых исторических явлений, определивших, например, судьбу российской государственности. В частности, в тормозящем влиянии на социально-экономические процессы института крестьянской общины видел причину итогового неуспеха Столыпинской аграрной реформы П.Н. Зырянов⁷. К еще более

⁶ Laran M. Russie — URSS, 1870–1970. Paris: Masson, 1973. P. 54.

⁷ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг. М.: Наука, 1994. 256 с.

глобальному выводу пришел в статье, опубликованной в РГГУ на страницах сборника «Судьбы российского крестьянства», Ю.Н. Афанасьев, указывая на то, что именно представители широких слоев крестьянства в силу своих исторически сложившихся психологических и практических качеств по существу девальвировали значение как революционных событий 1917 г., так и усилий ряда представителей правящей элиты их предотвратить. Развивая данный свойственный различным течениям западного россиеведения фундаментальный тезис, он, в частности, подчеркивал: «Если мы посмотрим на Октябрьскую революцию с точки зрения длительной перспективы, 1917 год покажется нам эпизодом, катаклизмом, который вместо того, чтобы радикально изменить социальную жизнь, усилил ее архаичную и традиционную структуру. И это проявлялось независимо от воли людей, их идеалов. Реальной и преобладающей силой 1917 г. было в действительности крестьянство России с его консервативной реакцией, направленной против изменений, происходивших в конце XIX — начале XX в.: распространения частной собственности и роста рыночного производства, т.е. развития того, что мы называем в историческом, а не строго политическом, смысле капиталистической цивилизацией»⁸.

Другой составной чертой формировавшегося образа России как архаичной, имеющей предрасположенность к стагнации, медленно и циклически трансформирующейся страны, практически все исследователи из западных стран называют авторитарное и использующее в качестве основного административного ресурса различные мобилизационные инструменты государство. В частности, применительно к советскому периоду оно представлялось в их работах эффективным исключительно при использовании тоталитарных, называемых в исследованиях либерально-демократической ориентации террористическими, методов управления. Например, один из представителей ревизионистского направления в советологии французский историк Н. Верт видел даже в минимальном, пришедшемся, по его мнению, на период 1953–1954 гг. ослаблении насильственных методов реализации власти перспективу наступления социальных волнений, способных иметь значительные долгосрочные последствия⁹. Но если применительно к развитию СССР вплоть до его предсказывавшегося в зарубежной историо-

⁸ Афанасьев Ю.Н. Предисловие // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. С. XX–XXI.

⁹ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента Б.Н. Ельцина, 2010. 444 с.

графии и обусловленного внутренними причинами распада авторы из западных стран концентрировали свое описание на тоталитарных проявлениях функционирования политического режима (в особенности применительно к темам массовых репрессий 1920-х — начала 1950-х гг., идеологической цензуры, борьбы с диссидентским движением), то в отношении Российской империи середины XIX–XX в. акцент делался на неэффективности самой модели управления государством и происходящими на его территории процессами.

В качестве первого признака, относящегося к данному свойству, выделялась неспособность консолидировать вокруг административного аппарата с помощью средств демократической коммуникации устойчивую социальную базу. В частности, по мнению известного английского историка П. Гатрелла, даже являвшие собой максимально возможный в условиях самодержавия уровень либерализма «реформы 1860–1874 гг. не гарантировали ни внутренней стабильности, ни внешней безопасности империи. Любая реформа создавала возможность для новых социальных групп действовать, а для оппозиции критиковать преобразования»¹⁰.

Второй признак заключался, по мнению западных исследователей, в социально-политической отдаленности представителей бюрократического аппарата от нужд и интересов большинства граждан России. Причиной его возникновения, констатировавшей еще в 1870–1880-х гг. сторонниками праволиберального течения российской историографии во главе с Б.Н. Чичериным в рамках теории «закрепощения сословий», было то, что люди, оказавшиеся в данном социальном слое, ориентировались прежде всего на указания деятелей правящей элиты, выполнение которых было для них источником престижа и благосостояния. Как писал известный английский историк Т. Шанин, «слабость российского государственного аппарата была вызвана его природными особенностями. Эффективный путь, которым он деполитизировал русских в течение веков, оставляя социальную базу царизма и прежде всего чиновничества в “одинокую позицию” действующей государственной власти»¹¹.

Наконец, третий, выявлявшийся в английской, а также в американской историографии признак неэффективного российского го-

¹⁰ *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914: the last argument of tsarism. Cambridge: Cambridge university press, 1994. P. 13.

¹¹ *Schanin T.* Russia as a developing society: The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. London: Macmillan, 1985. P. 54.

сударства заключался в несовместимости всей институциональной структуры политической власти, в центре которого, по общераспространенному в мировой историографии в целом мнению, находилось самодержавие, с решением задач либерально-демократического развития. С точки зрения западных исследователей, считавших первичным источником успешной модернизации юридическую трансформацию основ российской государственности, не преодолевавшееся какими-либо доступными средствами разделение интересов представителей правящего класса и других социально активных слоев изначально делало какие-либо умеренные конституционные инициативы неэффективными. В этом плане с точки зрения представлявшегося панорамного образа России середины XIX — начала XX в. весьма распространенной среди североамериканских и западноевропейских авторов была его следующая презентация: «Древнее самодержавие, огромная бюрократия, большая многонациональная страна, отсутствие легальных политических партий или профсоюзов, слабый “средний класс” и освобождение крестьян от крепостной зависимости только после 1861 г., — ни один из этих феноменов не говорил о возможности успеха конституционной монархии»¹².

Отмеченные признаки, ассоциировавшиеся практически со всей историей Российского государства и наиболее остро проявившиеся в преддверии и в условиях первой и второй российских революций, вполне очевидно должны были свидетельствовать не только о самом преопределенном социально-политическом кризисе в России.

Они в соответствии со стереотипными представлениями о кардинальных отличиях между отечественной и западной практиками исторического развития должны были указывать на соответствие предусмотренных теорией модернизации, являющейся методологической основой для оценочно-типологических конструкций английской и американской историографии, признаков государства и общества в России не индустриальному, а традиционному типу развития. Исходя из этого делался вывод о том, что именно исторически возникшие, слабо преодолевавшиеся внутренние признаки делали неконкурентоспособной в сфере международной конкуренции внешнюю, а в ее рамках военную и дипломатическую политику Российского государства. В связи с этим основной акцент делался на максимально детальное описание неудачных геополитических кампаний в истории России, в процессе и ре-

¹² *Chmielewski E.* The Fall of the Russian Empire. N.Y.: John Wiley and Sons, 1973. P. 3.

зультатах которых коренился недостаточный экономический и в целом мобилизационный потенциал. В частности, поэтому столь масштабным в количественном отношении является наследие западной историографии, посвященное событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг.¹³, и также придается почти абсолютное, определяющее значение истории Крымской войны 1853–1856 гг. для отражения уровня и перспектив развития Российского государства¹⁴.

Следует отметить, что, несмотря на различия в идеологических приоритетах развития России и стран западного мира в 1960–1980-х гг., советские историки в своих фундаментальных по сравнению с содержанием большинства зарубежных историографических источников исследованиях, по существу, давали российскому политическому и общественному устройству второй половины XIX — начала XX в. те же оценки, что и американские, английские, французские авторы. В частности, они были представлены в таких значительных трудах, как опубликованная в 1975 г. книга выдающегося историка-государствоведа Н.П. Ерошкина¹⁵ и изданный в 1984 г. коллективный труд ленинградских историков¹⁶, ставший итогом их многолетних, в особенности архивных исследований. Одним из ключевых для презентации содержащихся в ней теоретических положений стал следующий тезис, выдвинутый В.С. Дякиным: «Развитие буржуазных отношений в деревне было не самодовлеющей целью столыпинской реформы, а средством создания новой социальной опоры царизма, Поэтому, снимая часть рогов на пути капиталистического прогресса в сельском хозяйстве, царизм не отказывался от традиционного стремления регулировать социально-экономические процессы в деревне, удерживая их на желательной ему стадии... Еще не успев создать крестьянина-собственника, царизм уже планировал ограничение его права распоряжаться своей собственностью, стремясь насадить не просто “крепкого” крестьянина, а в некотором смысле крестьянина, “крепкого земле”. Столыпинская реформа, одной рукой открывавшая путь капитализму в сельское хозяйство, а другой пытавшаяся его закрыть, преследовавшая цель создать

¹³ Warner D., Warner P. *The Tide at Sunrise: A history of the Russo-Japanese War*. N.Y.: Charterhouse, 1974. 627 p.

¹⁴ Laran M., Van Regemorter J.-L. *Russie — URSS, 1870–1984*. Paris: Masson, 1986. 353 p.

¹⁵ Ерошкин Н.П. *Самодержавие накануне краха*. М.: Просвещение, 1975. 160 с.

¹⁶ Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / [Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов и др.; редкол. В.С. Дякин (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1984. 664 с.

и законсервировать мелкого земельного собственника, была очередной и последней реакционной утопией царизма в аграрном вопросе»¹⁷. Таким образом, в соответствии с базовым представлением об авторитарности и чуждости интересам большей и притом ключевой по своей исторической роли части населения России, какой в начале XX в. оставалось крестьянство, даже крупнейшему модернизационному проекту, которым являлась аграрная реформа 1906 г. — начала 1917 г., изначально давалась негативная оценка.

В целом представляется очевидным, что при целенаправленном внимании исследователей к отдельным событиям российской истории в североамериканской, британской и западноевропейской историографии на протяжении десятилетий сформирован ее образ как глобального явления. Он состоит из характеристик, относимых к различным явлениям прошлого, и в силу телеологичности, основанной на идеологических доктринах, переносится на оценку, а также прогнозирование продолжающегося в наши дни развития России. К ним относятся утверждения об архаичности социальных отношений, институциональных и идеологических оснований в российской истории; отсталости и консерватизме значительных слоев населения, которые могут быть даже противоположны друг другу по мотивации (крестьянство и бюрократия) и при этом сближены благодаря скептическому или в лучшем случае пассивному отношению к демократическим процессам. Данные характеристики скрепляются и как бы прирастают на протяжении веков к России по причине авторитарности политического режима и стремления его хранителей всеми средствами защитить его в том числе в ущерб социально активным гражданам, которые при выдвигании в качестве эталона развития модели буржуазно-демократической эволюции, ассоциируемой с западным миром, делают перспективы российской истории безнадежными. В частности, данная оценка переносится и на перспективы геополитического соперничества нашей страны с североамериканскими и западноевропейскими государствами, вследствие чего исследователи концентрируют свое внимание или на военно-дипломатических неудачах России и далее Советского Союза, или на той, предрекаемой к исчерпанию мобилизационной базе, благодаря которой обеспечиваются отдельные достижения.

¹⁷ Дякин В.С. Третьеиюньская монархия // Кризис самодержавия в России. С. 355–356.

Характерным является тот факт, что как советские, так и российские историки, придерживавшиеся во времена существования СССР марксистской методологии и ставшие в достаточно большой своей части в постсоветский период сторонниками либеральных, западных идей, часто приходят к тем же выводам о глобальных характеристиках российской истории, что и их западные коллеги. Не случайно в условиях оказавшегося иллюзорным окончания «холодной войны», датированного концом 1980-х — серединой 2000-х гг., многие специалисты говорили о наличии мировой научной историографии развития России, не разделенной теоретико-методологическими барьерами. Поскольку представленные в отечественном и зарубежном россиеведении скептические оценки российской истории имеют циклический и чрезвычайно устойчивый характер, очевидной становится необходимость отделения реконструируемого при помощи документальных источников реального процесса развития нашей страны от тех по определению субъективных интерпретаций, которые обращаются к нему с различной степенью методического профессионализма.

REFERENCES

1. *Afanasyev Yu. N.* Predisloviye // *Sudby rossiyskogo krestyanstva / pod obshey redaktziyey Yu.N. Afanasyeva.* M.: RGGU, 1995. P. III–XXVI.
2. *Verth N.* Terror I besporyadok. Stalinism kak sistema. M.: ROSSPEN, Fond Pervogo Presidenta B.N. Yeltsina, 2010. 444 p.
3. *Chmielewski E.* The Fall of the Russian Empire. N.Y.: John Wiley and Sons, 1973. 210 p.
4. *Confino M.* Societe et mentalities collectives en Russie sous l'Ancien Regime. Paris: Institut d'etudes slaves, 1991. 432 p.
5. *Dyakin V.S.* Tretyeyun'skaya monarhiya // *Krizis samoderzhaviya v Rossii.* L.: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1984. P. 327–543.
6. *Zyryanov P.N.* Krestyanskaya obshina Yevropeyskoy Rossii, 1907–1914. M.: Nauka, 1994. 256 p.
7. *Yeroshkin N.P.* Samoderzhaviye nakanune kraha. M.: Prosveshenie, 1975. 160 p.
8. *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914: the last argument of tsarism. Cambridge: Cambridge university press, 1994. 399 p.
9. *Krizis samoderzhaviya v Rossii, 1895–1917 / [B.V. Anan'ich, R.Sh. Ganelin, B.B. Dubentsov and oth.: redcol. V.S. Dyakin (resp. red.) and oth.].* L.: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1984. 664 p.
10. *Laran M.* Russie — URSS, 1870–1970. Paris: Masson, 1973. 336 p.
11. *Laran M., Van Regemorter J.-L.* Russie — URSS, 1870–1984. Paris: Masson, 1986. 353 p.
12. *Levin M.* La formation du systeme sovietique: Essais sur l'histoire sociale de la Russie dans l'entre-deux-guerre. Paris: Editions Gallimard, 1987. 532 p.
13. *Milov L.V.* Predisloviye // *Istoriya Rossii XX — nachala XXI veka: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushihnya po spetsial'nosti 030401 «Istoriya» / [Milov L.V. and oth.]; pod redaktsiye L.V. Milova.* M.: Eksmo, 2006. P. 3–13.
14. *Raeff M.* Comprendre l'Ancien Regime russe: Etat et societe en Russie imperial. Paris: Le Seuil, 1982. 258 p.

15. *Sakharov A.N.* Rossiya. Narod. Praviteli. Tsivilisatsiya. M.: IRI RAN, 2004. 957 p.
16. *Schanin T.* Russia as a developing society: The Roots of Otherness: Russia`s Turn of Century. London: Macmillan, 1985. 268 p.
17. *Warner D., Warner P.* The Tide at Sunrise: A history of the Russo-Japanese War. N.Y.: Charterhouse, 1974. 627 p.

Ключевые слова:

историография, российская история, идеология, научные исследования, концепция, интерпретация, государство, общество, политический режим, бюрократия, крестьянство, управление.

Grigoriy N. Lanskoj

HISTORY OF RUSSIA AS OBJECT OF GLOBAL METHODOLOGICAL STUDY: DIRECTIONS OF SCIENTIFIC ATTRACTION

The article is devoted to definition and analysis of global features of Russian history as presented in American, British, French and partly in Domestic scientific historiography. The novelty of current research is determined by three aspects. First — it is based on a comparative study of works of Russian and foreign historians. Second — as a subject of research the author examines all history of Russia without separation on periods — for example pre-revolutionary, soviet and post-soviet. Third — on particular examples is shown a typical for many historiographical sources synthesis of scientific approach and ideological views on content and perspectives of development of Russian state and society. As a result to that thorough research the author stresses the necessity of separation of the real Russian history based on documentary sources and systematic subjectively determined interpretations.

Keywords: historiography, Russian history, ideology, scientific studies, stereotypes, conception, interpretation, state, society, political regime, bureaucracy, peasantry, management.

Grigory N. Lanskoj — D.Sc. (History), professor in department of External Policy and Foreign Regional Study at the faculty of International Relations and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики факультета международных
отношений и зарубежного регионоведения Российского
государственного гуманитарного университета

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.006

Д.Е. Мишин

ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ АРАБОВ И ПЕРСОВ В ДОИСЛАМСКУЮ ЭПОХУ

Представления народов друг о друге — настолько распространенное явление, что эта тема, будучи достаточно древней, едва ли когда-нибудь потеряет актуальность. Многие из нас сталкивались в жизни с ситуациями, когда люди не только имеют такие представления, но и руководствуются ими в своих действиях. Следовательно, представления о других народах заслуживают внимания уже потому, что их изучение помогает понять социальную мотивацию, т.е. побудительные мотивы людей к действию, объяснение которых во многом составляет задачу историка. Исследование истории Ближнего и Среднего Востока в этом отношении — не исключение; примером тому можно считать работу У.В. Хаарманна, в которой представлен разбор представлений арабов о тюрках и турках за время от Аббасидского халифата до наших дней¹.

¹ *Haarmann U.W. Ideology and History, Identity and Alterity: The Arab Image of the Turk from the Abbasids to Modern Egypt // International Journal of Middle East Studies, Vol. 20, No. 2 (May, 1988). P. 175–196.*

В случае, рассматриваемом здесь, проблема взаимного восприятия арабов² и персов имеет особое значение. Большинство имеющейся у нас информации относится к последним десятилетиям доисламской эпохи, т.е. ко времени, непосредственно предшествующему тому, когда произошло прямое столкновение арабов с Сасанидской державой, увенчавшееся завоеванием ими Ирана. Крайне интересно представить себе, как стороны этого противостояния смотрели друг на друга незадолго до его начала.

Геополитическое положение было в то время таково. Сасаниды, разгромив в первой трети III в. парфянское царство Аршакидов, приобрели его владения. На юго-западе естественным рубежом новой державы стал Евфрат, рядом с которым стояли крепости с сасанидскими гарнизонами. За ними в сторону Аравии простирались земли арабских племен. В Аравии Сасаниды так или иначе контролировали побережье области Бахрейна³, Омана и Йемена. В качестве проводников своей политики среди племен Аравии Сасаниды активно использовали подчиненных им арабских вождей — в первую очередь лахмидских царей Хиры, но также и некоторых других, в частности аздитских правителей Омана. В ключевых пунктах, таких как Хира, аз-Зара в области Бахрейна, Сухар в Омани и Зафар в Йемене, стояли сасанидские войска.

Уже само то, что зона контактов была столь широка, создавало условия для их развития. Но заинтересованность в развитии отношений у арабов и персов была различной. Арабы Аравийского полуострова жили в условиях ограниченности природных ресурсов; засуха грозила им сокращением пастбищ, падением поголовья верблюдов и овец и, как следствие, голодом. Чтобы избежать его, арабы закупали продовольствие в византийских и сасанидских владениях, а в некоторых случаях шли на крайние меры. Во время очередного голода, пришедшегося примерно на вторую половину третьего десятилетия VII в., Хаджиб, вождь племени бану Тамим, просил царя Хосрова II Парвиза (591–628) разрешить его соплеменникам на вре-

² Следует оговориться, что в силу специфики дошедших до нас источников мы можем говорить только об одной группе арабов той эпохи, а именно об арабах Аравийского полуострова и прилегающих к нему земель Ирака, прежде всего области современной Куфы, где находилась Хира — столица Лакмидов (о них см. в тексте). В силу недостатка сведений нет возможности говорить (в разрезе рассматриваемой темы) об арабах, которые еще в доисламское время ушли на север, в прилегавшие к Тигру области Месопотамии.

³ Несмотря на звуковое сходство эту область нельзя отождествлять с современным Бахрейном. В те годы она охватывала территории от места, где впоследствии была построена Басра, до Омана.

мя переселиться в сасанидские владения. Это разрешение было дано под личное поручительство Хаджиба⁴.

Со стороны Сасанидов интерес к аравийским делам был в целом невелик. Держа под контролем ключевые пункты, Сасаниды считали это достаточным и не пытались присоединить Аравию к своим владениям. Идея подчинить внутренние области Аравии с их трудными природными условиями мало привлекала сасанидскую аристократию. В первой половине VI в. царь Хосров I Ануширван (531–579) отправил войско на помощь изгнанному арабскому царевичу Абу-л-Джабру из племени бану Кинда. Уже в начале похода командовавшие войском сасанидские вельможи, страдая от жары и недостатка воды, отравили Абу-л-Джабра и заявили, что пустят к нему врача только после того, как он напишет царю, что более не нуждается в их помощи и они могут вернуться домой⁵.

Тем не менее арабы и персы имели достаточно возможностей познакомиться друг с другом. Войска Лахмидов, усиленные отрядами из подчиненных им арабских племен, вместе с персами участвовали в войнах, которые Сасаниды вели на Евфрате, против Римской империи, а затем Византии. Лахмидский правитель ежегодно ездил к сасанидскому царю и, вероятно, брал с собой представителей хирской и племенной знати⁶. Из истории хирского сановника и поэта конца VI в. Ади ибн Зайда мы узнаем, что сасанидский царь держал переводчиков, занимавшихся перепиской с правителями арабов⁷. Известны рассказы о том, как в одном случае знаменитый поэт доисламского времени Маймун Подслеповатый (*al-A'shā*), а в другом — Талха ибн Хувайлид (известный как лжепророк, который впоследствии потерпел поражение от войск выдающегося мусульманского полководца Халида ибн ал-Валида, а затем принял ислам) были на приеме у Хосрова II⁸. О другом человеке, которого мусульмане

⁴ Мишин Д.Е. Арабы-зороастрийцы в доисламской Аравии // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2021. № 1. С. 7–8, 10–11.

⁵ Мишин Д.Е. Киндитский царевич Абӯ-ль-Джабр и сасанидский царь Хосров I Ануширван // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2019. № 1. С. 78–79.

⁶ Сведения об этих поездках разобраны автором этих строк в монографии об истории Лахмидов (Мишин Д.Е. История государства Лахмидов. М.: ООО «Садра», 2017. С. 242).

⁷ *Китаб ал-агани ли ... Аби-л-Фарадж ал-Исфахани*. Изд. А. аш-Шинкити. Каир, 1905. Ч. 2. С. 27. Ср. *Annales quos scripsit ... at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 1024.

⁸ Мишин Д.Е. «Культурный шок» в отношениях арабов и персов в доисламскую эпоху // Восточная Европа в древности и Средневековье. Вып. XXXIV. Межэтнические контакты в социокультурном процессе. М.: Российская академия наук. Институт всеобщей истории, 2022. 190–194.

считают лжепророком, Мусайлиме, сообщается, что до того, как начать проповедовать, он ездил по рынкам, на которых собирались арабы и персы; то были рынки в Убулле, Бакке, ал-Анбаре и Хире⁹. Еще одним рынком, на котором арабы встречались с персами, был рынок в ал-Мушаккаре (область Бахрейна), упоминаемый в источниках в числе ярмарок доисламского времени¹⁰. В некоторых случаях арабы перенимали и элементы персидской культуры. В период с 30-х гг. VI в. по начало 30-х гг. VII в. племенем бану Дарим, входившим в состав упомянутого выше племени бану Тамим, правили арабские приверженцы зороастризма¹¹. В начале VII в. один из курейшитов, не раз побывав в Хире, запомнил много историй об иранских царях, а также о легендарных богатырях Рустаме и Спандиаде, которые затем пересказывал соплеменникам¹².

Даже военное противостояние приводило в некоторых случаях к тому, что арабы и персы накапливали сведения друг о друге. В стихах доисламских поэтов Абу Дуада ал-Ийади и упомянутого выше Маймуна Подслеповатого мы находим упоминания о том, что арабы (бану Ийад в первом случае и бану Шайбан во втором) сражались против *banū al-ahrār*¹³. Данное выражение по-арабски буквально означает «сыновья свободных людей». Эти «свободные люди» — те, кого в Сасанидской державе называли *āzādān* (букв. — «свободные»), т.е. дворяне, не принадлежавшие к высшей знати и составлявшие основу конницы в войске. Тем самым термин *āzādān* был известен арабам, которые переработали его на свой лад.

Итак, арабы и персы имели достаточно сведений, чтобы у них сложились представления друг о друге. Но попытки реконструировать эти представления встречаются на своем пути то препятствие, что имеющиеся в нашем распоряжении источники созданы намного позднее рассматриваемой эпохи и вполне могут отражать, скорее, идеи более поздних

⁹ Китаб ал-хайаван. Талиф Аби Усман ... ал-Джахиз. Изд. А.М. Харун. Б.м.: Шарикат мактабат ва матбаат Мустафа ал-Баби ал-Халаби ва авлади-хи би Миср, 1965. Ч. 3, с. 369; ат-Тазкира ал-хамдунийя. Тасниф Ибн Хамдун. Изд. И. Аббас, Б. Аббас. Бейрут: Дар Садир, 1996. Т. 7. С. 352.

¹⁰ Китаб ал-азмина ва-л-амкина. Талиф ... ал-Марзуки. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмийя, 1996. С. 383; Китаб ал-мухаббар ли ... Мухаммад бин Хабиб. Изд. I. Lichtenstädter. Хайдарабад: Даират ал-маариф ал-усманийя, 1942. С. 265.

¹¹ Мишин Д.Е. Арабы-зороастрийцы в доисламской Аравии // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2021. № 1. С. 3–17.

¹² Сират ан-наби ли ... Ибн Хишам. Изд. М.Ф. ас-Сайид. Танга: Дар ас-сахаба ли-т-турас би Танга, 1995. Т. 1. С. 377, 449.

¹³ Gedichte von Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qais al-'Aṣā. Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co., 1928. S. 182; von Grünebaum G. Дирасат фи ал-адаб ал-араби / Пер. И. Аббас, А. Фариha, М.Ю. Наджм, К. Йазиджи. Бейрут: Дар ал-хайат, 1959. С. 310.

времен. Так, до нас дошел восходящий к известному средневековому знатоку древностей Хишаму ибн Мухаммаду ал-Калби (известному также как Ибн ал-Калби, род. ок. 737 г., ум. в 819/20 или 821/22 г.) рассказ о том, что однажды, когда последний лахмидский правитель Хиры ан-Нуман III (579–601) приехал к сасанидскому царю Хосрову II Парвизу, тот весьма неприязненно высказался об арабах, заявив, что они низкие по своему общественному положению люди, которые из бедности убивают детей¹⁴, пожирают¹⁵ один другого и питаются отвратительным мясом верблюдов. В ответ на это ан-Нуман в следующий раз явился к Хосрову с несколькими арабскими мудрецами и ораторами; каждый из них сказал речь, и царь положительно отозвался об арабах, изменив свое мнение о них¹⁶. В близком по сюжету рассказе, восходящем к ал-Хайсаму ибн Ади (род. в 738 г., ум. между 820 и 826 гг.), персы наговаривают Хосрову на арабов, утверждая, что они лишены разума, не имеют Священного Писания и поклоняются камням. Хосров затребовал у ан-Нумана III сборник арабских мудростей и, получив его, убедился, что у арабов есть высокая культура¹⁷.

Другой рассказ, в котором арабы предстают в крайне невыгодном свете, относится к немного более раннему периоду. Согласно ему Хосров II, совсем недавно провозглашенный царем после свержения его отца Хормузда IV (579–591), боролся за власть с полководцем Варахраном Чобином, который поднял мятеж и со своим войском двинулся на столицу Сасанидской державы — Ктесифон (591 г.). Потерпев поражение, Хосров бежал в столицу, где явился к содержавшемуся во дворце Хормузду. Во время их разговора Хосров в частности спросил, не стоит ли ему теперь бежать к царю Хиры. Хормузд ответил, что у ан-Нумана нет никакого имущества, которое он мог бы дать Хосрову; более того, лахмидский

¹⁴ Судя по всему, речь идет о *вад-е* (ар. *wa'd*) — обычае закапывать в землю живьем новорожденных девочек. Этот доисламский обычай прямо запрещен в Коране (сура 17, аят 33(31), по переводу И.Ю. Крачковского: «И не убивайте ваших детей из боязни обеднения» (Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА, 1990. С. 235)). Объяснение данного обычая боязнью обеднения встречается и в исторических источниках (см., напр., Ат-Тазкира... Т. 7. С. 330–331).

¹⁵ Речь, конечно, не идет о каннибализме. Арабский глагол *akala* (букв. — «есть», «пожирать») здесь означает «грабить» (ср. *piller* в: Dozy R. *Supplément aux dictionnaires arabes*. Leyde: E.-J. Brill, Paris: G.-P. Maisonneuve et Larose, 1967. Т. I. P. 31).

¹⁶ Китаб ал-икд ал-фарид. Талиф ... бин Абд Раббихи. Изд. А. Амин, А. аз-Зайн, И. ал-Абйари. Каир: Матбаат Ладжнат ат-талиф ва-т-тарджама ва-н-нашр, 1965. Ч. 2. С. 4–19; Ат-Тазкира... Т. 7. С. 404–413.

¹⁷ Ат-Тазкира... Т. 7. С. 403–405.

правитель и его подданные — воры и разбойники и безразличны к сасанидской царской власти¹⁸.

Обратим внимание, что в двух из рассмотренных выше рассказов говорится о бедности арабов. Этот мотив мы встречаем и в одном, имевшем хождение в исламское время анекдоте об арабе, который принес сасанидскому царю хорошие вести. Обрадованный царь спросил, чего он хочет в награду; араб ответил: восемьдесят (или, согласно одной передаче, сто) овец¹⁹. Нетрудно понять, что этот анекдот призван подчеркнуть убожество запросов пустынного скотовода, предел мечтаний которого не выходил за сотню овец (хотя царь, разумеется, мог пожаловать ему намного больше).

Сообщения, на которые мы указали выше, — скорее легенды, чем исторические известия. Нельзя поручиться за то, что их персонажи действительно говорили приписываемые им слова; во всяком случае трудно доказать, что рассказы восходят к доисламскому времени. Один из передатчиков рассказа о поездке ан-Нумана, Ибн Хамдун (1102–1166/67), считал данный текст сфабрикованным²⁰. Тональность сообщений наводит на мысль о том, что они имели хождение и, вероятно, были созданы в окончательном виде во времена противостояния сторонников *шуубиййи*, от-

¹⁸ Самый ранний источник, в котором приводится данный рассказ — «История Балами» (середина X в.), сокращенный персидский перевод свода ат-Табари (839–922/3) с рядом добавлений. Как ни странно, рассматриваемый фрагмент отсутствует в обычно используемом издании М.Т. Бахара и М.П. Гунабади (Тарих-и-Балами. Изд. М.Т. Бахар «Малик аш-шуара», М.П. Гунабади. Тегеран: Китабфоруши-и-Завар, 1974. С. 1082). Однако его можно найти в более ранних изданиях «Истории Балами» (Тарджоме-и-тарих-и-Табари аз ... Балами (кисмат-и-марбут бе-Иран). Изд. М.Дж. Машкур. Тегеран: Китабфоруши-и-Хайям, 1959. С. 200–201; Тарих-и-Табари. Канпур, 1874. С. 352; Тарих-и-Табари. Канпур, 1914. С. 352), и это позволяет считать, что он является частью текста источника. Кроме Балами рассказ приводит и знаменитый поэт Фирдоуси (род. в 940 или 941 г., ум. в 1020 г.), который несколько по-другому передает сведения первоисточника: Хормуздат говорит, что арабы не станут сторонниками Хосрова, ибо не видели от него ни хорошего, ни дурного, никак не привязаны к его роду и выдадут его врагам в обмен на что-нибудь (Шахнамэ-йе-Фирдоуси. Изд. С. Нафиси. Тегеран: Берухим, 1935. С. 2713).

¹⁹ Наиболее ранняя известная передача этого анекдота — у Абу Убайда ал-Касима ибн Саллама (770–838/39), который ссылается на своего современника Йахйу ибн Зийада (ум. в 822/23), известного по прозвищу «Скорняк» (*al-Farrāʿ*) (Китаб ал-амсал. Талиф ... Аби Убайда ал-Касим бин Саллам. Изд. А. Кутамиш. Дамаск: Дар ал-Мамун ли-т-турас, 1980. С. 365). См. также: Ад-Дурра ал-фахира фи ал-амсал ас-саира ли ... Хамза ... ал-Исфахани. Изд. А. Кутамиш. Каир: Дар ал-маариф, 1972. С. 148; Китаб ал-амсал. Хайдерабад: Матбаат Маджлис Даират ал-маариф ал-усманийя, 1932. С. 8.

²⁰ Ат-Тазкира... Т. 7. С. 405.

стаивавших равенство арабов и других народов (прежде всего персов), и арабов-приверженцев *асабийи*, которые защищали интересы соплеменников; рассказ о Хормузде и Хосрове отражал позицию первых, известия об ан-Нумане — вторых.

Но и видеть в этих рассказах откровенную фальшивку едва ли правильно. В свите лахмидского правителя к сасанидскому царю приезжали разные люди; именно так, например, к Хосрову I Ануширвану (531–579) явился Сайф ибн зи Йазан, вдохновитель сасанидского завоевания Йемена²¹. По истории христиан Сасанидской державы мы знаем, что в некоторых случаях цари, желая понять суть их вероучения, велели изложить его письменно²². Хосров II поступил именно так, как в рассказе ему советовал Хормуз, и обратился за помощью к византийскому императору Маврикию (582–602), а не к лахмидскому правителю²³.

Другой важный аспект состоит в том, что рассматриваемые рассказы — при всей значительной доле вымысла в них — не кажутся только вымыслом; их герои ведут себя в соответствии не столько с авторской фантазией, сколько с бытовавшими в обществе представлениями о том, как они действовали или должны были действовать в таких ситуациях. Эти представления в свою очередь восходили к исторической памяти. Поэтому мотивы рассматриваемых рассказов созвучны тем, что мы обнаруживаем в других источниках. Например, отмеченный выше мотив бедности арабов не раз встречается в рассказах о переговорах между мусульманами и персами перед знаменитым и во многом судьбоносным сражением при ал-Кадисийе. В источниках слова персов об этом, обращенные к посланцам мусульман, вкладываются в уста разных исторических персонажей.

²¹ *Annales ... 1881–1882*. P. 946; *Сират...* Т. 1. С. 105.

²² Данный вопрос заслуживает отдельного исследования, предмет которого выходит за рамки настоящей работы. В качестве доказательства высказанного в тексте тезиса скажем лишь, что известен текст одного такого изложения вероучения, составленного несторианскими богословами в 613 г. (*Synodicon orientale ou Recueil des synodes nestoriens*. Pub. et tr. J.-B. Chabot. Paris, 1902. P. 562–598).

²³ Это решение не было самоочевидным. Когда в конце 420 г. вельможи отказались возводить на престол кого-либо из сыновей только что умершего Ездигерда I (400–420), один из них, Варахран, совершил поход на Ктесифон с войсками правителя Хиры и в итоге пришел к власти, став царем Варахраном V. Напротив, когда в 20-е гг. VI в. сасанидский царь Кавад просил византийского императора Юстина I (518–527) формально усыновить Хосрова (будущего Хосрова I Ануширвана) и стать таким образом гарантом прав последнего на наследование престола, в ответ был получен отказ. Таким образом, исторический опыт должен был говорить и Хормузд IV, и его сыну, что следует опираться на лахмидских арабов, а не на Византию.

Монета Хосрова II Парвиза

Ал-Балазури (ум. ок. 892 г.). Рустам, командующий сасанидским войском: «Понял я, что к тому, что вы делаете, привело вас не что иное, как нищета и тяготы; мы же дадим вам то, чем вы насытитесь, и отпустим назад кое с чем из того, что вы любите»²⁴.

Абу Ханифа ад-Динавари (ум. в конце IX или начале X в.). Рустам: «Аллах сделал великой царскую власть нашу, даровал нам победу над народами, подчинил нам части света и поставил жителей различных земель в униженное положение перед нами. Для нас не было на земле более малосильного народа, чем вы, ибо вас мало, вы унижены, а земля ваша неплодородна; живете вы в нищете. Что привело вас к тому, чтобы вторгнуться в нашу страну? Если было это из-за засухи, которая случилась у вас, то мы щедро одарим вас и облагодетельствуем. Возвращайтесь же в страну вашу!»²⁵

Ат-Табари (838/9–922/3). Сасанидский царь Ездигерд III (632–651): «Не знаю я на земле ни одного народа более бедного, малочисленного, злого и враждебного, чем вы. Прежде давали мы вам в управление окраинные селения, и это избавляло нас от того, чтобы заниматься вами. Персы не нападали на вас, и вы не стремились противостоять им. Если вы размножились, то да не заставит вас это перемениться по отношению к нам. Если же вас привела нужда, то мы предоставим вам продовольствие так, что будет вам изобилие, обласкаем предводителей ваших, оденем вас и поставим над вами царя, который будет добр к вам»²⁶.

²⁴ Футух ал-буддан. Тасниф ... ал-Балазури. Изд. А.А. ат-Табба. Бейрут: Муассасат ал-маариф ли-т-тибаа ва-н-нашр, 1987. С. 358.

²⁵ Ал-Ахбар ат-тивал. Талиф Аби Ханифа ... ад-Динавари. Изд. А. Амир. Каир: Визарат ас-сакафа ва-л-иршад ал-кауми, ал-Идара ал-амма ли-с-сакафа, 1960. С. 120–121.

²⁶ Annales quos scripsit ... at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. IV. Rec. P. De Jong, E. Pryn. Lugduni Batavorum, 1890. P. 2240–2241.

Ал-Куфи (ум. в 926/7 г.). Ездигерд III: «Вы, арабы, приезжали в эту страну, принадлежащую нам, как посланцы, купцы и путники. Мы относились к вам хорошо, и вы ели пищу нашу, пили приятное [на вкус] питье наше, одевались в мягкие одежды наши. Но затем вы позавидовали нам в этом, отправились за своими и явились с ними, чтобы напасть на нас, пребывающих в благоденствии, и противостоять царской власти нашей... Знаю я, что к тому, чтобы вторгнуться в страну нашу, привели вас голод, лишения, бедствия и тяготы. Если это так, дайте мне знать, и я облагодетельствую вас, сделаю так, что будут верблюды ваши нагружены продовольствием, одеждой и припасами, постараюсь для вас, и отправитесь вы в страну свою целыми и невредимыми»²⁷.

Ал-Масуди (ум. в 956/7 г.). Ездигерд III: «Вас, арабов, поразили тяготы. Если вы пожелаете, мы снабдим вас продовольствием, и вы вернетесь [к себе]»²⁸.

Известия мусульманских авторов о событиях, связанных с завоеванием сасанидских владений, так или иначе восходят к очевидцам этих событий, поэтому можно предполагать, что слова, подобные приведенным выше, с персидской стороны были сказаны. Если исходить из этого, получается, что сасанидский царь и его сановники не только держались представлений об арабах как о людях, живших в бедности и лишениях и шедших на войну, чтобы поправить свое имущественное положение, но и строили на таких идеях свою переговорную позицию, фактически предлагая выкуп. Интересно, что в другом фрагменте, который тоже относится к переговорам перед битвой при ал-Кадисийе, персы, согласно ат-Табари, пытаются на встрече подчеркнуть свое превосходство над арабами в имущественном отношении с помощью роскошного убранства:

«Рустам стал просить у вельмож Персии совета, говоря: “Каково мнение ваше, покажем ли мы им роскошь нашу, выкажем ли к ним пренебрежение?” И все они решили выказать пренебрежение [к арабам]. Они выставили на вид украшения и убранство, расстелили ковры и разложили подушки, не оставив [в запасе] ничего. Для Рустама поставили золотой трон, который был украшен покрывалами и подушками, расшитыми золотом»²⁹.

²⁷ Китаб ал-футух ли ... ал-Куфи. Изд. А. Шири. Бейрут: Дар ал-адва ли-т-тибаа ва-н-нашр ва-т-тавзи, 1991. Ч. 1. С. 156–157.

²⁸ Maçoudi. Les prairies d'or. T. IV. Texte et trad. C. Barbier de Meynard. Paris, 1865. P. 232.

²⁹ Annales quos scripsit ... at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. V. Rec. E. Prum. Lugduni Batavorum, 1893. P. 2270. Аналогичный сюжет присутствует у ал-Масуди, у которого, однако, посланника арабов принимает царь Ездигерд III (Maçoudi. Les prairies... P. 231–232).

Монета Ездигерда III

Показательны и действия мусульманского посланника, которые далее в том же рассказе описываются так:

«Когда он³⁰ прибыл к царю³¹ и доехал до него, достигнув ближайшего ковра, ему сказали: “Сойди [с коня]”. Но он погнал свою кобылу на ковер, и, когда она встала на нем, спустился с нее. Он привязал ее к двум подушкам, которые рассек, продев через них веревку; воспрепятствовать ему [в этом] не смогли. Они выказали пренебрежение, и он, поняв их желание, захотел позлить³² их ... Они сказали ему: “Оставь оружие”. Он же сказал: “Не для того я приехал к вам, чтобы оставить оружие по приказу вашему. Вы пригласили меня, так что либо согласитесь вы, что я прибуду к вам так, как сам хочу, либо я вернусь”. [Об этом] доложили Рустаму, и он сказал: “Позвольте ему; разве это не всего лишь один человек?” И он (Риби. — Д.М.) пошел вперед, опираясь при ходьбе на копье с острым наконечником, которым пробивал подушки и ковры, так что не оставил им ни одной подушки и ни одного ковра, не попортив их, не разорвав и не проткнув»³³.

Смысл действий сторон очевиден. Рустам и его приближенные стремятся подчеркнуть богатство персов и, в противоположность ему, бедность и ущербность арабов, которые не в состоянии оказать послу такой прием. Поняв это, посланник арабов демонстративно приводит в негодность убранство персов, показывая тем самым, что не намерен соглашаться с их притязаниями на превосходство, основанными на богатстве.

³⁰ Мусульманский посланник Риби ибн Амир.

³¹ Так буквально в тексте (*al-malik*).

³² Перевод арабского *fa arāda istihrādja-hum* здесь основан на значении корня *ḥ.r.dj* как *se fâcher, se mettre en colère* (Dozy R. Supplément... Т. I. P. 267).

³³ Annales... 1893. P. 2270–2271.

Некоторые данные позволяют предполагать, что в глазах сасанидской знати арабы доисламского времени были не только бедным, но и в определенном смысле диким народом, чуждым утонченной жизни цивилизованного общества. Показателен в этом отношении один эпизод из жизни упомянутого выше Ади ибн Зайда, в котором он, будучи переводчиком Хосрова I Ануширвана с арабского языка, представил сасанидскому царю молодых Лахмидов — кандидатов на хирский престол, освободившийся после смерти царя ал-Мунзира IV (574–578). Решающее слово в определении того, кто станет новым правителем Хиры, принадлежало сасанидскому царю, и поэтому для кандидатов было очень важно произвести на него хорошее впечатление. В источниках сохранился рассказ о том, как Ади ибн Зайд наставлял лахмидских царевичей, причем тайно вел дело к избранию одного из них, ан-Нумана, воспитателем которого прежде был:

«Он (Ади. — Д.М.) встречался с каждым из них наедине и говорил: “Когда я введу вас к царю, облачитесь в самые роскошные и красивые одеяния ваши. А когда он пригласит вас на трапезу, чтобы вы поели, ешьте медленно, мало и мелкими кусками”. ... Они приняли от него [эти советы]. Он же уединился с ан-Нуманом и сказал ему: “Надень дорожную одежду, войди [к царю] с мечом на поясе, а когда сядешь есть [с ним], ешь большими кусками, быстро жуй и глотай. Ешь много, а до этого поголодай. Ведь Хосрову нравится, когда именно арабы много едят; он считает, что нет ничего хорошего в таком арабе, который не охоч до еды и не прожорлив — особенно тогда, когда видит не свойственную ему пищу и не такую, к какой привык”»³⁴.

Советы Ади ибн Зайда оказались верными, и Хосров сделал выбор в пользу ан-Нумана. Автор этих строк коснулся данного эпизода в монографии об истории Лахмидов³⁵, однако здесь имеет смысл остановиться на нем подробнее. В общении с сасанидским царем и то, что могло бы показаться мелочью, имело значение; по таким вещам судили о человеке. Известен рассказ о том, как в правление Шапура II (309/10–379/80) умер *мобедан-мобед* — верховный зороастрийский священнослужитель Сасанидской державы. Шапуру порекомендовали кандидата на освободившееся место; этот человек по приказу царя прибыл из Истахра. Во время трапезы Шапур разрезал надвое курицу, половину отдал кандидату,

³⁴ Книга ал-агани ... Ч. 2. С. 20–21. Ср. Книга ал-манакиб ал-мазйадийа фи ахбар ал-мулук ал-асадийа. Талиф ... ал-Хилли. Изд. С.М. Дарадика, М.А. Харисат. Амман: Мактабат ар-рисала ал-хадиса, 1984. С. 387–388.

³⁵ Мишин Д.Е. История... С. 269.

Монета Шапура II

а другую стал объедать сам. Кандидат закончил свою половину курицы прежде Шапура и потянулся к другому угощению. Это решило его судьбу: Шапур счел, что тот, кто жадно ест в присутствии царя, будет проявлять жадность и в общественных делах, и отправил его обратно в Истахр³⁶. Но то, что было непростительным для *мобедан-мобеда*, применительно к арабу рассматривалось как вполне естественное: считалось, что он живет «среди дикой природы», вдали от городской цивилизации и двора с их утонченным укладом, и чужд всему этому. В рамках этих представлений араб должен был вести себя просто и естественно, есть много, как и подобает человеку, который много двигается и занимается физической деятельностью куда больше, чем умственной. О правителе арабов Хосров, вероятно, думал, что он должен быть таким же, как его подданные; только тогда он сможет успешно управлять ими. Судя по всему, Ади ибн Зайд, общаясь с сасанидским царем, заметил, что он придерживается такого мнения, и своими советами помог ан-Нуману сделаться самым подходящим кандидатом на хирский престол.

На отношение персов или по крайней мере персидской знати к арабам немалое влияние, вероятно, оказывал религиозный вопрос. Излишне говорить, что в древние времена и Средневековье отношение людей друг к другу во многом определялось их религиозной принадлежностью. В этом отношении зороастризм, который во многом оценивал человека по тому, какую позицию тот занимал в противоборстве Ахурамазды и Ахримана, добра и зла, в целом неприязненно относился к другим верованиям, приверженцы которых — самое меньшее — не

³⁶ Ал-Джахиз. ат-Тадж фи ахлак ал-мулук. Бейрут: Дар ал-фикр, Дар ал-бихар, 1955. С. 54–56.

способствовали победе добра. История Сасанидской державы знает масштабные религиозные преследования. Характер дошедших до нас источников таков, что мы знаем почти исключительно о преследованиях, направленных против христиан, иудеев и манихеев. Но отношение зороастрийцев к приверженцам традиционных арабских верований с их поклонением идолам было, вероятно, не лучше. В представлениях зороастрийцев капища идолов подлежали разрушению. Известный зороастрийский деятель III в. Кардир (Картир) повествует в одной из своих надписей о подавлении иноверцев (приверженцы арабских верований среди них, правда, не называются), а также о разрушении идолов и уничтожении «обитателей бесов»³⁷. В «Книге тысячи судебных решений», известной также как «Сасанидский судебник», описывается происшедший в правление Хосрова I Ануширвана случай, когда на земле, принадлежавшей частным лицам, было снесено капище, на месте которого воздвигли зороастрийское святилище огня³⁸. В позднем зороастрийском трактате «Повествование об Арда-Вирафе» его главный герой во время путешествия в мир мертвых видит там душу женщины, направляющуюся в ад за ряд грехов, одним из которых было почитание капища идолов³⁹. Эти представления должны были распространяться и на арабов. Вполне может быть, что сасанидская знать и зороастрийское духовенство связывали идолопоклонство арабов с их невежеством и дикостью, как это делает Хосров II Парвиз в разобранном выше рассказе ал-Хайсама ибн Ади.

До настоящего времени речь шла исключительно о том, какие представления об арабах были у персов. Мы можем сделать некоторые наблюдения и о том, каков был образ персов в глазах арабов. Естественно, этот образ складывался не в последнюю очередь на основе контактов арабов с сасанидскими воинами и наместниками, служившими на границе. Последние должны были охранять сасанидские владения и, в частности, не пускать туда арабов без соизволения царя. Положение дел на границе составляет отдельный предмет исследования; здесь имеет смысл сказать

³⁷ *Back M.* Die sassanidischen Staatsinschriften. Téhéran, Liège: Bibliothèque Pahlavi, 1978. S. 414–416; *Chaumont M.-L.* L'inscription de Kartīr à la «Ka'bah de Zoroastre» // *Journal asiatique*. Т. CCXLVIII, année 1960. P. 347; *Gignoux Ph.* Les quatre inscriptions du mage Kirdīr. Paris: L'Association pour l'avancement des études iraniennes, 1991. P. 70.

³⁸ *Периханян А.Г.* Сасанидский судебник. «Книга тысячи судебных решений» (Mātakdān ī hazār dāstān). Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1973. С. 417–418.

³⁹ *The Book of Arda Viraf.* Ed. H.J. Asa. Bombay, London, 1872. P. 98–99.

лишь то, что многие военачальники, выполняя царские повеления, вели себя с арабами весьма жестко. В исторической памяти арабов остался сасанидский военачальник, которому они — за суровые кары, налагаемые им на них — дали прозвище «Усекатель» (*al-Mukacbir*); он был известен, в частности, тем, что командовал избиением бану Тамим в крепости ал-Мушаккар (конец VI — начало VII вв.)⁴⁰. О другом военачальнике по имени Хормузд, который в 633/4 г. сражался с Халидом ибн ал-Валидом в области Бахрейна, мы читаем:

«В обращении с арабами он был худшим из военачальников той области. Все арабы были исполнены гнева против него. О том, каким отвратительным он был, сложили поговорку, говоря: “Отвратительнее Хормузда” или “Невернее Хормузда”»⁴¹.

Другим интересным свидетельством того, какие представления о персах имели хождение среди арабов, дает отрывок из одного стиха Дурайда ибн ас-Симмы — знаменитого поэта и воителя доисламской эпохи из племени *хавазин*, который прожил весьма долгую жизнь, был одним из предводителей войска арабских племен, сражавшегося против мусульман в битве при Хунайне (630 г.), и погиб в этом сражении. Судя по тексту стиха, Дурайд сочинил его в последние годы жизни. О персах в нем говорится так:

«Горе Хосрову⁴², если всадники наши с бурыми хаттийскими⁴³ копьями будут гулять по земле его!

⁴⁰ Интересно отметить, что в источниках прозвище «Усекатель» применяется к двум разным людям. В одних рассказах это Джаванбудан, сын Друстоя (по-арабски *Djawānbūdān bin Durustuwayh*) (*The Mufaḍḍaliyyāt*. Ed. Ch.J. Lyall. Oxford: Clarendon Press, 1921. P. 709; *Китаб ал-афв ва-л-итизар ли Аби-л-Хасан Мухаммад ... ал-маруф би ар-Раккам ал-басри*. Изд. А. Абу Салих. Эр-Рияд: Джамиат ал-имам Мухаммад ибн Сауд ал-исламийа, 1981. С. 431–432), в других — Азад-Пероз (или Дад-Пероз, что кажется менее вероятным), сын Гушнаспа (по-арабски *Āzād-Fayrūz bin Djušnās*) (*Annales ... 1881–1882*. P. 985–987; *Китаб тарих суни мулук ал-ард ва-л-анбийа*. Талиф Хамза ... ал-Исфахани. Berlin: Kaviani GmbH, 1921/22. С. 91). Анализ вопроса о том, какие из этих сведений в большей степени достойны доверия, выходит за рамки настоящей работы. Но очевидно, что образ «Усекателя» прочно вошел в историческую память арабов, коль скоро отождествлялся с разными людьми.

⁴¹ *Annales ... 1890*. P. 2023–2024. Ср. *Маджма ал-амсал ли ... ал-Майдани*. Изд. М.М. Абд ал-Хамид. Каир: Матбаат ас-сунна ал-мухаммадийа, 1955. Ч. 2. С. 169.

⁴² В тексте стиха — *Kisrā*. Это слово — арабская передача персидского имени *Хосрой*, т.е. Хосров, в принципе могло означать сасанидского правителя вообще. Однако в данном случае речь, скорее всего, идет о современнике Дурайда Хосрове II Парвизе.

⁴³ Т.е. происходящими из ал-Хатта, как тогда называлось побережье Аравии, омываемое водами Персидского залива. «Хаттийские копья» — расхожее выражение доисламской поэзии, которое нередко означает копья вообще, независимо от места их происхождения.

Сыны Персии не соблюдают договоры, и нечем им хвалиться.

Они ходят в мягкой, приятной на ошупь парче, как девицы, вставшие утром.

[Но] в день, когда [обрушиваются] удары хаттийских копий, ты счел бы их дикими ослицами, до которых донесся голос того, кто перепугался»⁴⁴.

Вероятно, представления о том, что персы не всемогущи на поле боя, и с ними можно сражаться, подкреплялись рассказами о знаменитой битве при зу Каре (602 г.), в которой ополчение племени бану Шайбан одержало победу над сасанидским войском.

Хорошо известно, что представления о других народах часто формируются на основе их характерных, свойственных только им, обычаев, деталей быта и т.д. Для персов сасанидской эпохи своего рода визитной карточкой был обычай жениться на близких родственницах, прежде всего сестрах и дочерях (*хведода*). Для зороастрийцев этот обычай был неотъемлемой частью их жизненного уклада, но у представителей других народов вызывал удивление и неприязнь. Примерно так же обстояло дело и с арабами доисламской эпохи. Об их отношении к персидским брачным обычаям мы знаем из стиха Ауса ибн Хаджара (поэта VI в. из бану Тамим), который, осуждая в одном стихе род бану Сад ибн Малик ибн Дубайа, отметил и следующее основание для порицания:

«Персидский уклад жизни у них не отвергается, и каждый из них по отношению к отцу своему — будущий муж жены и сестры его»⁴⁵.

Таким образом, если основываться на изложенном выше, существенные черты представлений арабов и персов друг о друге выглядят примерно так. Для персов арабы в большинстве своем были своего рода людьми с периферии цивилизации, бедными, чуждыми утонченной культуре и не знавшими считавшегося единственно правильным зороастрийского вероучения, но в то же время сильными, быстрыми и расторопными. Для арабов персы были богаты, но изнежены и слабы в бою; путь к их владениям закрывали грозные наместники. Эти наблюдения кажутся очень схожими с рассуждениями Ибн Халдуна (1332–1406) об оседлых (*hadar*) и кочевниках (*badw*). В изображении Ибн Халдуна кочевники намного беднее оседлых, ибо обладают только необходимым

⁴⁴ Диван Дурайд ибн ас-Симма. Изд. У. Абд ар-Расул. Каир: Дар ал-маариф, 1985. С. 98.

⁴⁵ Диван Аус бин Хаджар. Изд. М.И. Наджм. Бейрут: Дар Сафир, 1979. С. 75.

для жизни минимумом, но храбрее и сильнее их, так как привычны к тому, чтобы защищать себя самостоятельно, не прибегая к помощи государства; оседлые, напротив, богаче, но развращены жизнью в достатке⁴⁶. Думается, что выделенные в настоящей работе представления арабов и персов друг о друге в основном (за исключением тех, которые относятся к религии) следует рассматривать именно в контексте отношений и взаимного восприятия оседлых и кочевников, древних и средневековых городских цивилизаций и «варварской» периферии. По сравнению с ними представления, основанные на религии, малозаметны, однако это следует связывать главным образом с характером дошедших до нас сообщений. В исторических повествованиях о сасанидской эпохе, да и в передаче персидских текстов мусульманские рассказчики обычно опускают малопонятные и их читателям, и им самим мотивы, связанные с другими религиями. Поэтому религиозная составляющая во взаимных представлениях арабов и персов должна была иметь место, хотя реконструировать ее довольно непросто.

Завоевание сасанидских владений мусульманами в первой половине VII в. и связанные с ним социально-культурные процессы — прежде всего переселение племен из Аравии на север и укоренение ислама в Иране — оказали большое влияние и на представления арабов и персов друг о друге. В истории развития этих представлений начался новый этап, изучение которого выходит за пределы настоящей работы. Следует, впрочем, отметить, что вопросы представлений оседлых и кочевников друг о друге не утратили своей актуальности и в исламское время.

⁴⁶ Тарих ал-аллама Ибн Халдун. Каир: Дар ал-киتاب ал-мисри, Бейрут: Дар ал-киتاب ал-лубнани, 1999. Т. 1. С. 210–223. Ссылка сделана на знаменитую *Мукаддиму* («Предисловие») — первую часть исторического свода Ибн Халдуна, в которой он представляет свое видение общих закономерностей жизни и развития человеческого общества.

REFERENCES

1. Koran / Per. I.Ju. Krachkovskogo [The Koran / Transl. by I.Ju. Krachkovskij]. Moscow: SP IKPA, 1990.
2. *Mishin D.Ye.* Araby-zoroastrijcy v doislamskoj Aravii [Zoroastrian Arabs in Pre-Islamic Arabia] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2021. No. 1. P. 3–17.
3. *Mishin D.Ye.* Istorija gosudarstva Lahmidov [History of the Lakhmid State]. Moscow: OOO «Sadra», 2017.
4. *Mishin D.Ye.* Kinditskij carevich Abū-l-Djabr i sasanidskij car' Hosrov I Anushirvan [Kindite Prince Abū-l-Ġabr and Sasanid King Khusraw I Anushirwan] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2019. No. 1. P. 71–84.
5. *Mishin D.Ye.* Kul'turnyj shok v otnoshenijah arabov i persov v doislamskuju epohu [Cultural Shock in the Relations between Arabs and Persians in the Pre-Islamic Epoch] // Vostochnaja Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. No. XXXIV. Mezhdzhetnicheskie kontakty v sociokul'turnom processe. Moscow: Rossijskaja akademija nauk. Institut vseobshhej istorii, 2022. P. 190–194.
6. *Perihanjan A.G.* Sasanidskij sudebnik. «Kniga tysjachi sudebnyh reshenij» (Mātakdān ī hazār dātastān) [Sasanid Law-Book. Book of a Thousand Judgements (Mātakdān ī hazār dātastān)]. Yerevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armjanskoj SSR, 1973.
7. Annales quos scripsit Abu Djarfar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari / Ed. by M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882; IV. Rec. P. De Jong, E. Prym. Lugduni Batavorum, 1890; V. Rec. E. Prym. Lugduni Batavorum, 1893.
8. *Back M.* Die sassanidischen Staatsinschriften. Studien zur Orthographie und Phonologie des Mittelpersischen der Inschriften. Téhéran; Liège: Bibliothèque Pahlavi, 1978.
9. *Chaumont M.-L.* L'inscription de Kartīr à la «Ka'bah de Zoroastre» // Journal asiatique. 1960. Vol. CCXLVIII, P. 339–380.
10. *Dozy R.* Supplément aux dictionnaires arabes. Leyde; Paris: E.-J. Brill; G.-P. Maisonneuve et Larose, 1967.
11. Gedichte von Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qais al-'A'ṣā. Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co., 1928.
12. *Gignoux Ph.* Les quatre inscriptions du mage Kirdīr. Paris: L'Association pour l'avancement des études iraniennes, 1991.

13. *von Grünebaum G.* Dirāsāt fī al-adab al-‘arabī [Studies on Arabic Literature] / Transl. by I. ‘Abbās, A. Farīḥa, M.Y. Nadjm, K. Yāzidjī. Beirut: Dār al-ḥayāt, 1959.
14. *Haarmann U.W.* Ideology and History, Identity and Alterity: The Arab Image of the Turk from the Abbasids to Modern Egypt // International Journal of Middle East Studies. 1988. Vol. 20. No. 2. P. 175–196.
15. *Maçoudi.* Les prairies d’or. Vol. IV. Texte et trad. C. Barbier de Meynard. Paris, 1865.
16. *Chabot J.-B.* Synodicon orientale ou Recueil des synodes nestoriens. Paris, 1902.
17. The Book of Arda Viraf. Ed. by H.J. Asa. Bombay–London, 1872.
18. The Mufaḍḍalīyāt. Ed. by Ch.J. Lyall. Oxford: Clarendon Press, 1921.
19. al-Akhbār al-ṭiwāl. Ta’līf Abī Ḥanīfa ... al-Dīnawarī [Long Stories by Abū Ḥanīfa ... al-Dīnawarī]. Ed. by ‘A. ‘Āmir. Cairo: Wizārat al-thaqāfa wa al-irshād al-ḳawmī, 1960.
20. al-Djāḥiẓ. al-Tādĵ fī akhlāḳ al-mulūk [Crown[-like Book] on Characters of the Kings]. Beirut: Dār al-fikr, Dār al-biḥār, 1955.
21. Dīwān Aws bin Ḥadjar [Collection of Verses by Aws Ibn Ḥadjar]. Ed. by M.Y. Nadjm. Beirut: Dār Ṣādir, 1979.
22. Dīwān Durayd Ibn al-Ṣimma [Collection of Verses by Durayd Ibn al-Ṣimma]. Ed. by ‘U. ‘Abd al-Rasūl. Cairo: Dār al-ma‘ārif, 1985.
23. al-Durra al-fākhira fī al-amthāl al-sā’ira li ... Ḥamza ... al-Aṣbahānī [[Book Like] a Gorgeous Pearl on the Proverbial Sayings in Circulation by Ḥamza ... al-Iṣfahānī]. Ed. by ‘A. Ḳuṭāmish. Cairo: Dār al-ma‘ārif, 1972.
24. Kitāb al-aghānī li ... Abī-l-Faradj al-Aṣbahānī [Book of Songs by ... Abū-l-Faradj al-Iṣfahānī]. Ed. by A. al-Shinkīṭī. Cairo, 1905.
25. Kitāb al-azmina wa al-amkina. Ta’līf ... al-Marzūḳī [Book on [Terms Denoting] Time and Places by ... al-Marzūḳī]. Beirut: Dār al-kutub al-‘ilmiyya, 1996.
26. Kitāb al-amthāl [Book of Proverbial Sayings]. Hyderabad: Maṭba‘at Madjlis Dā’irat al-ma‘ārif al-‘uthmāniyya, 1932.
27. Kitāb al-amthāl. Ta’līf ... Abī ‘Ubayd al-Ḳāsim Ibn Sallām [Book of Proverbial Sayings by .. Abū ‘Ubayd al-Ḳāsim Ibn Sallām]. Ed. by ‘A. Ḳuṭāmish. Damascus: Dār al-Ma’ mūn li-l-turāth, 1980.
28. Kitāb al-‘afw wa-l-i’tidhār li Abī-l-Ḥasan Muḥammad ... al-ma‘rūf bi al-Raḳḳām al-baṣrī [Book on how pardon was given and begged for by Abū-l-Ḥasan Muḥammad known as the Baṣrī Writer]. Ed. by ‘A. Abū Ṣāliḥ. Riyad: Djāmi‘at al-Imām Muḥammad Ibn Sa‘ūd al-islāmiyya, 1981.
29. Kitāb al-‘iḳd al-farīd. Ta’līf ... Ibn ‘Abd Rabbih [[Book Like] A Unique Necklace by Ibn ‘Abd Rabbih]. Ed. by A. Amīn, A. al-Zayn, I. Al-Abyārī. Cairo: Maṭba‘at Ladĵnat al-ta’līf wa al-tardĵama wa al-nashr, 1965.

30. Kitāb al-manāqib al-mazyadiyya fī akhbār al-mulūk al-asadiyya. Ta'lif ... al-Ḥillī [Book of Banū Mazyad's Virtues on the History of the Asadite Kings by ... al-Ḥillī]. Ed. by Ş.M. Darādika, M. 'A. Kharīsāt. Amman: Maktabat al-risāla al-ḥadītha, 1984.
31. Kitāb al-muḥabbar li ... Muḥammad bin Ḥabīb [Book of [Elegant] Presentation by Muḥammad Ibn Ḥabīb]. Hyderabad: Dā'irat al-ma'ārif al-'uthmāniyya, 1942.
32. Kitāb al-futūḥ li ... al-Kūfī [Book of Conquests by al-Kūfī]. Ed. by 'A. Shīrī. Beirut: Dār al-aḍwā' li-l-ṭibā'a wa-l-nashr wa-l-tawzī', 1991.
33. Kitāb tāriḫ sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyā'. Ta'lif Ḥamza ... al-Iṣfahānī [Book of the History of the Years of the Kings of the Earth and the Prophets, by Ḥamza ... al-Iṣfahānī]. Berlin, 1921/22.
34. Kitāb al-ḥayawān. Ta'lif Abī 'Uthmān ... al-Djāḥiẓ [Book of Animals by Abū 'Uthmān ... al-Djāḥiẓ]. Ed. by 'A.M. Hārūn. S.l.: Sharikat maktabat wa maṭba'at Muṣṭafā al-Bābī al-Ḥalabī wa awlādi-hi bi Miṣr, 1965.
35. Madjma' al-amthāl li ... al-Maydānī [Collection of Proverbial Sayings by ... al-Maydānī]. Ed. by M.M. 'Abd al-Ḥamīd. Cairo: Maṭba'at al-sunna al-muḥammadiyya, 1955.
36. Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām [Biography of the Prophet by ... Ibn Hishām]. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā, 1995.
37. al-Tadhkira al-ḥamdūniyya. Taṣnīf Ibn Ḥamdūn [Ḥamdūnī Treatise by Ibn Ḥamdūn]. Ed. by I. 'Abbās, B. 'Abbās. Beirut: Dār Ṣādir, 1996.
38. The History of the Ancient Iran as Narrated by al-Bal'ami. Ed. by M.J. Mashkur. Tehran: Library Khayam, 1959.
39. Tāriḫ al-'allāma Ibn Khaldūn [History by Ibn Khaldūn the Knowledgeable]. Cairo: Dār al-kitāb al-miṣrī, Beirut: Dār al-kitāb al-lubnānī, 1999.
40. Tāriḫ-i-Bal'amī [History by Bal'amī]. Ed. by M.T. Bahār Malik al-shu'arā', M.P. Gunābādī. Tehran: Kitābforūshī-i-Zawār, 1974.
41. Tāriḫ-i-Ṭabarī [History by al-Ṭabarī]. Kanpur, 1874.
42. Tāriḫ-i-Ṭabarī [History by al-Ṭabarī]. Kanpur, 1914.
43. Futūḥ al-buldān. Taṣnīf ... al-Balādhurī [Conquests of Countries by ... al-Balādhurī]. Ed. by 'A.A. al-Ṭabbā'. Beirut: Mu'assasat al-ma'ārif li-l-ṭibā'a wa-l-nashr, 1987.
44. Ferdowsi's Shahnameh. Ed. by S. Naficy. Tehran: Beroukhim, 1935.

Ключевые слова:

арабы, доисламская Аравия, Сасаниды, Лахмиды.

Dmitry Ye. Mishin

ARABS' AND PERSIANS' PERCEPTION OF EACH OTHER IN PRE-ISLAMIC EPOCH

This article is an attempt to re-construct the Arabs' and Persians' perception of each other not long before the Islamic conquest of Iran. The extant sources appear to show that Arabs were, as seen by the Persians, people from the margins of the civilized world, poor and alien to the refined urban culture, but strong and quick by nature. Among the Arabs, as a verse by Durayd Ibn al-Şimma shows, there was an image of Persians as of rich people, effeminate and weak on the battlefield. This re-construction is close to Ibn Khaldūn's observations on sedentary population and nomads. The images of Arabs and Persians as presented above represent a particular case of how sedentary and nomadic populations viewed each other. Besides, the formation of the images is likely to have been affected by religious ideas held by the two nations. No documentary evidence could be found, but it is likely that Iranian Zoroastrians who rejected idolatry disapproved of traditional Arabic idol-worshipping beliefs and their adepts.

Keywords: Arabs, pre-Islamic Arabia, Sasanids, Lakhmids.

Dmitry Ye. Mishin — Ph.D. (History), Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

 Мишин Дмитрий Евгеньевич

кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник
Института востоковедения Российской Академии Наук

В.Ж. Цветков

Л.И. Будченко, Ю.Ф. Болдырев, О.А. Калашникова,
Н.А. Насонова, Е.Л. Копченова,
Н.Г. Бесплеменная, О.В. Никонова.
«Гражданская война в Царицыне: 1918–1920 гг.»
Волгоград: Принт, 2021. 300 с.

Изучение истории Гражданской войны в России в значительной степени необходимо ориентировать на исследование местных, региональных особенностей. Это, безусловно, способствует разностороннему, объективному подходу к оценке тех или иных проблем военно-

политического и социально-экономического состояния страны, разделенной фронтами. За истекшие десятилетия, после снятия грифа «секретно» с архивных фондов, отражающих историю антибольшевистского сопротивления, появилась возможность ввести в научный оборот новые исторические источники из центральных и местных архивов. Поэтому выход в свет новых работ, опирающихся на значительную и разнообразную источниковую базу, нельзя не приветствовать.

Рецензируемая монография представляет собой показательный пример подобного рода изданий: она весьма актуальна и своевременна, закономерный итог длительной кропотливой работы. Коллективный характер авторства позволяет представить различные аспекты жизни прифронтного города, каковым стал Царицын в период российской междоусобицы. Авторский коллектив обладает высоким профессионализмом, значительным опытом исследовательской работы.

Авторы — ведущие сотрудники архивных структур, научно-исследовательских институтов Волгоградской области, члены Волгоградского областного отделения Российского общества историков-архивистов.

Принцип построения структуры книги — проблемно-хронологический. Благодаря этому становится возможным составить представление не только о тех или иных вопросах военного, политического и социального состояния уездного центра Саратовской губернии, но и о его несомненной значимости для всего юго-восточного региона России.

Открывает коллективную монографию глава «Царицын в конце XIX — начале XX века». В ней не только проанализированы особенности экономического положения региона, но и дана оценка стратегическому значению города, как центру социально-политических противоречий, обусловивших, после революционного 1917 г., особенности военного противостояния между казачеством и крестьянством, между белыми и красными. В главе особо отмечается специфика намерений правительства Всевеликого Войска Донского по созданию Верхнедонского округа, призванного стать своеобразным центром противостояния с «промышленным и рабочим» Царицыном, способного также отделить город и его «революционное влияние» от крестьянских и особенно казачьих районов Юго-Востока России.

Непосредственно с проблемой организации новой власти на Дону, возрождением казачьего управления, связана вторая глава коллективной монографии «Генерал П.Н. Краснов и создание государства Всевеликое Войско Донское». Здесь рассматриваются вопросы, связанные, главным образом, с формированием политического статуса казачьей государственности. Для целостной характеристики поведения донского атамана приводятся выдержки из различных документов, исторической литературы. Отдельно акцентируется внимание на психологическом облике генерала, его умелом использовании ситуации, позволявшей удачно лавировать между интересами Германии, ее оккупационной политикой и командованием Добровольческой армии, официально заявлявшей о том, что именно она, Добрармия, является выразительницей верховной государственной власти и требовавшей подчинения себе регионального казачьего центра.

В условиях нараставшего военного противостояния на Дону и в Поволжье столкновение донского казачества и царицынского пролетариата и нижеволжского крестьянства становилось неизбежным. Поэтому укрепление обороны Царицына, обеспечение его продо-

вольствием и боеприпасами становились приоритетной задачей для советского руководства. В этом отношении показательна деятельность И.В. Сталина, ставшего одним из авторитетных руководителей Царицынской обороны в 1918 г.

Ему посвящены два раздела в главе третьей, которая носит название «И.В. Сталин на Царицынском фронте». Первый ее раздел «Царицын в октябре 1917 года — мае 1918 года» отражает особенности организации обороны города, специфику деятельности структур советской власти в условиях, когда происходило ее становление в регионе.

Второй раздел озаглавлен «Приезд И.В. Сталина в Царицын. В борьбе за хлеб». В нем очень подробно рассматривается многогранная деятельность Сталина в Царицыне, связанная не только с налаживанием аппарата продовольственного снабжения, ориентированного на оперативный вывоз хлебных излишков в Центральную Россию. Немаловажным представляется анализ, в частности, административных распоряжений Сталина, стиля его поведения как организатора, руководителя хлебного снабжения. Приведены многочисленные документальные свидетельства. Показателен вывод, сделанный в конце раздела: «...В сложной политической и военной обстановке И.В. Сталин оперативно и быстро принимал решения. Все эти обстоятельства здесь, в Царицыне, сформировали у него жесткие методы руководства, которые стали для него основополагающими. Он стал во главе всего военного, а затем всего гражданского управления. И Царицын выстоял! Прежде всего в борьбе за хлеб и продовольствие...»

Глава четвертая («В огненном кольце») и глава пятая («В сражениях за Царицын») отражают особенности непосредственно военных действий вокруг Царицына. Здесь читателю предлагается развернутая военно-техническая, а также оперативно-стратегическая характеристика ситуации, сложившейся на фронте. Начало четвертой главы предваряет ссылка на воспоминания генерал-майора А.А. Носовича, служившего в штабе Красной армии в качестве военспеца. Носовичу удалось «перейти фронт» и стать позднее в составе Вооруженных сил Юга России одним из руководителей антипартизанского движения. Его перу принадлежало несколько статей, опубликованных в журнале «Донская волна» (под псевдонимом А. Черноморцев). В них, в частности, он давал примечательные характеристики советскому руководству, отмечая безусловные организаторские способности Сталина.

Такой оригинальный подход к написанию главы позволяет читателям представить ту специфическую обстановку, в которой приходи-

лось вести оборонительные военные операции красному командованию. Весьма информативно выглядит характеристика состава Донской армии, штурмовавшей Царицынский укрепленный район, ее вооружения и обеспечения. Важно отметить, что анализ боевых действий авторы коллективной монографии проводят, используя сравнительный метод, сопоставляя положение на Нижней Волге с общей боевой ситуацией, сложившейся на юго-востоке России в 1918 г. — начале 1919 г.

Описание боев за Царицын можно назвать центральным сюжетом в книге. Авторы приводят сочетание документальных источников как со стороны защитников Царицына, так и со стороны штурмовавших их казачьих частей. Это позволяет более содержательно и глубоко представить себе особенности проведения оборонительных боев. Представление о специфике борьбы усиливает многократное цитирование документальных источников.

Следует отметить, что Царицын обороняла группировка РККА численностью до 40 тысяч человек. Город был хорошо укреплен и получил название «Красный Верден». Группа Мамантова насчитывала около 12,5 тысяч человек, но стремительным продвижением казакам удалось захватить Калач, форсировать Дон, рассечь фронт красных и в начале августа подойти вплотную к Царицыну. Однако, несколько дней ожесточенных боев показали, что взять с налета Царицын не удастся, и Мамантов отвел свои полки за Дон.

РККА сильно укрепила город и довела число защитников до 50 тысяч (10-я армия К.Е. Ворошилова). Второе наступление казачьего войска на Царицын развивалось в течение сентября, и в начале октября казаки ворвались в пригороды, где были остановлены мощным концентрированным огнем красных артиллерийских батарей. Части Мамантова и на этот раз вынуждены были отступить от города.

В ноябре 1918 г. численность группы Мамантова была доведена до 15 700 штыков и 16 200 сабель, имелись бронепоезда и аэропланы, были созданы отдельные офицерские батальоны. Последнее наступление на Царицын началось 19 декабря 1918 г., и вскоре, прорвав красную оборону, казаки начали бои в самом городе. Но казачьи части не смогли и в этот раз взять город штурмом.

Весьма оригинальной представляется глава шестая — «Награды Царицыну». Следует заметить, что советская наградная система еще только формировалась и не могла не включать в себя отдельные элементы дореволюционной наградной системы, хотя и наполненной уже новым содержанием. И здесь обращает на себя внимание описание

«Почетного революционного Красного знамени». Редкая награда, введением которой особо подчеркивалась значимость города, как центра революционного движения. В главе отмечен также факт награждения города боевым орденом Красного Знамени в 1924 г. В этом отношении важна краеведческая ценность данной и последующей за ней главы. Именно материалы подобного рода позволяют представить себе всю глубину противостояния «старого» и «нового».

Седьмая глава «Царицынская оборона. 1918–1919 гг. В памяти поколений» очень важна с точки зрения описания в ней конкретных примеров того, как сохраняется и приумножается историческая память. Здесь приведены образцы того, как бережно сохраняется память о событиях Гражданской войны в Волгограде. Прежде всего, обращают на себя внимание примеры создания художественных фильмов, сценарии которых посвящены событиям обороны Царицына, написания литературных, живописных произведений. Важность подобного рода мемориальных экспозиций приобретает особое значение в контексте проводимой воспитательной работы.

В «Заключении» монографии подведены итоги исследования, сделаны обобщающие замечания и выводы. Пять факторов выделяется здесь в качестве основных, повлиявших на «исход войны на Юге и Юго-Востоке России в 1918–1919 годах». Хотелось бы отметить некоторые из них: «...в условиях, когда Украина и Сибирь не были под контролем советской власти, а Поволжье страдало от недорода, Северный Каспий стал единственным источником массовых продовольственных заготовок. В этих условиях Царицын превратился в важнейший перевалочный пункт обеспечения продовольствием центра Советской России... опыт сражений за Царицын привел к осознанию необходимости ускорения процесса создания регулярной Красной армии. Создание и применение в боях за Царицын первого соединения советской кавалерии положило начало оперативному использованию кавалерийских масс в Гражданской войне... борьба за Царицын показала, что здесь интересы двух группировок Белого движения (атаман Дона П.Н. Краснов с одной стороны, генерал А.И. Деникин — с другой) не совпали. Они по-разному мыслили и о стратегии свержения советской власти, и “освобождения России от большевиков”. Единого фронта им создать не удалось...»

Не менее значимы, на мой взгляд, приводимые в книге приложения. В них приведены редкие фотодокументы, свидетельствующие о революционных событиях в Царицыне в 1917 г., о подготовке и про-

ведении оборонительных боев за город. Правомерно, что составители приложения дали возможность увидеть воочию многие архивные источники, имеющие самостоятельное научное значение.

Завершает книгу обширный список библиографии по теме исследования, содержащий как изданные в СССР работы, так и актуальные издания, вышедшие в свет в последние десятилетия.

К сожалению, при обозначенных хронологических рамках, 1917–1920 гг., в книге нет материалов, отражающих проблематику штурма Царицына Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля, а также нет описания периода пребывания города в составе территории, занятой Вооруженными силами Юга России (лето 1919 г. — зима 1919/20 г.). Эти пробелы следует восполнить при втором издании данной монографии.

Таким образом, по сути своей, коллективная монография представляет многогранное исследование военно-политической и военно-исторической проблематики Царицына. Думается, что написание и издание подобного рода работ должно стать одним из приоритетов в перспективных планах отечественных научно-исследовательских структур.

 Цветков Василий Жанович

доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей отечественной истории
Московского педагогического государственного университета

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.007

Т.Ю. Кобищанов

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ. ПАМЯТИ Ю.М. КОБИЩАНОВА

Юрий Михайлович Кобищанов скончался 29 июля 2022 г.

Родился он 8 октября 1934 г. в Харькове, в семье горного инженера. В 1941 г. его отец, Михаил Александрович, ушел командовать саперным батальоном, войну закончил в Германии. Семилетний Юра с матерью отправились в эвакуацию в Башкирию. После войны семья осела в Москве. Михаил Александрович работал в Министерстве и Академии угольной промышленности, где оставался одним из немногих занимавших ответственные должности беспартийных. 5 марта 1953 г. Юрий с отцом радовались смерти Сталина, конечно, стараясь не выдавать своих чувств посторонним. В 1954 г. Юрий Кобищанов поступил на Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, а в 1956 г. перешел в новосозданный Институт восточных языков МГУ (ИВЯ, ныне Институт стран Азии и Африки), где изучал арабский, амхарский язык и геэз (древнеэфиопский). После окончания в 1958 г. ИВЯ Юрий Кобищанов поступил на работу в Издательство литературы на иностранных языках, в 1960 г. перевелся в новообразованный Университет дружбы народов (ныне — Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы), а в 1964 г. —

в Институт Африки АН СССР, в котором проработал 58 лет, до самой своей кончины.

В 1964 г. Ю.М. Кобищанов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древний Аксум: Аксумское царство в период возникновения и расцвета (III–VII вв.)». Текст диссертации лег в основу монографии «Аксум»¹, которая увидела свет в 1966 г. и стала первым в мировой науке комплексным исследованием этой древней эфиопской цивилизации. В том же 1966 г. Юрий Кобищанов был приглашен в Аддис-Абебу, на патронируемый императором Хайле Селласие Международный конгресс по эфиопским исследованиям. Эта поездка за границу стала первой и на долгие годы последней для молодого историка. Тесное общение с западными учеными, в том числе Арнольдом Тойнби и Уэнделлом Филлипсом, несанкционированный визит на север Эфиопии в древние города Аксум, Лалибэла и Гондэр сделали его невыездным до 1979 г.

Не добавила Юрию Кобищанову симпатий со стороны партийно-государственных и академических органов выдвинутая им теория большой феодальной формации, в которой отвергалось принятое советской исторической наукой пятиступенчатое развитие человеческого общества (первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический с его предварительной социалистической стадией). По мнению Ю.М. Кобищанова, «так называемого рабовладельческого способа производства... никогда и нигде не существовало»². Стадию между первобытным обществом и капиталистической формацией занимала единая большая феодальная формация, в которой присутствовали, помимо прочего, и институты домашнего, каторжного, военного и прочего рабства. В одних обществах они были более развиты, в других — менее.

Публичное обнародование подобных теорий, подвергавших сомнению марксистские истматовские постулаты, стало возможным благодаря некоторым послаблениям в социальной и научной среде, связанным с хрущевской оттепелью. Однако подобное «либеральничание» длилось недолго, и на альтернативные воззрения на логику и законы исторического процесса обрушилась поддержанная властями критика. В одной из статей того времени Ю.М. Кобищанов был назван «последовательным оппонентом» официальной концепции, единственным, кто развер-

¹ Кобищанов Ю.М. Аксум. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966.

² Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства). М.: Наука, 1966. С. 43–44.

нито изложил взгляды, отрицавшие «рабовладельческую формацию»³. Дискуссия о феодальном способе производства, впрочем, как и о его «азиатском» аналоге, была подавлена. Ю.М. Кобищанов подвергся шельмованию официальной советской историографией. Защита докторской диссертации также стала невозможна.

В 60–80-е гг. XX в. Ю.М. Кобищанов продолжал работать научным сотрудником Института Африки АН СССР. За это время им было опубликовано множество трудов (всего он является автором более 450 научных работ), в том числе научно-популярные книги «Африка еще не открыта»⁴ и «На заре цивилизации»⁵, ставшие, по словам читателей, настоящим открытием истории Черного континента. Продолжением монографии «Аксум» (ее английский перевод был опубликован Университетом Пенсильвании⁶) явился труд «Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI — середина VII в.)»⁷. Одним из немногих доступных способов продолжить защиту теории большой феодальной формации стала книга «Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки»⁸, в которой Ю.М. Кобищанов доказывал концепцию единого докапиталистического способа производства и отстаивал свои взгляды на типы и методы внеэкономического принуждения. Другим значимым результатом исследований Ю.М. Кобищанова стала созданная под его руководством коллективная монография «Община в Африке: проблемы типологии»⁹. В центре внимания ученого находились эволюция крестьянства, роль мелконатурального производства, этноконфессиональные отношения и сложные взаимосвязи между общинными, кастовыми и племенными структурами. Сделанные автором выводы выходили далеко за пределы Африканского континента и, по свидетельству коллег, оказали решающее воздействие на формиро-

³ Никифоров В.Н. Логика дискуссии и логика в дискуссии // Вопросы истории. № 2. Февраль. 1968. С. 119.

⁴ Африка еще не открыта (отв. ред. Ю.М. Кобищанов). М.: Мысль, 1967.

⁵ Кобищанов Ю.М. На заре цивилизации: Африка в древнейшем мире. М.: Мысль, 1981.

⁶ Kobishchanov Yuri M. Axum. University Park and London: Pennsylvania State University Press, 1979.

⁷ Кобищанов Ю.М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI — середина VII в.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978.

⁸ Кобищанов Ю.М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982.

⁹ Община в Африке: проблемы типологии / Редкол.: С.А. Токарев (отв. ред.), Ю.М. Кобищанов (ред.-сост.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978.

вание школы исследования общин в советской и российской академической среде.

Кризис марксистско-ленинской философии, сопряженный с крахом Советского Союза, устранил идеологические ограничения для научного творчества в гуманитарных дисциплинах. В 1990-е — начале 2000-х гг. Ю.М. Кобищанов смог опубликовать ряд давно написанных теоретических работ и приступил к новому направлению исследований: анализу явлений, названных им «всемирно-историческими комплексами». Эти комплексы мыслились им как феномены, включавшие в себя различные исторические институты и проявлявшиеся на определенных этапах общественного развития. Описывая комплексы дальней торговли, рабства и др., ученый всесторонне изучил феномен полюдья. Итогом исследования стали защищенная в 1992 г. докторская диссертация «Значение комплекса полюдья в истории Африки» и опубликованная в 1995 г. книга «Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций»¹⁰, а затем и коллективная монография «Полюдье: всемирно-историческое явление»¹¹. Эти исследования продемонстрировали не только повсеместную распространенность комплекса полюдья на ранних этапах государственности, но поразительную схожесть некоторых его культурно-политических элементов (например, связь с годичным движением солнца по небосводу) у располагавшихся на разных континентах этносов и обществ.

В это же время Ю.М. Кобищанов приступил к реализации еще одного крупного научного проекта, целью которого стал комплексный анализ развития групп цивилизаций через изучение их исторических институтов и культурных явлений. Первым магnum opus в рамках этого проекта стал двухтомник «Очерки истории распространения исламской цивилизации»¹², увидевший свет в 2002 г. и переизданный в 2008 г. в расширенном виде под названием «Очерки истории исламской цивилизации»¹³. В 2009 г. книга получила награду ЮНЕСКО в номинации «Лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур».

¹⁰ Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: Рос. полит. энцикл., 1995.

¹¹ Полюдье: всемирно-историческое явление (под общ. ред. Ю.М. Кобищанова). М.: РОССПЭН, 2009.

¹² Очерки истории распространения исламской цивилизации: В 2 т. (редкол.: Ю.М. Кобищанов и др.). М.: РОССПЭН, 2002.

¹³ Очерки истории исламской цивилизации: В 2 т. (под общ. ред. Ю.М. Кобищанова). М.: РОССПЭН, 2008.

Объединенный Ю.М. Кобищановым многонациональный коллектив из 30 авторов представил историю развития исламской цивилизации с VII по XVI в., от ее зарождения в Аравии и распространения до Казани и Тюмени на севере и до Мозамбика и Индонезии на юге, от Атлантического океана и до востока Евразии.

Следующим шагом в данном направлении стал еще более масштабный труд «Очерки истории христианских цивилизаций». В 2019 г. были опубликованы две книги первого тома «От зарождения до арабских завоеваний»¹⁴, а в 2022 г. том второй — «От арабских завоеваний до крестовых походов»¹⁵. Исследование, также объединившее три десятка авторов, ставило задачу обрисовать не столько ход истории христианского мира, сколько историю формирования, разделения и распространения группы христианских цивилизаций. Особое внимание авторами уделялось вопросам взаимодействия молодых христианских цивилизаций с дохристианскими, а также друг с другом и с еще более юной исламской цивилизацией. Региональные разделы «очерков», посвященные первым 12 христианским цивилизациям, соседствовали с общетеоретическими разделами, содержащими анализ систем цивилизаций и протоцивилизаций, исторических комплексов, социально-исторических типов и классов общества, городской жизни и рыночных отношений, духовного развития.

Оба труда, посвященные исламской и христианским цивилизациям, были задуманы и воплощены Ю.М. Кобищановым как претендующее на энциклопедичность собрание очерков, освещающих различные социально-политические и культурно-исторические явления. Этот открытый формат виделся редактором-составителем как возможность привлечь новых авторов, добавлявших свои разделы в коллективные монографии. В составленном за несколько дней до кончины послесловии к будущему расширенному и дополненному изданию Ю.М. Кобищанов наметил те части и главы, которые еще предстоит написать. Эти строки стали его своеобразным научным завещанием.

¹⁴ Очерки истории христианских цивилизаций: В 2 т. Т. 1: От зарождения до арабских завоеваний. В 2 кн. (рук. проекта Ю.М. Кобищанов). М.: РОССПЭН, 2019.

¹⁵ Очерки истории христианских цивилизаций: в 2 т. Т. 2: От арабских завоеваний до крестовых походов (VIII–XI вв.). (рук. проекта Ю.М. Кобищанов). М.: РОССПЭН, 2022.

REFERENCES

1. Africa is not open yet [Afrika eshche ne otkryta] (red. Kobishchanov Yu.M.). Moscow: Mysl', 1967.
2. *Kobishchanov Yu.M.* Axum. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1966.
3. *Kobishchanov Yu.M.* Axum. University Park and London: Pennsylvania State University Press, 1979.
4. *Kobishchanov Yu.M.* Northeast Africa in the Early Medieval World (VI – mid-VII century) [Severo-Vostochnaya Afrika v rannesrednevekovom mire (VI – seredina VII v.)]. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1978.
5. *Kobishchanov Yu.M.* At the Dawn of Civilization: Africa in the Ancient World [Na zare civilizacii: Afrika v drevnejshem mire]. Moscow: Mysl', 1981.
6. *Kobishchanov Yu.M.* Small-scale production in the communal-caste systems of Africa [Melkonatural'noe proizvodstvo v obshchinno-kastovykh sistemah Afriki]. Moscow: Nauka, 1982.
7. *Kobishchanov Yu.M.* Polyudye: a phenomenon of the national and world history of civilizations [Polyud'e: yavlenie otechestvennoj i vseмирnoj is-torii civilizacij]. Moscow: Ros. polit. encikl., 1995.
8. Common and special in the historical development of the countries of the East. Materials of the discussion on social formations in the East (Asian mode of production) [Obshchee i osobennoe v istoricheskom razvitii stran Vostoka. Materialy diskussii ob obshchestvennykh formacijah na Vostoke (Aziatskij sposob proizvodstva)]. Moscow: Nauka, 1966.
9. Community in Africa: Problems of typology [Obshchina v Afrike: Problemy tipologii]. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1978.
10. Essays on the history of the spread of Islamic civilization: in 2 vols. (Editors: Yu. M. Kobishchanov et al.) [Ocherki istorii rasprostraneniya islamskoj civilizacii: v 2 t. (Redkol.: Yu. M. Kobishchanov i dr.)]. Moscow: ROSSPEN, 2002.

11. Essays on the History of Islamic Civilization in 2 vols. (Under the general editorship of Y. M. Kobishchanov) [Ocherki istorii islamskoj civilizacii v 2-h tt. (Pod obshch. red. Yu. M. Kobishchanova)]. Moscow: ROSSPEN, 2008.
12. Essays on the History of Christian Civilizations: in two volumes. Vol. 1: From the origin to the Arab Conquests: in 2 books. (Project director Yu.M. Kobishchanov) [Ocherki istorii hristianskih civilizacij: v dvuh tomah. T. 1: Ot zarozhdeniya do arabskih zavoevanij: v 2 kn. (Ruk. proekta Yu.M. Kobishchanov)]. Moscow: ROSSPEN, 2019.
13. Essays on the History of Christian civilizations: in two volumes. Vol. 2: From the Arab Conquests to the Crusades (VIII–XI centuries.). (Project by Yu.M. Kobishchanov) [Ocherki istorii hristianskih civilizacij: v dvuh tomah. T. 2: Ot arabskih zavoevanij do krestovyh pohodov (VIII–XI vv.). (Ruk. proekta Yu.M. Kobishchanov)]. Moscow: ROSSPEN, 2022.
14. *Nikiforov V.N.* Logic of discussion and logic in discussion [Logika diskussii i logika v diskussii] // Questions of history [Voprosy istorii]. No. 2. February. 1968. P. 113–126.
15. Polyudye: a world-historical phenomenon (Under the general editorship of Y.M. Kobishchanov) [Polyud'e: vsemirno-istoricheskoe yavlenie (Pod obshch. red. Yu.M. Kobishchanova)]. Moscow: ROSSPEN, 2009.

Ключевые слова:

Ю.М. Кобищанов, теория большой феодальной формации, общественно-исторические формации, цивилизации.

Taras Y. Kobishchanov

**RETHINKING FORMATIONS
AND CIVILIZATIONS.
IN MEMORY OF YURI M. KOBISHCHANOV**

The article is devoted to the path in science of the prominent historian, sociologist, ethnologist Yuri M. Kobishchanov.

Key words: Yuri M. Kobishchanov, the theory of the great feudal formation, socio-historical formations, civilizations.

Taras Y. Kobishchanov — Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

 Кобищанов Тарас Юрьевич

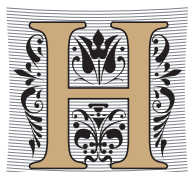
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.008

Ю.М. Кобищанов

ТЕОРИЯ БОЛЬШОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

Нелегко изложить на немногих страницах эту теорию, исследующую исторический процесс на протяжении многих тысячелетий и на пространстве большей части ойкумены. Когда эта теория выдвигалась мною в 1956–1957 гг., те, кто с ней знакомился, были шокированы выводами, что 1) нигде и никогда не существовало ни рабовладельческой, ни «азиатской» формации; 2) начало феодализма в некоторых регионах относится по крайней мере к V–IV тыс. до н. э., а его конец мы наблюдаем в наши дни; 3) не Европа, а Восток (в широком смысле) дает основной исторический материал и является нормой исторического развития феодализма; 4) советское общество при Сталине было, в сущности, нефеодальным. Последний вывод не предназначался для печати или публичных выступлений, однако сам собою вытекал из характеристик теории большой феодальной формации. Позднее добавился вывод о феодальном (либо нефеодальном) содержании «некапиталистического» пути развития и «социалистической ориентации» в афро-азиатском мире.

Эти выводы в глазах специалистов как бы заслоняли собой собственно теорию большой феодальной формации, ее отличие от неомарксистских теорий (наиболее известной из которых является теория

азиатского способа производства), а также от тогдашнего официально-понимания исторического материализма. Но уже в 60-е гг. постоянно совершенствовавшаяся теория большой феодальной формации стала отличаться и от былого истмата, и от теории азиатского способа производства, и от различных эклектических концепций (например, В.И. Илюшечкина) своей оценкой всем привычных терминов — феодализм, собственность, владение, рента, рабы, крестьянство, община, цивилизация — и введением некоторых новых, своим построением (не совпадающим с линейностью истматовских конструкций типа «базис — надстройка»), комплексным методом исследования (родоначальником которого был М. Мосс, а также ряд русских и западных крестьяноведов). Критики теории большой феодальной формации игнорировали тот факт, что истматовские термины приобрели в ней расширенное содержание, и не признали внутреннюю логику уточненных новых терминов, таких как протокрестьянство, кастовое крестьянство, структуры общинного типа, общинно-кастовые и общинно-кастово-племенные системы, протоцивилизации, ранние цивилизации, ассоциированные цивилизации и др.

Феодализм

Феодальная общественно-историческая формация мыслится в целом двояко. Во-первых, каждое из феодальных обществ состоит из социальных комплексов с определенными экономическими, политическими, религиозными и другими функциями¹; в другой плоскости существуют экономическая, политическая, морально-правовая, идеологическая сферы функционирования. Они вычленяются условно, поскольку для феодальной, равно как и для первобытной, формации характерна первичная нерасчлененность функций. Во всяком феодальном обществе существовала более или менее развитая система права и морали. В частности, в мусульманских султанатах ее составляли шариат (каноническое право, основанное на Коране, сунне, мнениях знаменитых мусульманских правоведов и суждениях по аналогии) и адат (разнообразные местные обычно-правовые нормы), а также указы правителя, которые в идеале должны были строго соответствовать шариату, по здравому же смыслу — не противоречить наиболее распространенным нормам

¹ Африканская деревня вчера и сегодня. М.: Наука, 1987. С. 53–60.

обычного права, но на практике в чем-то их ограничивали или дополняли. Порой указы правителя не вполне соответствовали и традиционной морали. И все же если они не отменялись, то интегрировались в систему права и морали. Вместе с тем шариат составлял часть официальной религии, адат был тесно связан с народной религией и моралью, а указы правителя становились политическими актами.

Шариат, адат и указы правителя нередко затрагивают экономические вопросы и переплетаются с экономической сферой жизни общества. И все же, как бы ни была велика слитность права, морали и религии с феодальной экономикой, они не тождественны. Экономические отношения лишь приближенно передавались правовыми и другими неэкономическими нормами: экономические отношения владения — не то же самое, что права владения, хотя между ними и существует взаимная связь. Такое смешение понятий — одна из болевых точек исторической науки, причем не только советской и даже не только марксистской. Мало кто, рассуждая о феодальной собственности, избежал смешения правовых категорий с реальными экономическими отношениями. Целые главы в добротных монографиях написаны в безуспешной попытке доказать, что такие-то и такие-то юридические документы или же описанные в источниках ситуации свидетельствуют о наличии либо отсутствии частной собственности на землю и другие средства производства. Это — глубоко неверный путь. Правильнее будет проследить, насколько возможно, нюансы в пестрой картине прав владения, с одной стороны, состояния экономики — с другой, что позволит прикоснуться к пульсу древней жизни, далекой от современной.

Во-вторых, большая феодальная формация существовала и как динамичный пространственно-временной исторический феномен. Его представляло собой каждое из феодальных обществ и государств. Римское общество и Римская империя — это не только город Рим с его пригородами и округой и даже не только Италия, но и провинции, за счет которых (или главным образом за счет эксплуатируемого крестьянства которых) жил Вечный город и функционировала империя. Вместе с тем общества и государства при феодализме все вместе тоже составляли подвижный пространственно-временной феномен, внутренне связанный движением культурной информации, политическими союзами и мирными договорами, морской и караванной торговлей. Древнегреческие города-государства Ионии, а также Афины и Коринф, равно как финикийские города-государства середины V в. до н. э., неправомерно изучать, абстрагируясь от их разнообраз-

ных связей с крестьянскими обществами Малой Азии, Сирии, речных долин Элады.

Когда на Древнем Востоке и в Причерноморье (в Добрудже и на землях будущей Украины) образовались протоцивилизации, а затем и цивилизации, здесь формировались раннефеодальные общества; большая же часть ойкумены оставалась первобытно-общинной. Затем в древних очагах цивилизаций — вплоть до китайского на Востоке и карфагенского на Западе — феодализм достиг зрелости, а на периферии этих очагов образовались раннефеодальные общества. Эту периферию и их общества сторонники традиционного истмата условно называют «варварскими». Периодически периферия устремлялась в очаги цивилизаций, отчего они почти угасали, но затем вновь разгорались. За этим следовала экспансия феодализма, все более зрелого, на периферию.

Ко времени эпохи Великих географических открытий лишь немногие окраины ойкумены (часть Сибири и Дальнего Востока, Новая Гвинея, Австралия, Тасмания, юг Африки, часть Восточной Африки, периферийные районы Америки, некоторые внутренние районы Азии) еще сохранили повсеместно господствовавший некогда первобытно-общинный мир. В XVI в. феодальная система стала мировой, поскольку пиренейские королевства захватили государства Нового Света вместе с частью их первобытной периферии, а также некоторые государства Африки, Австронезии и ряд прежде необитаемых архипелагов (не говоря уже о многих давно являвшихся феодальными древних цивилизованных странах Азии и Европы). В последующие века в Западной Европе начала формироваться капиталистическая формация. Феодальные же общества Восточной и Юго-Восточной Европы, Азии, Африки, Океании, Центральной и Южной Америки образовали феодально-колониальную периферию капиталистического (феодально-капиталистического) общества.

Феодальную формацию можно рассматривать и как пространственно-временное явление, где составные части — отдельные цивилизации. Эти цивилизации имеют синхронные связи, сосуществуя, либо диахронные связи, сменяя одна другую. Цивилизации создаются движением культурной информации. Каждая цивилизация — это историко-культурная общность народов, находящихся на достаточно высоком уровне культурного и социального развития². Общества и государства внутри каждой из цивилизаций имеют более многообразные и тесные связи, чем принадлежащие к разным цивилизациям.

² Африка: культурное наследие и современность. М.: Наука, 1985. С. 73 сл.

Все ныне существующие цивилизации, кроме новой западной, возникли внутри феодальной формации из протоцивилизаций, характерных для начальных стадий феодализма, или на основе других, погибших либо дезинтегрированных цивилизаций. Протоцивилизация отличается от зрелой или даже от ранней цивилизации тем, что признаки цивилизации (город, монументальное строительство, письмо и др.) выражены в ней слабо или же набор этих признаков неполон. Так, во многих государствах Тропической Африки до европейской колонизации не было городов. В других существовали города, но не было ни подлинно монументальных сооружений, ни письма.

Когда в Африканском Междуречье XVIII–XIX вв. (в качестве протекторатов европейских колониальных держав — и в XX в.) существовали феодальные королевства Буганда, Буньоро, Нкоре (Анколе) и Торо — в Уганде, Руанде, Бурунди и др., когда в нынешней Замбии сменяли друг друга несколько подобных королевств, а в нынешнем Заире процветали идентичные Луба, Куба и пр., то ни одно из них не имело сначала ни городов, ни монументальных строений, ни письменности. Лишь в государстве Казембе (на границе нынешних Замбии и Заира) резиденция правителя в XIX в. превратилась в город, а скорее — в разросшуюся деревню с более чем десятком тысяч жителей, но и там не возводились монументальные сооружения, а жители (за исключением пришлых купцов-работоторговцев) не умели писать. В Зимбабве еще в Средние века были сооружены крепости-зимбабве (по которым современная республика получила название), но и тут письменности не знали. Даже в Южной Нигерии, где йоруба создали знаменитые города с десятками тысяч жителей, появились только первые зачатки монументального строительства и письменности. Та же картина наблюдалась в большей части Океании, особенно Меланезии и Полинезии: там существовали государства, касты, сословия, богатая культура, но без городов и письменности. Безгородскими, но зато письменными, были скандинавская цивилизация в Норвегии, Исландии, Гренландии и на Фарерских островах, некоторые культуры Филиппин, культура острова Пасхи.

Можно выделить следующие типы цивилизаций:

а) по формационным признакам: феодальные (несколько десятков) и капиталистическая — новая западная цивилизация. В настоящее время цивилизации феодального типа модернизируются или уже модернизировались, причем особых успехов достигли японская, китайская, корейская, южнобуддистская, индийская, исламская и др.;

б) по условиям генезиса: первичные, выросшие из протоцивилизаций, и вторичные;

в) по их месту: очаговые (в том числе первичные — древнеегипетская, шумерская, индская, древнекитайская до эпохи Хань, ряд цивилизаций Мексики и Перу, йоруба-бенинско-дагомейская «почти цивилизация» в Западной Африке, а также некоторые вторичные — вавилонская, ацтекская в Мексике, мероитская в Судане, аксумская в Эфиопии, тангутская в Центральной Азии, хорезмийская и согдийская в Средней Азии, киргизская в Минусинской котловине); региональные (ахеменидская, эллинистическая, китайская начиная с эпохи Хань, тибето-монгольская, западноевропейская до эпохи Великих географических открытий); межрегиональные, связанные с мировыми религиями; периферийные, или ассоциированные, цивилизации, у которых более мощные играют роль центра;

г) по стадиям жизненного цикла: формирующиеся, зрелые, стареющие, перерождающиеся, реликтовые, исчезнувшие³.

Отдельные цивилизации различаются, помимо прочего, религиями с их предписанным поведением и системой ценностей, что особенно заметно там, где люди разных религий и цивилизаций проживают по соседству либо где происходит смена религии массой народа. Тогда становятся видны отличия мусульман от буддистов-конфуцианцев (людей дальневосточных цивилизаций), от буддистов-ламаистов (людей центральноазиатской цивилизации), тхеравадских буддистов (людей сингальско-индокитайской цивилизации), индуистов (людей индийской цивилизации), эфиопских христиан и пр. по их поведению в семье (ревнивые мусульмане, строго следующие исламским правилам семейно-брачных отношений), по общественному быту (мусульмане кажутся казацкой вольницей рядом с конфуцианцами и индуистами), выбору занятий (многие мусульмане и конфуцианцы из вчерашних крестьян предпочитают торговлю, тогда как у индийцев или эфиопов это занятие только определенных каст), по отношению к изобразительному искусству и музыке. В конечном счете они подчиняются не только общечеловеческим представлениям о добре и зле, но и специфическим в каждой религии морально-этическим нормам, определяющим их представления о правильном или неправильном поведении. Поэтому можно говорить о присущих той или иной цивилизации типам и подтипам. Однако более глубокими и долгодей-

³ Там же. С. 75–76.

ствующими представляются различия типов, характерные для разных формаций.

Люди феодальной формации

Центральное место в общественно-исторической формации как подвижному явлению принадлежит Человеку в его психосоматической и интеллектуально-культурной сущности. Имеется в виду, приближенно говоря, пучок типов и подтипов личности, присущих той или иной из трех мировых общественно-исторических формаций: первобытной, феодальной и капиталистической.

Типы личности феодальной формации существенно отличаются от типов личности первобытной и капиталистической формаций. Что касается феодальной формации, они развиваются прежде всего как социально-исторические типы (например, оседлых земледельцев, рыбаков, скотоводов-кочевников), а затем как общественные классы. Для разных феодальных обществ, принадлежавших к различавшимся цивилизациям, характерны социально-исторические типы преданного земле упрямого крестьянина, жизнь которого представляла собой не беспорядочное чередование многодневных охот и беззаботного отдыха, как жизнь первобытного охотника, а (в идеале) правильно повторяющиеся циклы труда, ритуалов и праздников; искусного ремесленника; святого аскета (а рядом с ним — архаичного колдуна-знахаря, какие существовали и в первобытно-общинной формации); обожествляемого царя; благородного, но хищного рыцаря; бесправного раба; жадного дельцаростовщика и др. С типами личности капиталистического общества их роднит классовая дифференцированность, а с первобытно-общинными типами — общинный характер личности.

Общественно-культурный тип крестьянина — основной представитель класса трудящихся при феодализме. Поэтому большую часть феодальных обществ мы можем называть крестьянскими. Крестьянин связан с определенными хозяйственно-культурными типами (ХКТ). В основном это ХКТ пахарей. Но исторически формирование типа крестьянина и всего класса крестьянства начинается среди ручных земледельцев, т.е. более примитивного ХКТ. В связи с процессом крестьянизации было предложено выделить как особый ХКТ интенсивных ручных земледельцев, применяющих сооружение земледельческих террас, искусственное орошение полей или огородов, искусственное

их удобрение, значительный ассортимент видов и сортов культурных растений, домашних животных и ручных земледельческих орудий⁴. Самый процесс формирования крестьянства как общественно-исторического и общественно-культурного типа и класса подразделяем на стадии, из которых начальной является состояние земледельцев докрестьянских обществ, затем протокрестьянство, кастовое крестьянство, классическое крестьянство и переходные формы к фермерству⁵. Можно говорить, что протокрестьянство в одних случаях принадлежит к ХКТ экстенсивных ручных земледельцев, в других — к ХКТ интенсивных ручных земледельцев, в третьих (как в большей части Европы на протяжении одного-двух тысячелетий и в Эфиопии примерно такого же периода) — к ХКТ пахарей. Но классическое крестьянство всех континентов — именно пахари.

Протокрестьянство находим в большей части Тропической Африки доколониального времени, у туарегов Сахары, у ряда других сахарских и берберских народов, народов Южного Китая и гор Индокитая, в Микронезии и большей части Полинезии. Протокрестьянами были скандинавские бонды эпохи саг, смерды Киевской Руси, земледельцы Ирландии до разрушения кланов, члены земледельческих каст Древней Индии. Скорее протокрестьянством, чем крестьянством в полном смысле слова, являлись земледельцы римской Британии, а также завоевавшие их англ, саксы и юты. Вообще на Британских островах и на Крайнем Севере — в Исландии, на Фарерах, в Норвегии, на Русском Севере — класс крестьянства сложился поздно сравнительно с остальной Европой, а начал разлагаться очень рано. Зато в большинстве европейских и африканских провинций Римской империи процесс формирования класса крестьянства завершился за два-три столетия до Великого переселения народов, а в Египте и азиатских провинциях — намного раньше. Колоны Галлии III–IV вв. — это феодально-эксплуатируемые крестьяне.

Кастовое крестьянство наиболее полно было выражено в средневековой Индии. Классические типы крестьян на Востоке — египетские феллахи, земледельцы Сирии и Месопотамии, начиная с периода расцвета Ассирийской державы, китайские крестьяне, начиная с эпохи

⁴ Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 129–132.

⁵ Кобищанов Ю.М. Крестьянство и протокрестьянство в Африке // Азия и Африка сегодня. 1982. № 1. С. 38–40.

Хань. В Средние века прибавились такие классические типы, как иранско-среднеазиатский, японский, яванский, западноевропейский (северофранцузский, западногерманский и пр.), в Новое время — восточно-европейский и русский крепостной. Эти типы крестьянства сложились благодаря развитию сельских производительных сил и феодальных производственных отношений в их неразрывном единстве.

Производительные силы

Понимание категории производительных сил в теории большой феодальной формации не противоречит истматовскому (особенно в интерпретации В.В. Крылова⁶). Но, по сравнению с традиционно истматовским, в нем детализированы следующие моменты.

Предложено понятие типов общественного хозяйства как стадий в развитии производительных сил общества. Эти типы — присваивающий, мелконатуральный производящий (или домашний) и крупнотоварный производящий (индустриальный). Присваивающий тип примерно соответствует первобытно-общинной формации, мелконатуральный производящий — феодальной формации, крупнотоварный — капитализму⁷. Африканские бушмены и пигмеи — люди присваивающего хозяйства и первобытно-общинного строя. То же относится к австралийским аборигенам, андаманцам, огнеземельцам, патагонцам, юкагирам, береговым чукчам и корякам. Что касается крестьянских обществ всего мира, то они порождены мелконатуральным производством и феодальным строем. В Приморском крае нашей страны еще несколько десятилетий тому назад удэгейцы представляли доклассовое общество, китайские и корейские мигранты — общество, выходящее из феодального состояния и вступающее в капитализм, а соседние Япония и США — разные модели капитализма.

Нередко смена одной формы общественного хозяйства другой, более высокой, происходила резко. Обычно это было связано с вторжением иноземцев. Восточная и Южная Африка тысячелетиями оставались

⁶ Крылов В.В. Особенности развития производительных сил и воспроизводственного процесса в развивающихся странах // Экономика развивающихся стран: теория и методы исследования. М.: Наука, 1979. С. 152–185.

⁷ Кобищанов Ю.М. Пространственно-временные структуры истории Африки // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 32–38.

во власти первобытных бушменских общин с присваивающим хозяйством, пока не были заселены племенами банту, разводившими скот и обрабатывавшими огороды. Банту создали раннефеодальные государства. Вскоре после банту появились в Южной Африке европейцы как носители капиталистической цивилизации. Правда, на просторах южноафриканского вельда буры многое утратили, но немало и сохранили. Вслед за ними англичане принесли капиталистические отношения новой волны. Тем не менее только в последние десятилетия капитализм в ЮАР победил окончательно, причем в обществе европейцев и «цветных», тогда как у банту его победа лишь намечается. В Австралии феодализма не существовало, отмечались лишь его рудименты в английском колониальном строе; первобытные же общества аборигенов, занимавшиеся охотой и собирательством, вскоре вытеснил британский индустриальный капитализм.

Соответствие типов и формаций не надо понимать упрощенно. В западносибирской тайге ханты, манси, селькупы и другие этносы до недавних пор жили в основном присваивающим хозяйством, но их общества до русского завоевания Сибири были раннефеодальными. Возможное объяснение такого противоречия состоит в том, что феодализм у обских угров и самодийцев начал складываться до того, как их предки переселились из Южной Сибири в места нынешнего обитания; в Южной Сибири они занимались не только охотой и рыболовством, но также земледелием и скотоводством. Кроме того, в сибирской тайге местные раннефеодальные «князьки», составлявшие протокасту, собирали с простолюдинов подати пушниной и прочим, чтобы поставлять дань татарским ханам, новгородским ушкуйникам и московским царям, а также поставлять товар иноземным скупщикам пушнины. В Южном Судане нуэры и динка, в Кении луо, лухья, кикую, камба и другие народы, вообще десятки этносов издавна жили земледелием и скотоводством (на Новой Гвинее — свиноводством), но не знали ни раннефеодального строя, ни групп кастового типа.

Упомянем о переходности состояния производительных сил в указанных выше обществах, о незавершенности перехода от присваивающего хозяйства к мелконатуральному производящему. Подобно исторически предшествующему типу — присваивающему хозяйству, мелконатуральное производящее имеет мелкий и натуральный характер; подобно последующим типам, оно производящее. Мелконатуральное производство обычно сочетается с другими типами, например с присваивающим в раннефеодальных обществах, с мелкотоварным и даже

индустриальным на поздних этапах феодальной формации. Здесь классическим примером служит Россия с ее крепостной мануфактурой XVIII — середины XIX в. и со сталинской индустрией — великими стройками на основе лагерного труда. Объяснение можно найти в феодально-крестьянском характере страны, в относительности товарного характера ее казенного промышленного производства и раньше, и в сталинское время, а особенно в государственно-крепостнических колхозах, где имели место натуральные поставки.

Каждый тип общественного хозяйства предполагает соединение в себе различных сфер хозяйства (охоты и собирательства, земледелия и скотоводства, машинного сельского хозяйства и промышленности). Разница между типами общественного хозяйства не ограничивается только сферами хозяйствования, а распространяется на общее состояние производительных сил. Достаточно сопоставить классическое натуральное крестьянское хозяйство с современной его формой на той же территории. Дополнительную сложность создает сочетание типов, о котором сказано выше. Но переходность состояния производительных сил в каждом конкретном обществе не только выражается в наличии тех или других сфер хозяйствования и типов общественного хозяйства, а и сказывается в темпах движения.

Процесс становления индустриального производства в Европе занял несколько столетий, в Японии — одно столетие, в Израиле — вдвое меньше, в арабских странах района Персидского залива — немногие десятилетия. Это — ускоренное развитие. Причем Европа, особенно Восточная вместе с Сибирью, знала и феномен регресса капиталистического развития в Новое и Новейшее время. Но становление мелконатурального производства в основных районах Азии, Африки, Европы и Америки длилось тысячелетия. Так, Европа начала осваиваться под земледелие лишь после появления сохи, в которую впрягали быков. Древнейшие ее земледельцы V–II тыс. до н. э. распахали безлесные, покрытые травами и кустарниками просторы от лесостепей днепровского Правобережья до меловых холмов Британии, сводя рощи и в лесостепях и между холмами, но не смогли без железных топоров углубиться в девственные дубовые леса, которые использовали в основном для присваивающего хозяйства. В течение многих тысячелетий, даже пользуясь железными орудиями, европейские пахари не смогли бы выжить, если бы не добывали дополнительную часть ресурсов охотой, рыболовством, бортничеством и собирательством. Там же, в лесах, они пасли свиней и коров.

Вообще и в древности, и в Средние века, а на окраинах Европы даже позднее, скотоводство играло не меньшую, а подчас и большую роль, чем земледелие: тут, с одной стороны, налицо Исландия, Фарерские острова, Норвегия и различные горные районы, с другой — степи от Южного Урала до Центральной Испании. Появление земледелия, даже пахотного, само по себе еще не означает, что сооружение историей здания мелконатурального производства завершилось. Такой взгляд составляет еще одно важное отличие теории большой феодальной формации от традиционного истмата и других теорий, бытующих среди историков, археологов и этнографов.

Особое значение теория большой феодальной формации придает категориям ячеек производства и систем воспроизводства, их становлению и развитию. Ячейка производства — это непосредственная форма взаимодействия рабочей силы с орудиями и другими средствами и объектами производства. Поскольку способ производства, согласно К. Марксу, есть способ соединения рабочей силы со средствами производства, постольку каждому способу производства соответствуют исторически присущие ему типы ячеек производства. В эпоху господства мелконатурального производства (в его постепенном, не прямолинейном и чрезвычайно длительном развитии) эти ячейки делятся на мелкие и условно-крупные.

Первые — домохозяйства земледельцев, скотоводов, ремесленников, где производство соединено с семьей. В них существовало разделение на мужские и женские работы, но взрослые большую часть времени проводили вместе и вместе трудились, а дети помогали им и учились мастерству у старших. Труд носил творческий характер, результаты его были очевидны. Годичный цикл протекал как непрерывное правильное чередование ритуалов и обязанностей, трудов и праздников, пьянящих радостей и тяжелых испытаний. Жизнь проходила в гармонии с природой и общественным окружением. Любовь к труду соединялась с любовью к собственному хозяйству, дому, земле-кормилице, домашним животным, которых хозяин сам выводил, к орудиям труда и быта, которые он сам сладил и украсил, к своим чадам и домочадцам.

В мелких ячейках производства все стороны жизнеобеспечения, все работы и заботы, радости и тягости были увязаны в неразрывную цепь. Основной подтип такой ячейки — классическое крестьянское хозяйство. Оно лежит в основе феодальной экономики. Но это не исключает существования более крупных ячеек: наоборот, мелкие сочетаются с крупными, так как полное воспроизводство производительных сил

и производственных отношений феодализма невозможно только в первых или только во вторых.

Последние называем условно-крупными, чтобы не смешивать их с крупнотоварными. Ячейки условно-крупного производства основаны на простой кооперации труда мелких производителей. Их задачи состояли в производстве работ, которые не под силу членам одного семейного домохозяйства, и в упрочении связей между мелконатуральными производителями. Работы и связи могли носить как общинный, так и феодально-повинностный характер, причем одно не исключало другого. В обоих случаях такие ячейки формировались чаще всего по общинному принципу (родственники, друзья, побратимы, соседи, члены одной половозрастной группы) либо по смешанным принципам (клиенты вождя, князька или «большого человека», живущие вместе и ставшие как бы побратимами)⁸. Трудом подобных коллективов поднималась целина, выпасались большие стада домашних животных, строились дома и монументальные сооружения, включая пирамиды Египта, Шумера и Мексики. Барщинные работы при позднем феодализме — характерный пример деятельности ячеек условно-крупного производства. Конкретная форма ячейки зависит также от формы общественного разделения труда, кооперации труда.

В феодальных обществах находим три основные формы разделения труда: половозрастную, рентную (повинностную) и товарную. Первая возникла еще в первобытно-общинной формации, а при феодализме распространяется на большую часть впервые возникающих занятий. Товарная форма разделения труда более характерна для капитализма. Что касается рентной формы, то она специфична для феодализма. Этому не противоречат хорошо известные этнографам факты наличия повинностной формы разделения труда в других обществах, например африканских, находившихся накануне раннего феодализма: у них не было государства, но существовали касты и кланы ремесленников, связанные с общинами земледельцев и скотоводов повинностной формой разделения труда⁹.

Деревенские ремесленники вели подвижный образ жизни, обслуживая те хозяйства, где они были нужны. Община не могла без них

⁸ Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества. С. 110–120; Кобищанов Ю.М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.: Наука, 1982. С. 65–106.

⁹ Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества. С. 132–172; Кобищанов Ю.М. Мелконатуральное производство. С. 121–144.

обойтись и содержала их круглый год и на протяжении поколений, независимо от того, сколько услуг и продукции требовалось от ремесленников. Вместе с тем земледельческая или скотоводческая община заботилась о том, чтобы ремесленники не оставляли своих занятий и не растворились среди сельскохозяйственного населения. Например, масаи Восточной Африки, считая себя единственными законными владельцами крупного рогатого скота во всем мире, отнимали у кузнецов скот, даже если возвращались вместе с ними из набега, в котором кузнецы добыли нескольких коров и телят. В Южной Эфиопии и Индии кузнецам не позволялось обрабатывать землю, пользоваться колодцами земледельцев и даже проходить через поля. В Индии, Шри-Ланке, Таджикистане деревенским ремесленникам после сбора урожая община выделяла долю зерна, независимо от того, как и сколько они в тот год работали на ее членов. Другие доли выделялись землевладельцам, общинным должностным лицам, духовенству и правителю фактически в качестве ренты.

В условиях господства мелконатурального производства могучим фактором повышения производительности труда были развитие его общественного разделения (прежде всего в повинностной форме) и кооперация труда (прежде всего в виде простой кооперации мелких производителей). Значение их возрастало по мере специализации ячеек мелконатурального производства. Рост производительности труда мелких производителей создавал объективную возможность их специализации, тем более что их можно было эксплуатировать лишь тогда, когда они производили больше того, что потребляли. Но и конкретные формы эксплуатации человека человеком зависят от форм разделения труда и его кооперации, ибо кооперация труда между ячейками производства в общине выражается не только в трудовой взаимопомощи, но и в отчуждении избыточного продукта труда в целях взаимопомощи и про запас.

Господство мелконатурального производства приводило к тому, что наиболее рациональными формами участия мелких производителей в расходах общины являются совместная общественная работа и складчина, то и другое порой от случая к случаю. Однако регулярность сельскохозяйственного производства и связанная с ней регулярность общественных работ и празднеств стимулировали регулярность коллективных работ и складчины. Они превращались в примитивные повинности. К тому же результату вела регулярность войн (допустим, весенние и осенние набеги). Складчины, дары, «помочи», общественные работы

на благо общины постепенно или резкой переменной превращались в подати и повинности. Мы находим это во всех феодальных обществах. Так развитие мелконатурального производства внутри общин приводило к разделению труда и произведенного продукта на две части: ту, которая оказывалась внутри ячейки мелконатурального производства, и ту, которая привлекалась на общественные нужды. Возникали необходимые предпосылки феодальной эксплуатации. Чтобы такая возможность стала действительностью, нужно было преодолеть сопротивление общинников и общинной морали. На это уходили иногда столетия, иногда тысячелетия.

Пока земледелец-общинник не начал подвергаться феодальной эксплуатации, его в принципе нельзя относить к классу собственно крестьян. Настоящий крестьянин — это мелконатуральный производитель, который и подвергается именно феодальной эксплуатации. Некоторой эксплуатации такого рода подвергается и протокрестьянин, но в этом случае степень эксплуатации невелика. Протокрестьянина характеризует незавершенность его производственного статуса как мелкого производителя, натурального или полунатурального. Верный показатель — состояние домохозяйства земледельца, этой ячейки мелконатурального производства. С тем же связано состояние семейных отношений, сила или слабость внутрисемейных связей.

Кристаллизация крестьянского домохозяйства как ячейки мелконатурального производства тесно связана с развитием малой патриархальной семьи. Не случайно почти у всех классических пахарей, составлявших при феодализме класс крестьян, семья была патриархальной. Ведь пахота — занятие мужское, повышающее роль мужчины в семейном хозяйстве. Пахарь трудится в компании с тягловыми животными, а подъем целины колями при ручном земледелии — коллективная работа группы мужчин, жены которых в остальное время пропалывают участки и собирают урожай. Труд пахаря более индивидуален, чем труд ручного земледельца; связь первого с женою и детьми прочнее, чем у второго, особенно при экстенсивном сельском хозяйстве.

Общинная мораль и весь первобытно-общинный способ труда, распределения, ритуалов, празднеств и прочего сопротивлялись веками не только установлению феодальной эксплуатации, но и кристаллизации ячеек мелконатурального производства, их автономии, их центробежным тенденциям, разрушающим архаичную общину. Недаром на протяжении всего периода феодализма сохраняются различные формы общинной организации.

Отметим здесь три ошибки, распространенные в исторической литературе. Во-первых, комбинирование труда рассматривается либо лишь как производительная сила, либо как только производственное отношение; на самом деле оно — и то и другое. Во-вторых, единственной предпосылкой появления эксплуатации считается рост производительности труда; т.е. игнорируется роль типов ячеек производства и комбинирования труда. В-третьих, в качестве ячейки производства называют общину земледельцев, не замечая того, что она сама состоит из производственных ячеек-домохозяйств. Фактически община — это коллектив для натурального воспроизводства.

Феодальные отношения и отношения владения

Возможны два способа принуждения мелкого производителя. Первый — экономический, осуществляемый посредством передачи во владение скота, аренды земли, неэквивалентного обмена, ростовщичества. Второй способ — внеэкономическое принуждение мелконатурального производителя: организованное (преимущественно государственное) и духовное (моральное, религиозное и пр.). Оба они допускают два вида эксплуатации мелкого производителя: временно отрывая его от своей ячейки мелконатурального производства и заставляя работать в ячейке условно-крупного производства (на общественном или помещичьем поле, на строительных и других работах), т.е. непосредственно отчуждая прибавочный труд; отчуждением прибавочного продукта, производимого в самой ячейке мелконатурального производства. Первый вид дает отработочную ренту, второй — натуральную. Оба они суть виды феодальной эксплуатации. В обоих случаях отчуждается труд рабочей силы, воспроизведенной и по-прежнему воспроизводящейся в ячейках мелконатурального производства.

В большинстве ранних государств решающее значение имел второй ряд, выражавшийся через поднесение первинки урожая, поставки различных даров для пиров обходившего свои владения полудьем правителя, через дань, подати и натуральный налог. Но в ряде случаев, например в Египте эпохи Древнего царства, в храмовых и царских («энсиальных») хозяйствах Древней Месопотамии¹⁰, в городах-государствах

¹⁰ Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

мая¹¹, в королевстве Зуду XIX в.¹² и в десятках других случаев первый ряд эксплуатации доминировал. Мелкие производители надолго (в Египте эпохи фараонов — на два месяца ежегодно¹³) отвлекались на общественные работы. Это было возможно при сочетании сравнительно высокой производительности труда с жесткой организацией масс земледельцев (а у зудусов — скотоводов-земледельцев).

Такая производительность труда отчасти зависела от сочетания исключительного плодородия почв с исключительной урожайностью тех или иных культурных растений (полбы и пшеницы в долине Нила и в Двуречье IV–II тыс. до н. э., риса в речных долинах Китая, Индокитай и на Яве, маиса в стране маяя, где, впрочем, почвы никогда не были особенно плодородны). Исключительная урожайность и неприхотливость банана в Буганде (Уганда) и Руанде при малых усилиях для его выращивания в сочетании с обилием хороших пастбищ тоже позволяли их правителям надолго отрывать местных земледельцев от своих хозяйств, используя их главным образом в ополчении. Кроме того, масса общинников, земледельцев и воинов периодически мобилизовывалась на строительство и ремонт дорог, необходимых для быстрого выдвижения к границам ополчений и для курсирования от столицы в провинции и обратно пеших гонцов и наместников¹⁴. Ремонт дорог, периодически разрушаемых тропическими ливнями, и участие в военном ополчении составляли две главные повинности земледельцев в Дагомее XVIII–XIX вв.¹⁵

Экономическое и внеэкономическое принуждение часто сочетались, даже на ранних ступенях развития феодальных отношений. У многих тюркских народов и народов Африки существовал комплекс феодальных отношений по поводу скота, когда представитель одной социальной группы (знатного рода, благородного кочевого племени)

¹¹ Гуляев В.И. Города-государства маяя (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). М.: Наука, 1979.

¹² Брайант А.Т. Зудусский народ до прихода европейцев. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.

¹³ Стучевский И.А. Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

¹⁴ Kottack C.P. Ecological Variables in the Origin and Evolution of African State: the Buganda Example // Comparative Studies in Society and History, Cambridge, 1972. Vol. 14. № 3. P. 351–380; Maquet J.-J. The Premise of Inequality in Ruanda: A Study of Political Relations in a Central African Kingdom. London: Oxford University Press, 1961.

¹⁵ Herskovits M.J. Dahomey: an Ancient West African Kingdom. Vol. 1–2. N.Y.: J.J. Augustin, 1938.

передавал лошадей, верблюдов, коров представителю другой группы. Получивший животных и его наследники могли пользоваться продуктами животноводства (молоко, навоз и пр.), есть мясо павших животных, оставлять себе шкуры, рога, часть приплода, но основное стадо считалось принадлежащим тому (наследникам того), кто владел прародителями животных. Скот держали не только ради получаемых от него продуктов, но и ради престижно-ритуальных целей — уплаты выкупа за невесту, устройства погребального пира. Владелец скота становился патроном получателя, а последний — клиентом с обязанностью оказывать первому особые знаки уважения и различные услуги, повиноваться его приказам, платить ему дань продуктами земледелия и скотоводства.

Наукой уже отмечались феодальный характер этих отношений и их развитие по двум линиям: экономической (передача в пользование и владение скотом) и личностной (установление отношений клиентелы)¹⁶. В некоторых ранних государствах Центральной Африки крупный рогатый скот считался принадлежавшим царю. В сегментных княжествах у народов Восточной Африки правили династии «варягов», приглашенных со своим стадом коров, которых хотели иметь местные земледельцы. Так монополия на не очень продуктивный скот, тем более нерабочий скот пахарей, оказалась средством феодализации общества.

Развитие монополии феодального класса на землю подчинялось тому же историческому закону: экономические отношения по поводу земли чаще всего, на том или ином историческом этапе, дополняются отношениями личной зависимости. Последние тем лабильнее, чем свободнее, чем более развита феодальная монополия на землю. Примеры дают разные регионы феодального мира. Когда во второй половине XV в. — начале XVIII в. Россия присоединила к себе намного более обширные, чем ее первоначальная территория, земли на востоке и юге, принадлежавшие прежде татарским ханствам, они были сравнительно слабо заселены. Сюда начали переселяться русские крестьяне. Повсюду в России ощущалась нехватка рабочих рук, тем более что действия ряда ее правителей, смуты и иноземные нашествия катастрофически уменьшали население. Тем временем монархия и класс помещиков установили совместную монополию на землю, хотя на деле полного согласия внутри феодального класса достичь не удавалось, так что крестьяне вплоть до конца XVI в. могли выбирать, под власть какого барина вольготнее

¹⁶ Maquet J.-J. Une hypothèse pour études des feodalités africaines // Cahier d'études africaines. Vol. 2. Issue 6. 1961. P. 292–314.

податься. Главным дефицитом в рамках феодального производства являлась именно рабочая сила — земледелец, которого помещики еще не сумели закабалить, зато государство в XVII–XVIII вв. закрепостило в несколько приемов.

В истории Китая наблюдались сходные явления: переселения крестьян на новые земли севернее р. Хуанхе и южнее р. Янцзы; депопуляция основных провинций, наступавшая периодически в результате внутренних войн и «варварских» нашествий. Вслед за ними делались попытки прикрепить оставшихся крестьян к земле, формально находившейся под жестким контролем государства, а фактически брошенной и выпавшей из сферы производства. Частные землевладельцы в свою очередь закрепляли за собой земли и закабалляли тех, кто их обрабатывал. В сущности, то же происходило в Римской империи, где видим последовательно стремительный территориальный рост, сопровождавшийся и «очищением» земли от прежнего населения, и заселением опустевших земель в основном свободными земледельцами, а частично невольниками; установление государственного и поместного (в салтусах и латифундиях) контроля над обрабатываемыми землями; дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве; развитие соответствующего законодательства, закрепощавшего крестьян. Тут свои коррективы в процесс установления личной несвободы крестьян вносила их борьба против феодалов.

Один из наиболее живучих европоцентристских предрассудков XVII в. — представление о поголовном рабстве на Востоке, под которым подразумевалась феодальная Азия. На деле для основных азиатских стран, относительно густонаселенных и с относительно высоким уровнем развития феодализма, были достаточно характерны свободная аренда земли и преобладание лично свободного крестьянства над лично зависимым.

Принципиальное различие типов экономики при феодальной и капиталистической формациях требует и более четкого терминологического различия понятий, соответствующих категории «собственность». Последний термин целесообразно сохранить для капитализма, тогда как для феодализма и поздних ступеней первобытно-общинной формации, переходных к феодальной, более подходит термин «экономические отношения владения» (имеется в виду совокупность социально-экономических отношений феодального общества). Из этого следует, что отношения землевладения, как и владения теми, кто обрабатывает землю, есть одно из выражений владения производительными силами общества.

Попытаемся представить себе «будущего феодала», который каким-то образом приобрел землю, но без людей, либо пригнал туда невольников, но не имеет земли для их поселения, либо имеет и землю и людей, но не поселяет их семьями на земле и не снабжает орудиями, скотом, семенами и всем необходимым для создания ячеек мелкого производства. Это будет нелепое предположение. Ведь для ячейки мелконатурального производства характерны слитность и самовоспроизводимость заключенных в ней элементов производительных сил, прежде всего рабочей силы, обрабатываемых участков, скота, изделий домашнего ремесла. Поэтому для правового оформления феодальной эксплуатации мелких производителей эксплуататорам достаточно ухватиться лишь за некоторые или даже за один из основных факторов производительных сил — людей, землю, продуктивный скот, оросительные сооружения, но при условии, что обеспечена сохранность и самовоспроизводимость ячеек производства. Право же эксплуататора на землю, воду, скот, рабочую силу и личность труженика, долю произведенного им продукта — это лишь юридическое выражение экономических отношений владения.

Юридические нормы собственности никогда полностью не соответствуют, конечно, своему экономическому содержанию. Поэтому бывает достаточно подвергнуть юридическому оформлению лишь некоторые, узловые моменты производительных сил, чтобы поддержать собственность. Пока в степной зоне Евразии, Аравии и Африке свободной земли было много, феодальные князьки и вожди сами не знали точных границ своих владений, зато хорошо знали общины и отдельных людей, которые от них зависели и которыми они владели. В оазисах Аравии и Сахары, в речных долинах суданского пояса на землю сажали невольников, потомки которых спустя несколько поколений превращались в лично зависимых крестьян. Владение людьми тщательно фиксировалось обычным правом, тогда как права владения землей фактически оставались довольно расплывчатыми. И это — несмотря на знакомство соответствующих обществ с хорошо разработанным мусульманским земельным правом. Там, где выращивались финиковые пальмы (Аравия, Сахара, нильский Судан), в XIX в. — начале XX в. формальными объектами владения были пальмы, люди, оросительные сооружения, но не земля как таковая.

Главным способом выражения собственности является ее выражение через экономические процессы. Для экономических отношений владения таким способом служат вне рыночные или даже вообще вне-

экономические отношения распределения, в том числе в государстве, использующем зависимый труд. Их наличие в сфере перераспределения произведенного продукта и услуг, а также в сфере движения условий производства — верный признак феодального способа производства.

Характеристика большой феодальной формации этим не ограничивается.

Важной ее частью является связь ремесленного производства и духовной культуры с кастовой, цеховой либо какой-то другой формой повинностного разделения труда. Как и в традиционном истмате, теория большой феодальной формации утверждает, что основным законом феодального способа производства является закон ренты. Но понятие ренты при этом усложняется: нельзя в принципе отождествлять феодальную ренту с одной лишь земельной, хотя во многих случаях они частично или полностью совпадают. Бесчисленное множество документов разных феодальных обществ древности, Средневековья и Нового времени и из разных регионов мира исчисляют размеры ренты по количеству и качеству обрабатываемой земли. Но в тех случаях, когда, как в Средней Азии и на Кавказе, подать овцами взималась на перевалах при перегоне скота на бескрайние степные и горные пастбища, владение которыми было спорным, и сами пастбища, и перевалы с трудом могут рассматриваться в качестве земель, с которых взималась феодальная рента. Наиболее грубый способ исчисления последней — подымный, на семейное (особенно большесемейное) домохозяйство, дополненный внутриобщинной круговой порукой, — лучше всего отражает сущность феодальной ренты.

Сказанное выше позволяет предложить следующее определение феодального способа производства: он заключается в экономических отношениях владения ячейками мелконатурального производства и системами натурального производства. А эти отношения выражаются в ренте, получаемой благодаря эксплуатации мелких производителей, преимущественно при помощи внеэкономического принуждения, и в господстве вне рыночного перераспределения продуктов труда и условий производства.

Три формы внеэкономического принуждения

Традиционный истмат обычно раскавычивает «внеэкономическое» принуждение (кавычки изначально принадлежат Марксу), так как истматчики часто игнорируют роль этого принуждения в экономике

феодалного типа. Они нередко склонны сводить внеэкономическое принуждение к государственному. Феодалная государственность зарождается внутри общинных структур в различных формах и соответственно этим структурам («сегментное» княжество, город-государство, военно-кочевая орда). Пока государственность развивается как домашнее хозяйство, как двор правителя либо персонал возглавляемого им храмового хозяйства, а также как гипертрофированный аппарат общинного управления, можно говорить о раннем государстве. Развитая феодалная государственность строится как разветвленная бюрократия, разделенная на ведомства.

Личностные (патронажные, родственные, вассальные) связи между представителями феодалного государства являются нормой. Они характеризуют это государство как феодалное независимо от того, раннее оно или позднее. Примерами таких раннефеодалных обществ могут служить общества кочевников Азии и Северной Африки, в которых феодалная верхушка и рядовое воинство были связаны между собой родоплеменными узами. Другой ряд примеров дают раннефеодалные общества земледельцев Тропической Африки, некоторых горных районов Азии и в Микронезии¹⁷. Даже в Европе позднего Средневековья и начала Нового времени родственные узы внутри феодалного класса играли важную роль. Герцог Ф. де Ларошфуко, рассказывая о событиях середины XVII в., упоминает, что он встретил противника, находясь во главе войска, ядро которого составляли две тысячи дворян Гиени, которые все были его родственниками¹⁸.

Государство представляло собой тот новый элемент, который четко отличал феодалный общественный строй от дофеодалного. И этот элемент был успешно использован как средство внеэкономического принуждения. Но для той же цели могли быть приспособлены и традиционные структуры, соответствующим образом трансформированные. Ведь характерные для первобытно-общинной формации общинные структуры могут наполняться различным социально-экономическим содержанием в зависимости от общества, в котором они существуют. Достаточно напомнить, какое значение имела при феодализме крестьянская община, а в правящем классе — родственные связи. Это вновь свидетельствует о том, что феодал-

¹⁷ Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования. М.: Наука, 1977.

¹⁸ Ларошфуко Ф. де. Мемуары, максимы. Л., 1971.

ная формация есть законная наследница первобытно-общинной. В сложных обществах, которые можно условно назвать послепервобытными, развились особые виды общинного типа, общинно-кастовые (общинно-кастово-племенные). В них наблюдается переплетение родовых, родовых смешанных и соседских общин с кастовыми, сервильными и др.

В основе общинно-кастовых видов лежат две или три главные единицы, сочетающиеся сложным образом: община, каста и как третий член либо племя (у более примитивных), либо сословие (у более развитых). На ранних ступенях феодализма продолжают развиваться такие организации общинного типа, как побратимство, тайные общества, жреческие коллегии, общины-полисы, военно-кочевые орды; на более высоких — феодальные кланы, ремесленные цехи, религиозные ордены, братства и другие корпорации феодальной эпохи¹⁹. В общинных организациях феодальной формации мы находим сочетание первобытной социальности (братство, взаимопомощь) с феодальной.

Отдельные организации общинного типа включаются в политическую структуру как ее органы. Таковы тайные общества в странах Тропической Африки²⁰; группы побратимов-сверстников в ранних государствах различных регионов, где они образовали княжеские дружины, организации для облавных охот у монгольских, тюркских и других народов, ставшие зародышевой формой военно-государственной структуры²¹.

Но в других случаях развитие общин шло по линии формирования общинно-кастовых (общинно-кастово-племенных) систем. Такие системы существовали еще у древнейших индоевропейцев, в ранних государствах Аравии, Туркмении, Древней Индии, Индокитая, в предгосударственных обществах Индонезии, Океании, Восточной и Северо-Восточной Африки и Сахары. Эта зависимость оформлялась через иерархию племен, общин и каст и систему религиозных представлений, табу и ритуалов, принимавшую характер духовного принуждения. При этом феодальная эксплуатация обеспечивалась даже при отсутствии государства. Характерные примеры находим в Африке: в конфедерации племен

¹⁹ Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 133.

²⁰ Кобищанов Ю.М. Тайные религиозно-магические общества // Религии в XX веке. Традиционные и синкретические религии Африки. М.: Наука и искусство, 1986. С. 143–158.

²¹ Клеменц Д.А., Хангалов М.А. Общественные охоты у северных бурят (зэгэтэ-аба — охота на росомах) // Материалы по этнографии России. Т.1. СПб., 1910. С. 117–154.

у туарегов²² и сомали²³; у «и» (носу) Южного Китая²⁴. С расселением племен на периферию ойкумены — в Среднюю и Северную Европу, Сибирь, Южную Африку — общинно-кастовые системы часто дезинтегрировались, узы зависимости одних общинных групп от других ослабевали или вообще исчезали. Но в других условиях эти системы и узы разрастались, ветвились, внутренне усложнялись и ужесточались. Наконец, две или несколько общинно-кастовых систем соединялись в одну (яркий, хотя и крайний пример — Индия).

Что касается духовного принуждения, то оно играло роль, сопоставимую с ролью государственного и общинно-кастового принуждения. В той сфере, которую составляли духовные основы древних и средневековых цивилизаций, религиозное, правовое и моральное принуждение трудящихся повиноваться власти имущим занимает не очень большое место. Но вообще игнорировать духовное принуждение неправомерно. Как правило, в феодальных обществах действовали все три вида внеэкономического принуждения, причем слабость или неразвитость одного из них дополнялась компенсационным развитием других. Индия XIV–XIX вв. дала пример чрезвычайно высокого уровня развития всех трех видов внеэкономического принуждения. Таких различных примеров для позднефеодальной стадии — десятки.

Но в раннефеодальных обществах все три вида внеэкономического принуждения были слабо развиты: не имелось ни разветвленной бюрократии, ни сложной сословно-кастовой иерархии, ни церкви. В таком случае особое значение приобретала личная зависимость мелкого производителя от того, кто над ним господствовал. При обилии незанятых, естественно орошаемых земель и скота дефицитной была рабочая сила. Поэтому овладеть ячейками производства было удобнее через производителей, лишив их личной свободы. Путей к несвободе существовало несколько: закабаление, самокоммendaция слабого, пленение, завоевание.

Тенденция к монополизации рабочей силы находила свое выражение и в привилегии той или иной общинно-кастовой группы (аристократия, княжеский род) на многоженство (особенно в обществах,

²² *Lhote H.* Les Touaregs du Hoggar. P.: A. Colin, 1984.

²³ *Lewis I.M.* Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Sano. London: International African Institute, 1955.

²⁴ *Имс Р.Ф., Яковлев А.Г.* К вопросу о социально-экономическом строе линьшаньской группы народности «и» // *Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии.* Л.: Наука, 1967. С. 64–106.

где женский труд играл ведущую роль в земледелии), в праве князьков брать в сожительницы нарушительниц сексуальных табу, дочерей преступников и любых простолюдинок, в резком увеличении выкупа за жену, внесение которого больше одного-двух раз в жизни становится под силу лишь богатым и аристократам (для которых размер выкупа был, между прочим, снижен), в развитии гипертрофированных патриархальных большесемейных общин и патриархального рабства, в привлечении в домохозяйства у знати всякого рода изгоев, бездомных, бедняков, кабальных должников, как это прослеживается в «Русской Правде».

Рабовладение

Историки нередко переводят разноязыкие термины источников, характеризующие принудительно трудящегося человека, словом «рабы», а дальше включают аппарат статистики. Добрую треть века я протестую против такой операции, на которой строилась система доказательств «рабовладельческого» характера древних обществ. Но сегодня уже ни один серьезный ученый не утверждает, что хотя бы в одном из этих обществ преобладали среди трудящихся рабы²⁵. Сравнительно недавно это признал публично даже такой последовательный сторонник теории рабовладельческой формации в Древнем мире, как В.Н. Никифоров.

Класс рабов — это экономический класс непосредственных производителей, полностью лишенных средств производства, рабочая сила которых (равно как производимый ею необходимый и прибавочный труд) отчуждается в процессе производства нетоварным путем. Этим рабы отличаются от мелконатуральных производителей, которые не отделены от средств производства, хотя их труд тоже отчуждается нетоварным путем — через внеэкономическое принуждение, и от наемных рабочих, лишенных средств производства, но продающих свою рабочую силу для ее воспроизводства, т.е. через экономическое принуждение. Отсюда видно, что одни черты экономического положения раба роднят его с мелконатуральным производителем, другие — с наемным рабочим.

²⁵ Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 45.

Неудивительно, что в истории существовали смешанные, переходные и промежуточные формы между этими тремя типами. Вот несколько таких форм: рабы-пастухи в сальтусах римской Италии, Африки и дунайских провинций; наймит, запродавшийся во временное подчинение богачу; батрак с приусадебным участком и небольшим собственным стадом, которое он бесплатно пасет на земле хозяина. Но ни эллинистического земледельца, ни римского колона нельзя считать представителями одной из переходных форм: это были просто феодально-зависимые крестьяне; классический колонат — одна из разновидностей феодальной зависимости.

Для раннефеодальных государств было характерно положение, когда в одном обществе рабы и мелконатуральные производители, а также переходные между ними группы в одинаковой форме лично зависимы в правовом отношении. Таковы, допустим, сервы в странах Западной Европы VI–IX вв. Однако с точки зрения политической экономии важны не особенности правового статуса, а то, является ли раб непосредственным производителем (земледельцем, пастухом, ремесленником) или же он есть непроизводительный элемент (слуга, стражник, актер). Таков основной критерий, пользуясь которым можно установить относительное значение рабовладельческого уклада в производственном базисе данного общества.

Экономический базис античного, как и средневекового, мира был многоукладным при ведущей роли феодального способа производства. Вот Римская империя периода расцвета, считаемая классическим примером рабовладельческого общества: рабы составляли там меньшинство работников в сельском хозяйстве, ремесле и на крупных строительных работах. Значительная часть рабов являлась оброчной. Большинство же трудящихся принадлежали к мелким производителям. Так было, впрочем, во все периоды римской истории. Поэтому и царский Рим, и республику, и империю нельзя считать рабовладельческими в чистом виде. Экономическую основу римского общества составляла эксплуатация мелких производителей, но главным образом путем внеэкономического принуждения. Следовательно, это общество было, по сути, феодальным. Оно, как и древнегреческое, проделало сложный путь от раннефеодального царского (у греков — микенского, затем архаического времени и феодально-общинных образований Спарты, Фессалии, Крита) через ослабление феодальной эксплуатации (у греков — при демократии), затем через паразитизм привилегированных общин-городов — к новой, полной феодализации (при тиранах, эл-

линистических царях и в поздней Римской империи), когда основная масса мелких производителей была спрессована в класс феодально-эксплуатируемых крестьян.

Феодальный уклад был там ведущим, рабовладельческий — дополнительным, хотя и не единственным. В передовых центрах феодальной формации (Вавилон, Афины середины I тыс. до н. э., Александрия, Антиохия, Пергам, Родос, Рим конца Античности, Константинополь, Багдад, Фустат-Каир IX–XIII вв.) зарождается и развивается протокапиталистический уклад в виде наемного труда, товарного пригородного земледелия, торгового скотоводства, городского предпринимательства, работающих на рынок крупных мастерских, торгового капитала, прибылей, банков. Так было в Нововавилонском царстве VI в. до н. э. Там развивалось товарное производство чеснока, овощей и фруктов на междурядьях в рощах финиковых пальм, что напоминает Ирак, Египет и Судан Нового и Новейшего времени. В Вавилоне существовали крупные банкиры, векселя, развитые финансы, подорванные в конце VI в. до н. э. инфляцией²⁶.

Римская империя знала и пригородное товарное земледелие, и банковское дело, и компании судовладельцев, и страхование торговых судов, и образование ранних форм капитала в городской недвижимости, особенно в виде доходных домов, и спекуляцию недвижимостью, и финансовый крах в результате торговли с Востоком, размеры которой были сопоставимы с той, которую вела с ним Европа XIX в. Эллинистическая Малая Азия знала забастовки рабочих, Рим конца республики — компании судовладельцев, спекуляцию городскими многоэтажными домами, прибыль на квартплате. Однако даже в Древней Греции, эллинистическом мире, Карфагене и Риме исторически ведущим был не рабовладельческий и не протокапиталистический, а феодальный уклад, основанный на законах феодального способа производства. По отношению к феодальному укладу рабовладельческий и протокапиталистический занимают в феодальном обществе периферийное положение.

Но при известных условиях исторически второстепенные уклады могут, активно воздействуя, получить гипертрофированное развитие за

²⁶ *Белявский В.А.* Землевладение дома Эгиби // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1968, вып. 5; *Белявский В.А.* Потомки Эа-илутабани // Вестник древней истории. 1968. № 1. С. 96–119; *Белявский В.А.* Шаттинну, сын Балатсу, потомок Бэл-яу // Страны Ближнего и Среднего Востока (история, экономика). М.: Наука, 1969. С. 21–38; *Белявский В.А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971.

счет исторически ведущего уклада. Обычно этот процесс начинался нашествиями периферийных народов на центры цивилизаций (дорическое нашествие на микенскую Грецию, разгром Ассирийской державы при участии скифов и мидян, нашествие кельтов и экспансия италийских, главным образом оскско-умбрийских, племен на города этрусков и греков в Италии, македонское завоевание Малой Азии, Месопотамии и Египта, Великое переселение народов в Европе на первом рубеже Средневековья). Это ослабляло феодальную систему.

Общины и племена, подвластные ослабевшим или разгромленным царствам, освобождались от их власти (Эллада, Италия второй половины I тыс. до н. э.). Затем на развалинах феодальной системы пышным, хотя и эфемерным цветом расцветали рабовладение, наемный труд, товарно-денежные отношения, совершались технические и технологические открытия, зарождались ранние виды капитала (торгового, банковского, городской недвижимости). Так было в Вавилоне времени Нововавилонского царства, в Александрии, в городах Малой Азии и Месопотамии эпохи эллинизма, в Римской республике, где на сравнительно короткий исторический период получили гипертрофированное развитие рабовладельческий и протокапиталистический уклады, а многочисленные члены привилегированной общины — граждане — освободились от эксплуатации. Но с течением времени феодализм восстановил и упрочил свои позиции. Кроме того, нельзя отрывать привилегированные общины (Вавилон эпохи Нового царства, Александрию империи Лагидов, Афины периода архэ, Рим и даже города Италии времен республики и ранней империи) от крестьянской ближней периферии, за счет которой они жили.

Этими основными идеями не ограничивается теория большой феодальной формации. Конкретные региональные разработки, посвященные Европе II тыс. до н. э. — I тыс. н. э., Африке того же и более позднего времени, Океании и другим регионам мира, а также отдельным странам, позволяют выявить различные закономерности развития, уточнить его глобальный характер, по-новому ставить проблему исторического прогресса.

REFERENCES

1. Africa: cultural heritage and modernity [Afrika: kul'turnoe nasledie i sovremennost']. Moscow: Nauka, 1985.
2. African village yesterday and today [Afrikanskaya derevnya vchera i segodnya]. Moscow: Nauka, 1987.
3. Agrarian structures of the Eastern countries: genesis, evolution, social transformations [Agrarnye struktury stran Vostoka: genezis, evolyuciya, social'nye preobrazovaniya]. Moscow: Nauka, 1977.
4. *Belyavskij V.A.* Descendants of Ea-iluta-bani [Potomki Ea-iluta-bani] // Bulletin of Ancient history [Vestnik drevnej istorii]. 1968. № 1. P. 96–119.
5. *Belyavskij V.A.* Shattinu son of Balatsu, descendant of Bel-yau [Shattinnu, syn Balatsu, potomok Bel-yau] // Countries of the Near and Middle East (history, economy) [Strany Blizhnego i Srednego Vostoka (istoriya, ekonomika)]. Moscow: Nauka, 1969. P. 21–38.
6. *Belyavskij V.A.* Babylon legendary and Babylon historical [Vavilon legendarnyj i Vavilon istoricheskij]. Moscow: Mysl', 1971.
7. *Bryant A.T.* The Zulu People as They Were Before the White Man Came. Pietermaritzburg: Shuter and Shooter, 1949.
8. Community in Africa: problems of typology [Obshchina v Afrike: problemy tipologii]. Moscow: Nauka, 1978.
9. *Gulyaev V.I.* Mayan city-states: the structure and functions of the city in early class society [Goroda-gosudarstva majya (Struktura i funkcii goroda v ranneklassovom obshchestve)]. Moscow: Nauka, 1979.
10. *Herskovits M.J.* Dahomey: an Ancient West African Kingdom. Vol. 1–2. N.Y.: J.J. Augustin, 1938.
11. *Its R.F., Yakovlev A.G.* On the question of the socio-economic structure of the Linshan group of the «I» nationality [K voprosu o social'no-ekonomicheskom stroe lin'shan'skoj gruppy narodnosti «i»] // Community and social organization among the peoples of Eastern and South-East Asia [Obshchina i social'naya organizaciya u narodov Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Azii]. Leningrad: Nauka, 1967. P. 64–106.

12. *Klemenc D.A., Hangalov M.A.* Public hunts among the northern Buryats: (zegate-aba — hunting for wolverines) [Obshchestvennye ohoty u severnyh buryat: (zegete-aba — ohota na rossomah)] // Materials on ethnography of Russia [Materialy po etnografii Rossii]. T.1. SPb., 1910. P. 117–154.
13. *Kobishchanov Yu.M.* Spatio-temporal structures of the history of Africa [Prostranstvenno-vremennye struktury istorii Afriki] // Africa: the emergence of backwardness and ways of development [Afrika: vzniknovenie otstalosti i puti razvitiya]. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1974. P. 5–46.
14. *Kobishchanov Yu.M.* African feudal societies: reproduction and uneven development [Afrikanskie feodal'nye obshchestva: vosproizvodstvo i neravnomernost' razvitiya] // Africa: the emergence of backwardness and ways of development [Afrika: vzniknovenie otstalosti i puti razvitiya]. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1974. P. 85–291.
15. *Kobishchanov Yu.M.* The peasantry and the proto-peasantry in Africa [Krest'yanstvo i protokrest'yanstvo v Afrike] // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya]. 1982. № 1. P. 38–40.
16. *Kobishchanov Yu.M.* Small-scale production in the communal-caste systems of Africa [Melkonatural'noe proizvodstvo v obshchinno-kastovyh sistemah Afriki]. Moscow: Nauka, 1982.
17. *Kobishchanov Yu.M.* Secret religious and magical societies [Tajnye religiozno-magicheskie obshchestva] // Traditional and syncretic religions of Africa. Religions in the XX century [Religii v XX veke. Tradicionnye i sinkreticheskie religii Afriki]. M.: Nauka i iskusstvo, 1986. P. 143–158.
18. *Kottack C.P.* Ecological Variables in the Origin and Evolution of African State: the Buganda Example // Comparative Studies in Society and History, Cambridge, 1972. Vol. 14. № 3. P. 351–380.
19. *Krylov V.V.* Features of the development of productive forces and the reproductive process in developing countries [Osobnosti razvitiya proizvoditel'nyh sil i vospro-izvodstvennogo processa v razvivayushchihsya stranah] // Economics of developing countries: theory and research methods [Ekonomika razvivayushchihsya stran: teoriya i metody issledovaniya]. Moscow, 1979. P. 152–185.
20. *Lewis I.M.* Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Sano. London: International African Institute, 1955.
21. *Lhote H.* Les Touaregs du Hoggar. Paris: A. Colin, 1984.

22. Maquet J.-J. The Premise of Inequality in Ruanda: A Study of Political Relations in a Central African Kingdom. London: Oxford University Press, 1961.
23. Maquet J.-J. Une hypothèse pour études des feodalités africaines // Cahier d'études africaines. Vol. 2. Issue 6. 1961. P. 292–314.
24. Stuchevskij I.A. The temple form of the royal economy of Ancient Egypt [Hramovaya forma carskogo hozyajstva Drevnego Egipta]. Moscow: Izd-vo vostochnoj literatury, 1962.
25. Tyumenev A.I. The state economy of ancient Sumer [Gosudarstvennoe hozyajstvo drevnego Shumera]. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akademii nauk USSR, 1956.

Ключевые слова:

Ю.М. Кобицанов, феодализм, теория большой феодальной формации, крестьянство, отношения владения, виды внеэкономического принуждения.

Yuri M. Kobishchanov

THE THEORY OF THE GREAT FEUDAL FORMATION

The article presents the theory of the Great Feudal Formation formulated by the historian and ethnologist Yuri M. Kobishchanov in the 50–60th years of the XX century. Within the framework of this concept, such fundamental historical phenomena as «feudalism»; the evolution of civilizations and proto-civilizations; types and subtypes of the personality of the feudal formation, including proto-peasants, classical and caste peasants; conditionally large-scale and small scale natural production, which is the main cell of the productive forces of feudalism; the incompatibility of the concepts of «property» and «ownership relations»; the interrelation of various types of non-economic coercion (state, community-caste and spiritual ones) are being reinterpreted. The article was first published in 1992 in the journal «Voprosy istorii» («Questions of History») and is being republished in connection with the death of its author on July 29, 2022.

Key words: Yuri M. Kobishchanov, feudalism, the theory of the Great Feudal formation, peasantry, ownership relations, types of non-economic coercion.

Yuri M. Kobishchanov – D.Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences.

 Кобищанов Юрий Михайлович (1934–2022)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института Африки РАН

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.009

С.А. Кириллина, П.В. Шлыков

ИССЛЕДОВАНИЯ ВАКФОВ В МИРОВОЙ ОСМАНИСТИКЕ И ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА М.С. МЕЙЕРА

Вакф относится к числу основополагающих универсальных институтов ислама, которому принадлежит исключительно важная роль в экономической, политической и культурной жизни мусульманской общины. Без осознания значимости этого института невозможно понять механизм функционирования мира ислама и его составляющих, включая помимо мусульман и другие этноконфессиональные группы, в том числе христианские и иудейские.

В мусульманском праве (*фикхе*) понятие «вакф» (мн.ч. *аукаф*), или «хубус»¹, означает неотчуждаемое имущество, переданное одним чело-

¹ *Хабс* или *хубус* (мн.ч. *ахбас*) — синоним слова «вакф». Они использовались в маликитском *мазхабе* (религиозно-правовой школе), и поэтому в Тунисе, Алжире и Марокко институт вакфа исторически стал именоваться *хубус*. Впоследствии это понятие перешло и в лексикон французских юристов как *habous* [см.: *Gibb H.A.R., Kramers J.H. Shorter Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1953. P. 624–627*].

веком² — учредителем вакфа (*вакиф*)³ — на религиозные и благотворительные цели общине, организации или отдельному человеку⁴. Собственность, переданная в вакф, трактуется как благотворительное учреждение, доходы от которого тем или иным образом идут на нужды мусульманской общины (*уммы*). Получателями доходов от вакфов могли быть как отдельные лица (в том числе родственники *вакифа*), так и группы людей (например, нуждающиеся, проживающие в том или ином городском квартале), а также общественно-религиозные и социальные институты (мечети, медресе, больницы и т. д.). При передаче движимого и недвижимого имущества в вакф права собственности на него условно приостанавливаются: то, что стало вакфом, уже нельзя продать, подарить и наследовать, отсюда становится понятным смысл одного из значений арабского слова «вакф» — «остановка, задержка». Имущество, ставшее вакфом, перестает быть собственностью учредителя вакфа, однако оно и не становится собственностью того, в пользу кого оно было передано, обращено в вакф и того, кто будет в дальнейшем получать с него доходы⁵.

² Согласно классической трактовке положений о вакфе в мусульманском праве, учреждение вакфа — акт индивидуального благочестия, однако в источниках содержатся многочисленные примеры «коллективных» вакфов, которые создавались, например, целыми гильдиями (*эснаф*) или жителями квартала (*махалле*) для своего общего использования [см.: *Akarlı E. Gedik: Implements, Masterships, Shop Usufruct and Monopoly among Istanbul Artisans, 1750–1850 // Wissenschaftskolleg Jahrbuch (1985–1986). P. 223–232; Faroqi S. Ottoman Guilds in the Late Eighteenth Century. The Bursa Case // Making a Living in the Ottoman Lands 1480–1820. Edited by S. Faroqi. Istanbul, 1995. P. 93–112].*

³ Учредителем вакфа может быть лицо как мужского, так и женского пола. Он должен быть свободным человеком в постпубертатном возрасте, старше 14–15 лет, в здравом уме и доброй памяти, не обремененным долгами и обладать безусловным правом собственности на имущество, обращаемое в вакф.

⁴ Существует мнение, что учреждение вакфа, прежде всего благотворительного, это утверждение приоритета общих целей над частными, своеобразное отражение одного из основных смыслов исламского учения, где часто проявляется забота о людях вообще, но не об интересах отдельного человека. Последний почти всегда воспринимается как член коллектива. Именно корпоративный характер вакуфной собственности определил значительную роль вакфа в эволюции форм собственности с ее преимущественной ориентацией на общественный характер владения землей и различными природными богатствами [*Peters R. Wakf in Classical Islamic Law // Encyclopaedia of Islam. Second Edition. Vol. 11. Leiden, 1955–2005. P. 59–60].*

Благодаря доходам с вакуфного имущества, направляемым на строительство и содержание медресе, библиотек, больниц и реализацию социальных программ, исламское общество могло удовлетворить свои нужды, опираясь на собственные ресурсы, а не на государство.

⁵ Таким образом, учреждение вакфа — не есть акт купли-продажи или передачи собственности в наследство. Поскольку вакф учреждается в первую очередь «во имя Аллаха», вакуфная собственность переходит к единственному, в понимании

Хотя в Коране не содержится никакой информации, связанной с вакфом, тем не менее для правоведов ранней исламской поры все было предельно ясно, поскольку они вообще не задавались вопросом о происхождении вакфа, а лишь констатировали факт его появления на свет, опираясь на достоверный, по их убеждению, материал *хадисов*⁶.

Появление первого в исламе вакфа факихи⁷ связывают с именем будущего второго «справедного халифа» Омара ибн аль-Хаттаба (правил с 634 по 644 г.). Согласно хадису, включенному в собрания аль-Бухари (810–870) и других высокоавторитетных мухаддисов⁸, в 629 г. Омар спросил пророка Мухаммада, что он может сделать для членов мусульманской общины. На это Пророк ответил Омару, что тот мог бы выделить часть принадлежащих ему садов в оазисе Хайбар и предназначить получаемые с них доходы для тех, кто нуждается в помощи. Омар так и сделал, при этом он предписал не продавать, не дарить эти земли и использовать их только с благотворительными целями.

Когда же за дело берутся востоковеды — эксперты по вакфам, вопрос о происхождении вакфа неизмеримо усложняется, и бурные дискуссии по этому вопросу продолжаются до сих пор. Перед учеными, исследующими феномен вакфа, неминуемо встает вопрос, в чем же состоит

мусульман, истинному владельцу всего имущества, к Аллаху, и лишь доходы от вакуфного имущества используются на благо мусульманской общины (*уммы*) [Peters R. Wakf... P. 59–62; Нофаль И.Г. Курс мусульманского права, читанный в 1884/85 г. в учебном отделении Восточных языков при Азиатском департаменте профессором И. Нофалем. Вып. 1. О собственности. СПб., 1886; Торнау Н.Е. Мусульманское право. Сочинение барона Торнау. Вып. 1. О праве наследства по закону. СПб., 1866].

⁶ *Хадис* (араб. *ḥadīth* — «новость», «известие», «рассказ») — предание о словах и действиях Мухаммада, затрагивающее различные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины. Хадис состоит из двух частей: собственно информационной, называемой *матн*, и *иснада* — перечисления людей, передававших друг другу текст матна из поколения в поколение. Хадисы считаются вторым после Корана источником права, на них основана Сунна, они содержат в себе значительную часть принципов и идей ислама. Именно хадисы стали средством приспособления ислама к новым социальным и идейным ситуациям, которые возникли после мусульманских завоеваний и возникновения Халифата.

⁷ *Факих* (от араб. *faqīh(a)* — буквально «знающий») — богослов-законовед, знаток богословско-правового комплекса (*фикх*). Человек, занимающийся разработкой проблем *фикха*, преподающий *фикх* или просто получивший соответствующее образование и выносящий с точки зрения *фикха* суждения по поводу различных проблем жизни общества.

⁸ *Мухаддис* — исламский ученый-хадисовед, занимающийся наукой о хадисах и их методологией.

философия вакфа, почему возникла надобность в подобном институте и какова его социальная подоплека⁹.

Не вызывает сомнения, что институт вакфа появился в результате процесса, ассимилировавшего внеисламскую практику благотворительности и наследования и исламскую идею милостыни — *садаки*¹⁰. Вакф никогда не был единым гомогенным институтом. Под институтом вакфа подразумевается своего рода «всеохватная» категория, с помощью которой мусульманское общество и мусульманское право усваивали различные вариации благотворительной и наследственной практики.

Юридические правила, относящиеся к регулированию вакуфной собственности, формулировались на протяжении столетий, при этом суждения по связанным с вакфами конкретным вопросам разнятся от *мазхаба* к *мазхабу*¹¹ и от одного юриста к другому в рамках одной суннитской школы законоведения.

Вакф представляет собой не только религиозный и правовой институт, но и важную социально-экономическую категорию, которая и сегодня не утратила своего значения в мусульманских обществах. Со времени своего возникновения на рубеже VII–VIII вв.¹² вакфы играли заметную роль в формировании и функционировании мусульманского общества, на протяжении столетий определяли многие аспекты соци-

⁹ Зачинателем изучения вопроса о философии вакфа как социального феномена и его истоках выступил французский востоковед Клод Каэн (1909–1991), исследования которого носили скорее теоретизирующий, абстрактный характер [см., напр.: *Cahen C. Réflexions sur le waqf ancien // Studia Islamica. Vol. 14 (1961). P. 37–56*].

¹⁰ *Садака* (от араб. *ṣadaqa* — «искреннее деяние») — милостыня, добровольное пожертвование на различные благотворительные цели (прежде всего, помощь нуждающимся). Раздача *садаки* является нормой, закрепленной Кораном [*сура 2 аят 195, 262, 263, 270; сура 4 аят 114, сура 9 аят 58, 60, 79, 103, 104; сура 58 аят 12–13*], и вменяется в обязанность всякому, кто имеет для этого возможность. В первые века существования ислама *садака* и *закят* зачастую употреблялись как синонимичные понятия. Не существует жестко установленной формы предоставления *садаки* (она может быть дана в виде милостыни или в качестве взноса в общественный фонд, созданный для финансирования какого-либо общественно значимого проекта). Претендовать на средства от *садаки* могут мусульмане, не имеющие возможности как временно, так и постоянно выплачивать *закят*, а также немусульмане в мусульманской стране, без средств к существованию.

¹¹ *Мазхаб* (от араб. *madhhab* — «метод») — богословско-правовая школа, толк (в широком смысле — учение, доктрина). В суннитском исламе традиционно выделяют четыре основные богословско-правовые школы — ханафитов, маликитов, шафиитов и ханбалитов.

¹² Самый ранний сохранившийся до наших дней образец документа об установлении вакфа (*вакфийа*) относится к концу II в. хиджры, т.е. 719–816 гг.

ально-экономической и религиозной жизни. Их влияние заключалось в том, что они принимали на себя часть функций государства в социальной сфере, а получив широкое распространение в различных регионах исламского мира, оказались способны удовлетворять не только индивидуальные и групповые, но и государственные нужды¹³. В этом и кроется удивительная жизнеспособность вакфа, позволившая ему стать одним из тех исламских социально-экономических институтов, которые, несмотря на потрясения Кемалистской революции в Турции — конфискацию многих объектов вакуфной собственности и ужесточение законодательства, регулирующего их деятельность, попытки «секуляризовать» вакфы и поставить их на службу государственным интересам — смогли не только выжить, но и сохранить свои позиции в различных сферах общественной жизни.

Изучение вакфов изначально было частью обширного поля исследований культуры и истории исламского мира, в том числе Османской империи. Однако сам по себе этот институт долгое время не вызывал большого интереса у исследователей и, как следствие, не становился предметом самостоятельных научных изысканий.

Работы конца XIX — начала XX в., затрагивающие проблематику вакфов, ставили перед собой задачу формального и юридического определения института, не задаваясь вопросами о его функциональных особенностях и значении для общественного развития. Достаточно обратиться к библиографии статьи о вакфах в первом издании лейденской «Энциклопедии ислама» (1936)¹⁴, чтобы убедиться в абсолютном доминировании публикаций правового характера, рассматривающих нормы классического вакуфного права и место этого института в *фикхе*¹⁵.

Следующим этапом в изучении вакфов стало отступление от семантических подходов и правового детерминизма, позволившее на-

¹³ См.: *Deguilhem R. Waqf in the Ottoman Empire to 1914 // Encyclopaedia of Islam. Second Edition. Vol. 11. Leiden, 1955–2005. P. 87–92.*

¹⁴ *Heffening W. Wakf // Encyclopaedia of Islam. First Edition. Vol. 3. Leiden, 1913–1936.*

¹⁵ В дальнейшем (в 1950-е и даже 1980-е гг.) это направление исследований имело много последователей, проделавших большую работу по изучению различных реформ в области вакуфного законодательства и преобразований системы вакфов в разных регионах в XIX и начале XX в. Наибольшее признание получили труды Джеймса Нормана Андерсона, Асафа Али Фызи, Махмуда Тахира, Джона Роберта Барнэ, Габриэля Бэра, Ренди Дегилэм, Ури Купфершмидта, Аарона Лайиша, Ицхака Рейтера, Майкла Дампера, Джамала Малика, Абдельхамида Хении, Грегори Козловски, Питера Хеннигана, Веры Мутафчиевой. В один ряд с ними можно поставить и работы отечественных востоковедов — А.С. Тверитиновой, П.П. Иванова, Ф.М. Ацамбы, М.С. Мейера.

чать рассмотрение вакфов в более широком социально-экономическом контексте. Пионерами этого направления выступили турецкие историки Омер Лютфи Баркан, Фуад Кёпрюлю и Исмаил Хаккы Узунчаршылы, при участии которых в 1938 г. начал издаваться специальный журнал «Вақыфлар Дергиси» («Журнал вакфов»), ставший площадкой для научных дискуссий о вакфах и местом публикаций не только турецких, но и западных и даже советских исследований. Появление журнала имело определенный резонанс в научном сообществе. Так, советский тюрколог академик В.А. Гордлевский в своей рецензии на «издания управления вакуфов Турции» подробно разобрал содержание первых выпусков журнала и отмечал «бесспорную ценность» этого проекта для «изучения внутренней истории Турции»¹⁶.

В 1938 г. параллельно с «Вақыфлар Дергиси» под патронажем Главного управления вакфов Турецкой Республики начал печататься документальный альманах «Тюрк Вакфиелери» («Турецкие вакфие»). В первом выпуске этого издания было опубликовано три документа времен султана Мехмеда II Фатиха (1432–1481) — факсимиле оригинала, турецкий транслитерированный текст и переводы на современный язык¹⁷. Однако вскоре издание журнала было приостановлено. Все основные публикации было решено сконцентрировать в главном «ведомственном журнале» — «Вақыфлар Дергиси». Вслед за публикациями источников на турецком языке в «Тюрк вакфиелери» и «Вақыфлар Дергиси» стали появляться их переводы на русский язык с комментариями отечественных востоковедов и османистов — А.М. Шамсутдинова¹⁸, А.С. Тверитиновой¹⁹, А.К. Арендса, А.Б. Халидова, О.Д. Чехович²⁰ и Р.Г. Мукминовой²¹.

¹⁶ Гордлевский В.А. Избранные сочинения в 4 тт. Т. IV. Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968, с. 549.

¹⁷ Fatih Mehmet II Vakfiyeleri (861/1456). Türk Vakfiyeleri. Ankara, 1938.

¹⁸ «Вакф-наме» Ибрагима бея из княжества Караман. Пер. А.М. Шамсутдинова // Краткие сообщения Института востоковедения. Vol. XXII. М., 1956.

¹⁹ Вакуфная грамота султана Мурада I. Пер. А.С. Тверитиновой // Тверитинова А.С. Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы. М., 1963; Вакуфная запись на мечети Умур-бея в Бурсе. Пер. А.С. Тверитиновой // Тверитинова А.С. Аграрный строй...; Вакуфная грамота Хани-хатун — внучки султана Мехмеда II. Пер. С.Б. Певзнера и А.С. Тверитиновой // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. М., 1974.

²⁰ Бухарский вакф XIII в. (Факсимиле. Издание текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А.К. Арендса, А.Б. Халидова, О.Д. Чехович). М., 1979.

²¹ Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент, 1966.

Кампания по публикации переводов вакуфных грамот и других связанных с ними документальных источников и опыт их научного комментирования²² придали мощный импульс вакуфным исследованиям.

С этого времени внимание исследователей сконцентрировалось на экономическом потенциале вакфов, их значении для развития земельных отношений и подобных вопросов. Основываясь на тщательном изучении вакуфных грамот и записей в реестровых книгах (*дефтерах*), Баркан и Кёпрюлю показали, что раздача султанами земель в полную собственность (*мюльк*) и образование на основе мюльков обширной системы вакуфного землевладения явились одним из важнейших средств освоения османами захваченных территорий, восстановления опустошенных в процессе завоевания земледельческих районов и организации хозяйственной жизни²³. Наблюдения Баркана и Кёпрюлю нашли подтверждение и в работах других историков, в частности Тайипа Гёкбилгина²⁴. Схожие взгляды на вакфы высказывали и британские исследователи Гамильтон Гибб и Гарольд Боуэн в своей знаменитой работе «Мусульманское общество и Запад» (1950–1957)²⁵.

Количественный и качественный рост вакуфных исследований в 1950-е – 1970-е гг., связанный с общим оживлением научного интереса к исламскому миру и утверждением более взвешенного подхода к изучению традиционных структур мусульманских обществ, привел к тому, что тема вакфов стала неотъемлемой частью работ по социально-экономической истории мусульманских стран и соответствующих университетских учебных курсов, прочно вошла в число основных программных сюжетов международных симпозиумов и конференций. Последнее было крайне важно для выработки новых подходов к их изучению. Первой из подобных международных конференций, цели-

²² *Uzunçarşılı İ.H.* Germiyanoglu Yakup Bey Vakfiyesi, Kütahya Şehri. İstanbul, 1932; Fatih Mehmet II Vakfiyeleri...; Vakıflar Dergisi, Sayı I-XXVII, Ankara, 1938–1998.

²³ *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Bir İskân ve Kolonizasyon Metodu Olarak Vakıflar ve Temlikler I, İskân Devirlerinin Kolonizatör Türk Dervişleri ve Zaviyeler // Vakıflar Dergisi, Sayı II. Ankara, 1942. S. 279–386; *Köprülü F.* Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihi Tekâmülü // Vakıflar Dergisi, Sayı II. Ankara, 1942. S. 1–35; *Köprülü F.* Vakıf Müessesesi ve Vakıf Vesikalarının Tarihi Ehemmiyeti // Vakıflar Dergisi, Sayı I. Ankara, 1938. S. 1–6.

²⁴ *Gökbilgin M.T.* XV–XVI. Asırlarda Edirne ve Paşa Livası Vakıflar-Mülkler-Mukataalar. İstanbul, 1952.

²⁵ *Gibb H.A.R., Bowen H.* Islamic Society and the West. Part II. London, 1957. P. 165–178.

ком и полностью посвященных вакфам, стал семинар, организованный в 1979 г. профессором Габриэлем Бэром в Иерусалиме²⁶. В его работе активное участие приняло более трех десятков ученых — специалистов по разным регионам и отраслям востоковедной науки (Омер Лютфи Баркан, Рональд Дженнингс, Метин Кунт, Абрахам Маркус, Вера Мутафчиева, Рут Родед, Гэд Джилбар и др.). Тематика представленных на нем докладов — экономическое значение вакфов и их роль в организации городского хозяйства, вакфы и система наследования, влияние вакфов на функционирование социальных систем, отношение государства к вакфам — выявила узловые проблемы в изучении вакфов, определила характер и направления будущих исследований (повышенное внимание к социальной и экономической истории, использование количественных методов).

В целом, эти начинания дали мощный импульс исследованию классических вакфов, в том числе функционированию их системы в Османской империи XV–XVIII вв., серьезно расширили круг анализируемых вопросов и обеспечили количественный и качественный рост исследований о вакфах, наблюдавшийся последние три десятилетия лет.

Работы 1980-х и 1990-х гг. в массе своей были направлены на дальнейшее изучение особенностей функционирования и деятельности системы вакфов в рамках традиционных обществ. Общим стало применение комплексных подходов в анализе института вакфа и использование данных вакуфных документов для исследования как общих проблем, так и частных сюжетов социальной и экономической истории.

Тщательный анализ количества вакфов, большого разнообразия их уставных целей, номенклатуры бенефициаров и распорядителей позволил оценить реальные масштабы деятельности вакфов, доказать общеизвестный на сегодняшний день факт о том, что вплоть до конца XIX в. все общественные или «муниципальные» службы (социальное обеспечение, образование, религиозные организации, строительство и поддержание дорог и мостов, систем водоснабжения, больниц, странноприимных домов, постоянных дворов — т.е. обеспечение функционирования существующей социальной инфраструктуры) финансировались и осуществлялись, в основном, за счет вакфов. Особая роль принадлежит

²⁶ International Seminar on Social and Economic Aspects of the Muslim Waqf, Jerusalem, June 24–28, 1979.

вакфам в развитии мусульманского образования. Вакфы спонсировали медресе, библиотеки, переводческие центры, за счет вакуфных доходов выплачивались жалование учителям и наставникам, а также стипендии учащимся. Открытость и доступность мусульманского образования, его широкое распространение, разветвленная сеть традиционных мусульманских школ и образовательных центров целиком зиждились на вакуфном фундаменте.

Полифункциональный характер вакфов (их использование в качестве инструмента государственной политики исламизации захваченных территорий, для поддержания влияния и престижа среди населения, укрепления связей центра с отдаленными провинциями, налаживания отношений между имущими слоями и простыми подданными, контроля над многочисленными бенефициарами — «клиентами» вакфов) стал основной темой в работах Аарона Лайиша²⁷, Веры Мутафчиевой²⁸, Хаима Гербера²⁹, Дорис Беренс-Абусейф³⁰, Рональда Дженнинга³¹, Сурайи Фароки³², Грегори Козловского³³, Метина Кунта³⁴, Энн Лэмбтон³⁵, Роберта МакЧесни³⁶, Ричарда ван Ливена³⁷, Одед

²⁷ *Layish A.* Waqfs and Sufi Monasteries in the Ottoman Policy of Colonization: Sultan Selim I's Waqf of 1516 in Favour of Dayr al-Asad // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 50 (1987). P. 61–89.

²⁸ *Moutaftchieva V.* Le vakıf — un aspect de la structure socio-économique de l'Empire Ottoman (XVe — XVIIe s.). Sofia, 1981.

²⁹ *Gerber H.* The Waqf Institution in Early Ottoman Edirne // *Asian and African Studies*. Vol. 17 (1983). P. 29–45.

³⁰ *Behrens-Abouseif D.* Egypt's Adjustment to Ottoman Rule: Institutions, Waqf and Architecture in Cairo (16th and 17th Centuries). Leiden, 1994. P. 145–177, 271–272.

³¹ *Jennings R.C.* Pious Foundations in the Society and Economy of Ottoman Trabzon, 1565–1640 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 33. (1990). P. 271–336.

³² *Faroghi S.* Pilgrims and Sultans: The Hajj under the Ottomans 1517–1683. London, 1994.

³³ *Kozłowski G.C.* Imperial Authority, Benefactions and Endowments (*Awqaf*) in Mughal India // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 38. Issue 3 (1995). P. 355–370.

³⁴ *Kunt I.M.* The *Vakıf* as Instrument of Public Policy: Notes on the Köprülü Family *Vakıfs* // Paper presented at the International Seminar on Social and Economic Aspects of the Muslim Waqf, Jerusalem, June 24–28, 1979.

³⁵ *Lambton A.K.S.* *Awqaf* in Persia: 6th–8th/12th–14th Centuries // *Islamic Law and Society*. Vol. 4 (1997). P. 298–318.

³⁶ *McChesney R.D.* Waqf and Public Policy: The Waqfs of Shah 'Abbas: 1011–1023/1602–1614 // *Asian and African Studies*. Vol. 15 (1981). P. 165–190.

³⁷ *Leeuwen R. Van.* Notables and Clergy in Mount Lebanon: The Khazin Sheikhs and the Maronite Church (1736–1840). Leiden, 1994.

Пери³⁸, Карла Петри³⁹, Бахаеддина Йедийылдыза⁴⁰, Саида Аржоманда⁴¹ и др.

Более широкое использование судебных реестров-*сиджиллов*, количественный контент-анализ *вакфие* (араб. *вакфийа*)⁴² вместе с привлечением данных из других документальных источников сделали возможным многочисленные «ситуационные исследования» со сплошной выборкой, анализирующие численность и другие ключевые параметры всей совокупности вакфов отдельных регионов в определенный отрезок времени (для центральных провинций Османской империи, Египта, Бейрута и Мосула — подобные обобщения сделал Дэниэл Креселиус⁴³, для Эдирне — Хаим Гербер⁴⁴, для анатолийских городов XVI в. — Сурайя Фароки⁴⁵, для Стамбула XVI в. — Омер Лютфи Баркан и Экрем Хаккы Айверди⁴⁶, для Халеба XVIII в. — Фурузан Сельчук⁴⁷, по малоазиатским провинциям Османской империи в XVI–XVII в. — Хасан Юксель⁴⁸, для XVIII в. — Бахаеддин Йедийылдыз⁴⁹, для XIX в. — Назиф Озтюрк⁵⁰). Эти работы показали, что с системой вакфов были связаны представители

³⁸ Peri O. The Waqf as an Instrument to Increase and Consolidate Political Power: The Case of Khasseki Sultan Waqf in Late Eighteenth-Century Ottoman Jerusalem // *Asian and African Studies*. Vol. 17 (1983). P. 47–62.

³⁹ Petry C.F. A Paradox of Patronage During the Later Mamluk Period // *The Muslim World*. Vol. 73 (1983). P. 182–207.

⁴⁰ Yediyıldız B. Institution du Vaqf au XVIIIe siecle en Turquie — Etude socio-historique. Ankara, 1985.

⁴¹ Arjomand S.A. Philanthropy, the Law, and Public Policy in the Islamic World before the Modern Era // *Philanthropy in the World's Traditions*. Bloomington, 1998.

⁴² *Вакфие* (от араб. *wāqfiyya*) — учредительный акт об основании вакфа, устав вакфа.

⁴³ Creceius D. Introduction // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 38. Issue 3 (1995). P. 247, 249–251.

⁴⁴ Gerber H. The Waqf Institution... P. 30.

⁴⁵ Faroqi S. Towns and Townsmen of Ottoman Anatolia: Trade, Crafts and Food Production in an Urban Setting, 1520–1650. Cambridge, 1984. P. 351–352.

⁴⁶ Barkan Ö.L., Ayverdi E.H. İstanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli. İstanbul, 1970. S. VIII/Tablo-I.

⁴⁷ Selçuk F. Vakıflar (Başlangıçtan 18. Yüzyıla Kadar) // *Vakıflar Dergisi*, Sayı VI, Ankara, 1965. S. 21–29.

⁴⁸ Yüksel H. XVI. Yüzyılda Osmanlı Vakıfları // Halil İnalçık Hatıra Sayısı. İstanbul, 1998; Yüksel H. Osmanlı Sosyal ve Ekonomik Hayatında Vakıfların Rolü (1585–1683). Sivas, 1998. S. 22.

⁴⁹ Yediyıldız B. Institution du Vaqf... P. 151.

⁵⁰ Öztürk N. Türk Yenileşme Tarihi Çerçevesinde Vakıf Müessesesi. Ankara, 1995. S. 34.

практически всех слоев арабо-османского общества — вне зависимости от материального состояния⁵¹, пола и религии⁵².

Документальное подтверждение «всеохватывающего» характера системы вакфов заставляло переосмыслить многие устоявшиеся ранее представления об исламских обществах и их культуре, четко высветило колоссальное социально-экономическое значение вакфов, во много раз превосходящие их благотворительные функции. Начали подниматься такие довольно специфические сюжеты, как особенности вакфов, учрежденных немусульманами. Их исследование и сравнение с «мусульманскими» дало много важной информации о том, как *зимми*⁵³ приспособлялись к исламской культурной среде (иудейские вакфы анализировали Моше Гил, Хаим Гербер и Шеломо Гойтейн⁵⁴, христианские — Рон Шахам⁵⁵, маронитские — Ричард ван Ливен⁵⁶).

Важным направлением стало изучение динамики возникновения вакфов и ее основных детерминант — социальных, экономических, политических. Успехов в этом достигли Габриэль Бэр⁵⁷, Омер Лютфи Бар-

⁵¹ От влиятельных и богатых до обладавших весьма скромным состоянием, состоящим, к примеру, из одной комнаты или части жилого дома.

⁵² Вакфы могли основывать не только мусульмане, но и *зимми*.

⁵³ *Зимми* (осм. *zimmi* от араб. *dhimma*), *ахл аз-зимма* (араб. «покровительствуемые») — немусульмане, проживавшие в землях ислама и находившиеся под «покровительством» (*зимма*) мусульманской общины.

При основании вакфа религиозная принадлежность учредителя в расчет не берется. Исламская богословская традиция не запрещает основание немусульманских вакфов, накладывая при этом ряд ограничений на распределение вакуфных доходов. Ханафитский мазхаб, чьи установления касательно вакфов в целом приняты остальными суннитскими религиозно-правовыми школами, требовал, чтобы благотворительная деятельность немусульманских вакфов считалась таковой не только в глазах *ахл аз-зимма*, но и с точки зрения шариата. В частности, христианские вакфы не могли быть основаны с целью ремонта или восстановления храма либо монастыря, равно как и для материального поддержания духовенства. Тем самым доходы с христианского вакуфного имущества должны были идти не на укрепление экономических позиций церковной организации, а исключительно на помощь малоимущим.

⁵⁴ Gill M. Documents of the Jewish pious foundations from the Cairo Geniza. Leiden, 1976; Goitein S.D. A Mediterranean Society. Vol. II: The Community. Berkeley-Los Angeles, 1971. P. 1–143, 88–90.

⁵⁵ Shabam R. Christian and Jewish Waqf in Palestine During the Late Ottoman Period // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 54 (1991). P. 460–472.

⁵⁶ Leeuwen R. Van. Notables and Clergy...

⁵⁷ Baer G. The Dismemberment of *Awqaf* in Early 19th Century Jerusalem // Asian and African Studies. Vol. 13 (1979). P. 220–241.

кан⁵⁸, Экрем Хаккы Айверди⁵⁹, Мириам Хокстер⁶⁰, Абрахам Маркус⁶¹, Абдульхамид Хения⁶².

Введение в научный оборот большого числа документальных источников и «открытие» обширных османских архивов, совершившее, по меткому выражению известной французской исследовательницы американского происхождения Ренди Дегилэм, «революцию в изучении вакфов»⁶³, побудили исследователей обратиться к анализу финансово-экономической деятельности вакфов⁶⁴. Так, появились работы, рассматривающие принципы управления крупными вакфами и распространённую в их среде коррупцию и злоупотребления (Сурайя Фароки, Хаим Гербер, Рональд Дженнингс, Роберт МакЧесни, Андре Раймон и др.)⁶⁵, механизмы долгосрочной аренды и «замены» вакуфного имущества (Габриэль Бэр, Ренди Дегилэм, Мириам Хокстер)⁶⁶,

⁵⁸ *Barkan Ö.L., Ayverdi E.H. İstanbul Vakıfları... P. xxx.*

⁵⁹ *Ibid.*

⁶⁰ *Hoexter M. Endowments, Rulers, and Community: Waqf al-Haramayn in Ottoman Algiers. Leiden, 1998.*

⁶¹ *Marcus A. The Middle East on the Eve of Modernity: Aleppo in the Eighteenth Century. N.-Y., 1989. P. 210, 304.*

⁶² *Hénia A. Pratiques habous, mobilité sociale et conjoncture à Tunis à l'époque moderne (XVIIIe–XIXe siècle) // Le waqf dans l'espace islamique: outil de pouvoir socio-politique. R. Deguilhem ed. Damas, 1995. P. 71–100.*

⁶³ *Deguilhem R. Waqf in the Ottoman Empire... P. 88.*

⁶⁴ Продуктивным начинанием в целях изучения феномена вакфа стал многолетний ежемесячный научно-исследовательский семинар «Осмысление вакфа от его зарождения на земле ислама до наших дней», проходивший под руководством Ренди Дегилэм с 2010 г. в парижском Институте ислама и обществ мусульманского мира (Institut d'étude de l'Islam et des sociétés du monde musulman / IISMM, EHESS).

⁶⁵ См.: *Raymond A. Préface // Le waqf dans l'espace islamique: outil de pouvoir socio-politique. R. Deguilhem ed. Damas, 1995. P. 11–13; Faroqhi S. Vakıf Administration in Sixteenth Century Konya: The Zaviye of Sadreddin-i Konevi // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 17 (1974). P. 145–172; Faroqhi S. The Tekke of Hacı Bektaş: Social Position and Economic Activities // International Journal of Middle East Studies. Vol. 7 (1976). P. 183–208; Faroqhi S. Seyyid Gazi Revisited: The Foundation as Seen through Sixteenth and Seventeenth Century Documents // Turcica. Vol. 13 (1981). P. 90–122; Gerber H. Economy and Society in an Ottoman City: Bursa 1600–1700. Jerusalem, 1988; Jennings R.C. Pious Foundations in the Society and Economy of Ottoman Trabzon, 1565–1640 // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 33, (1990). P. 271–336; McChesney R.D. Waqf in Central Asia. Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine 1480–1889. Princeton, 1991.*

⁶⁶ *Baer G. The Dismemberment... P. 220–241; Deguilhem-Schoem R. The Loan of Mursad on Waqf Properties // A Way Prepared: Essays on Islamic Culture in Honor of Richard Bayly Winder. N.-Y., 1988. P. 68–79; Deguilhem R. Waqf Documents: a Multi-Purpose Historical Source — the Case of 19th Century Damascus // Les villes dans l'empire ottoman: activités et sociétés. T. I. P., 1991. P. 76–95; Gerber H. Economy and Society...*

функционирование денежных вакфов (Джон Мандавиль, Мурат Чизакча)⁶⁷.

Изучение вакфов также стало важной частью гендерных исследований. Собранные данные по учредителям вакфов опровергли распространенное мнение о том, что женщины не могли владеть собственностью. Как показали в своих работах Габриэль Бэр, Бешара Думани, Хаим Гербер, Абрахам Маркус, Маргарет Мериветер и ряд других авторов, в разных регионах среди учредителей вакфов доля женщин, разнородных по своему социальному происхождению и материальному достатку, колебалась от 20% до 50%⁶⁸.

Вакуфные грамоты выступили ценным и информативным источником для исследователей исламского города. Первые работы, рассматривающие значение вакфов для развития городов и использующие данные о вакфах для воссоздания целостной картины городской жизни, начали появляться еще в 1960-е гг., а за последнюю четверть XX в. благодаря усилиям Андре Раймона⁶⁹, Дорис Беренс-

P. 170–78; *Hénia A.* Pratiques habous... P. 71–100; *Hoexter M.* Adaptation to Changing Circumstances: Perpetual Leases and Exchange Transactions in Waqf Property in Ottoman Algiers // *Islamic Law and Society*. Vol. 4 (1997). P. 319–333; *Hoexter M.* Endowments... P. 92–144; *Kreiser K.* Icareteyn, zur doppelten Miete im osmanischen Stiftungswesen // *Türklük Bilgisi Araştırmaları / Journal of Turkish Studies*. Vol. 10 (1986). P. 219–226; *Reiter Y.* Islamic Endowments in Jerusalem under British Mandate. London, 1996. P. 171–209; *Shinar P.* Inzal // *Encyclopaedia of Islam*. Second Edition. Leiden, 1955–2005, Supplement.

⁶⁷ *Mandaville J.E.* Usurious Piety: The Cash Waqf Controversy in the Ottoman Empire // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 10 (1979). P. 289–308; *Çizakça M.* Cash Waqfs of Bursa, 1555–1823 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 38 (1995). P. 314–354; *Rafeq A.-K.* The Syrian ‘Ulama’, Ottoman Law and Islamic Shari’a // *Turcica*. Vol. 26 (1994). P. 9–29.

⁶⁸ См.: *Baer G.* Women and Waqf: An Analysis of the Istanbul Tahrir of 1546 // *Asian and African Studies*. Vol. 17 (1983), p. 10; *Doumani B.* Endowing Family: Waqf, Property Devolution, and Gender in Greater Syria, 1800 to 1860 // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 40 (1998). P. 3–41; *Gerber H.* The Waqf Institution... P. 37; *Marcus A.* The Middle East... P. 210, 304; *Meriwether M.L.* Women and Economic Change in Nineteenth-Century Syria: The Case of Aleppo // *Arab Women, Old Boundaries, New Frontiers*. Bloomington–Indianapolis, 1993. P. 71; *Reiter Y.* Islamic Endowments... P. 58; *Humphreys R.S.* Women as Patrons of Religious Architecture in Ayyubid Damascus // *Muqarnas*. Vol. 11 (1994). P. 35–54; *Petry C.F.* A Paradox of Patronage... P. 182–207, 201.

⁶⁹ *Raymond A.* La conquête ottomane et le développement des grandes villes arabes : le cas du Caire, de Damas et d’Alep // *Revue de l’Occident Musulman et de la Méditerranée*. Vol. 27 (1979). P. 115–134; *Raymond A.* Les grands waqfs et l’organisation de l’espace urbain à Alep et au Caire à l’époque Ottomane (XVIe–XVIIe siècles) // *Bulletin d’Etudes Orientales*. Vol. 31 (1979). P. 113–128; *Raymond A.* Grandes villes arabes à l’époque ottomane. Paris, 1985.

Абусейф⁷⁰, Халиля Иналджика⁷¹, Дэниэла Креселиуса⁷², Сурайи Фароки⁷³, Рональда Дженнинга⁷⁴, Алпая Бизбирлика⁷⁵, Омера Демиреля⁷⁶, Ренди Дегилэм⁷⁷, Стефана Ерасимоса⁷⁸ и других их число ощутимо выросло⁷⁹.

Существенный вклад в исследование роли вакфов в развитии городов Османской империи внес профессор М.С. Мейер. В 1980 г. из-под его пера вышла статья «Роль вакфов в развитии городов Османской империи в XV–XVI вв.»⁸⁰, в которой на богатом документальном материале азиатских и балканских провинций выявлена и проанализирована специфика функционирования экономических и социальных структур,

⁷⁰ *Behrens-Abouseif D.* Egypt's Adjustment to Ottoman Rule: Institutions, Waqf and Architecture in Cairo (16th and 17th Centuries). Leiden, 1994.

⁷¹ *Inalcık H.* Istanbul // Encyclopaedia of Islam. Second Edition. Leiden, 1955–2005; *Inalcık H.* Capital Formation in the Ottoman Empire // Journal of Economic History. Vol. 29 (1969). P. 97–140; *Inalcık H.* The Hub of the City: The Bedestan of Istanbul // International Journal of Turkish Studies. Vol. 1 (1979/80). P. 1–17; *Inalcık H.* Istanbul: An Islamic City // Journal of Islamic Studies. Vol. 1 (1990). P. 1–23.

⁷² *Creceilius D.* The *Waqfiyah* of Muhammad Bey Abu al-Dhahab // Journal of the American Research Centre in Egypt. Vol. 15 (1978). P. 83–105. Vol. 16 (1979). P. 125–46; *Creceilius D.* The Organization of *Waqf* Documents in Cairo // International Journal of Middle East Studies. Vol. 2 (1971). P. 266–277; *Creceilius D.* The *Waqf* of Muhammad Bey Abu al-Dhahab in Historical Perspective // International Journal of Middle East Studies. Vol. 23 (1991). P. 57–81; *Badr H.A., Creceilius D.* The *Awqaf* of al-Hajj Bashir Agha in Cairo // Annales Islamologiques. Vol. 27 (1993). P. 291–308; *Badr H.A., Creceilius D.* The *Waqfiyya* of the Two Hammams in Cairo Known as al-Sukkariyya // Le waqf dans l'espace islamique... P. 133–149.

⁷³ *Faruqi S.* Towns and Townsmen...; *Fernandes L.* The Foundation of Baybars al-Jashankir: Its *Waqf*, History, and Architecture // Muqarnas. Vol. 4 (1987). P. 21–42.

⁷⁴ *Jennings R.C.* Pious Foundations... P. 271–336.

⁷⁵ *Bizbirlik A.* 16. Yüzyıl Ortalarında Diyarbekir Beylerbeyliği'nde Vakıflar. Anakra, 2002.

⁷⁶ *Demirel Ö.* Osmanlı Vakıf-Şehir İlişkisine Bir Örnek: Sivas Şehir Hayatında Vakıfların Rölü. Ankara, 2000.

⁷⁷ *Deguïlhem R.* *Waqf* Documents: a Multi-Purpose Historical Source — the Case of 19th Century Damascus // Les villes dans l'empire ottoman: activités et sociétés. T. I. P., 1991. P. 76–95.

⁷⁸ *Yerasimos S.* Les *waqfs* dans l'aménagement urbain d'Istanbul au XIXe siècle // Le waqf dans le monde musulman contemporain (XIXe–XXe siècles): fonctions sociales, économiques et politiques, actes de la Table Ronde d'Istanbul, 13–14 novembre 1992. Istanbul, 1994. P. 43–49.

⁷⁹ Подробнее см.: *Hoexter M.* *Waqf* Studies in the Twentieth Century: The State of the Art // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 41, Issue 4. P. 474–495; *Шлыков П.В.* Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011. С. 14–25.

⁸⁰ *Мейер М.С.* Роль вакфов в развитии городов Османской империи в XV–XVI вв. // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980. С. 4–21.

особенности деятельности вакуфных благотворительных и коммерческих институтов, а также взаимодействие государственной власти с обширной и разветвленной сетью вакфов. На основе данных многочисленных источников удалось показать, как в Османском государстве на средства вакфов строились и функционировали все религиозные, научно-просветительские и социальные учреждения (от мечетей и медресе до постоянных дворов, больниц и кладбищ), а также мосты, дороги и другие объекты социальной инфраструктуры. Многие из создаваемых вакфами социально-благотворительных учреждений служили всем безотносительно достатка, другие — в основном малоимущим.

Тема вакфов и их значения для городской экономики Османской империи периода Нового времени была подробно освещена в самой известной работе М.С. Мейера — увидевшем свет в 1991 г. фундаментальном исследовании асинхронной трансформации османского государства и общества в XVIII в. — «Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса»⁸¹. Если в XVI–XVII вв. совокупная доля коммерческих объектов вакфов в экономике Османского государства составляла в среднем 16–17%⁸², к концу XVIII в. увеличилась почти до 27%⁸³. В Анатолии XIX в. почти три четверти всей пахотной земли относилась к вакфам, в Алжире — без малого половина всех угодий, в Тунисе — более трети земель⁸⁴. Даже с учетом спорности методик вычислений и нехватки сопоставимых данных по неземельной собственности вакфов масштабы и разнообразие деятельности вакуфных учреждений позволяют говорить о формировании «вакуфного сектора» в экономике Османской империи. Даже один крупный вакф мог выступать центром экономической жизни. Так, основанный в 1552 г. вакф Хюррем-султан в Иерусалиме объединял без малого три десятка деревень, мельницы, базары, рынки, вплоть до XIX в. содержал соборную мечеть и столовые для неимущих⁸⁵. В конце XVIII в. вакуфные благотворительные столовые

⁸¹ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.

⁸² Barkan Ö.L., Ayverdi E.H. Istanbul Vakıfları Tahrir Defteri, 953 (1546) Tarihli. Istanbul, 1970. S. 14.

⁸³ Yediyıldız B. XVIII. Yüzyılda Türkiye’de Vakıf Müessesesi. Bir Sosyal Tarih İncelemesi. Ankara, 2003. S. 151.

⁸⁴ Öztürk N. Türk Yenileşme Tarihi Çerçevesinde Vakıf Müessesesi. Ankara, 1995. S. 109–167.

⁸⁵ Peri O. Waqf and Ottoman Welfare Policy: The Poor Kitchen of Hasseki Sultan in Eighteenth-Century Ottoman Jerusalem // Journal of the Economic & Social History of the Orient. Vol. 35. 1992. P. 170–171.

кормили ежедневно более 30 тыс. стамбульцев⁸⁶. На попечении вакфов находились многочисленные больницы, приюты и сиротские дома, на средства вакфов содержались системы городского водоснабжения, даже забота о бездомных животных находилась в ведении вакфов. Существовала также и специфическая форма «денежных вакфов», появившаяся еще в VIII в. как своего рода кредитная организация⁸⁷. К XVI столетию более половины всех учреждаемых вакфов были «денежными»⁸⁸, а в XVIII в. свыше трети доходов в «вакуфном секторе» генерировали «денежные вакфы» (совокупный объем находившихся в них средств превышал 42 тыс. акче)⁸⁹. Вместе с тем с изменением социально-экономической конъюнктуры эффективность функционирования разветвленной системы вакфов стала вызывать вопросы, а общественная полезность самого института начала подвергаться сомнению. Отчасти это было вызвано нарастанием финансового и экономического кризиса в империи, индикатором которого стало резкое падение стоимости денег, начавшееся еще в конце XVI в. под влиянием «революции цен» в Европе и стремительно прогрессирующее в XVIII и XIX вв. из-за «порчи монеты». Так, если в XVI–XVII вв. акче обесценился в 2–2,5 раза по официальному курсу и в 4 раза на «черном рынке»⁹⁰, то за период 1740–1844 гг. покупательная способность серебряного *куруша*⁹¹ упала примерно в 22 раза⁹². Вполне закономерно, что на фоне этих процессов финансово-экономический потенциал вакфов существенно девальвировался, а прежние модели эксплуатации коммерческих объектов оказались малоэффективными. Кроме того, в самой системе вакфов все отчетливее стал проявляться кризис управляемости.

Анализ многообразных материалов, посвященных деятельности вакфов и функционированию системы вакфов в XVI–XVIII вв., суще-

⁸⁶ Huart C. Imaret // Encyclopaedia of Islam, 1st ed. Vol. 2. Leiden. 1927. P. 475.

⁸⁷ Çizakça M. A History of Philanthropic Foundations: The Islamic World from the Seventh Century to the Present. Istanbul, 2000. P. 27–71.

⁸⁸ Çagatay N. Osmanlı İmparatorluğunda Riba-Faiz Konusu ve Bankacılık // Vakıflar Dergisi. Sayı IX. Ankara, 1970. S. 31–56.

⁸⁹ Yediyıldız B. XVIII. Yüzyılda... P. 117. Акче, акча (тур. akçe) — мелкая серебряная монета ($\frac{1}{120}$ часть *куруша*), основная денежная единица в Османской империи до конца XVIII в.

⁹⁰ Подробнее см.: Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 20–30.

⁹¹ *Куруш*, *гүруш* (тур. *kuruş* от лат. *grossus* — «большой») — турецкая серебряная монета, равная в XVIII в. 120 акче.

⁹² Issawi Ch. The Economic History of Turkey 1800–1914. Chicago-London, 1980. P. 321–326.

ственно помог М.С. Мейеру в исследовании ключевого периода на историческом пути превращения Османской империи из крупнейшей и влиятельнейшей державы Старого Света в периферийный элемент мировой капиталистической системы, раскрытии причин нелинейной эволюции Османского государства и выявления факторов формирования механизма «зависимого развития», воздействие которого отразилось и на становлении республиканской Турции.

Вакуфная документация османской поры является объемным и репрезентативным источником по разнообразной проблематике и с большим энтузиазмом изучается представительным корпусом ученых-османистов, совершивших настоящий прорыв на этом направлении. В количественном отношении связанные с вакфами османские документы, которые хранятся в архивах Стамбула, бывших провинций Османской империи и иных собраниях, исчисляются сотнями тысяч. Не зря один из ведущих американских экспертов по истории арабо-османского мира Дэниэл Креселиус во время лекции, прочитанной в стенах Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, определил значение вакуфных документов, как настоящей золотой жилы, которую разрабатывают ученые самых разных специализаций — историки, социологи, политологи, культурологи, экономисты, археологи, юристы, религиоведы, географы, этнографы, демографы, специалисты по истории архитектуры и искусства.

С головой зарываясь в архивы, исследователи много и увлеченно пишут про правовые, экономические и политические аспекты, связанные с вакфами. Какую только информацию они не извлекают из вакуфной документации, уделяя приоритетное внимание вакфу как религиозному и социальному феномену и занимаясь детальными тематическими сюжетами.

Накопление и обдумывание внушительного объема эмпирической и теоретической информации о классических вакфах (а вклад М.С. Мейера в этот процесс внушителен и многогранен) помогло существенно продвинуться в научном понимании философии вакфа как важнейшей социально-экономической категории и выявлении существенных трансформаций, произошедших с вакфами в XX в.

В целом институт вакфа оказал огромное влияние на исламскую цивилизацию и, несмотря на все перипетии своей истории в доколониальную, колониальную и постколониальную эпохи, оказался более долговечным, чем иные исламские институты, в том числе институт халифата.

REFERENCES

1. *Akarlı E.* Gedik: Implements, Masterships, Shop Usufruct and Monopoly among Istanbul Artisans, 1750–1850 // *Wissenschaftskolleg Jahrbuch* (1985–1986). P. 223–232.
2. *Arjomand S.A.* Philanthropy, the Law, and Public Policy in the Islamic World before the Modern Era // *Philanthropy in the World's Traditions*. Bloomington, 1998.
3. *Badr H.A., Crecelius D.* The Awqaf of al-Hajj Bashir Agha in Cairo // *Annales Islamologiques*. Vol. 27 (1993). P. 291–308.
4. *Badr H.A., Crecelius D.* The Waqfiyya of the Two Hammams in Cairo Known as al-Sukkariyya // *Le waqf dans l'espace islamique: outil de pouvoir socio-politique*. Edited by R. Deguilhem. Damas, 1995. P. 133–149.
5. *Baer G.* The Dismemberment of *Awqaf* in Early 19th Century Jerusalem // *Asian and African Studies*. Vol. 13 (1979). P. 220–241.
6. *Baer G.* Women and Waqf: An Analysis of the Istanbul Tahrir of 1546 // *Asian and African Studies*. Vol. 17 (1983). P. 10.
7. *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Bir İskân ve Kolonizasyon Metodu Olarak Vakıflar ve Temlikler I, İskân Devirlerinin Kolonizatör Türk Dervişleri ve Zaviyeler // *Vakıflar Dergisi*, Sayı II. Ankara, 1942. S. 279–386.
8. *Barkan Ö.L., Ayverdi E.H.* İstanbul Vakıfları Tahrir Defteri, 953 (1546) Tarihli. İstanbul, 1970.
9. *Behrens-Abouseif D.* Egypt's Adjustment to Ottoman Rule: Institutions, Waqf and Architecture in Cairo (16th and 17th Centuries). Leiden, 1994.
10. *Bizbirlık A.* 16. Yüzyıl Ortalarında Diyarbekir Beylerbeyliği'nde Vakıflar. Anakra, 2002.
11. Bukhara Waqf of the 13th Century (Facsimile. Edition of the Text, Translation from Arabic and Persian, Introduction and Commentary by A.K. Arends, A.B. Khalidov, O.D. Chekhovich). [Bukharskiy vakf XIII v. (Faksimile. Izdaniye teksta, perevod s arabskogo i persidskogo, vvedeniye i kommentariy A.K. Arends, A.B. Khalidova, O.D. Chekhovich). Moskva, 1979.] Moscow, 1979.

12. *Caben C.* Réflexions sur le waqf ancien // *Studia Islamica*. Vol. 14 (1961). P. 37–56.
13. *Çağatay N.* Osmanlı İmparatorluğunda Riba-Faiz Konusu ve Bankacılık // *Vakıflar Dergisi*. Sayı IX. Ankara, 1970. S. 31–56.
14. *Çizakça M.* A History of Philanthropic Foundations: The Islamic World from the Seventh Century to the Present. Istanbul, 2000.
15. *Çizakça M.* Cash Waqfs of Bursa, 1555–1823 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 38 (1995). P. 314–354.
16. *Creceilius D.* Introduction // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 38. Issue 3 (1995). P. 247–251.
17. *Creceilius D.* The Organization of *Waqf* Documents in Cairo // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 2 (1971). P. 266–277.
18. *Creceilius D.* The Waqf of Muhammad Bey Abu al-Dhahab in Historical Perspective // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 23 (1991). P. 57–81.
19. *Creceilius D.* The Waqfiyah of Muhammad Bey Abu al-Dhahab // *Journal of the American Research Centre in Egypt*. Vol. 15 (1978). P. 83–105. Vol. 16 (1979). P. 125–146.
20. *Deguïlhem R.* Waqf Documents: a Multi-Purpose Historical Source — the Case of 19th Century Damascus // *Les villes dans l'empire ottoman: activités et sociétés*. T. I. P., 1991. P. 76–95.
21. *Deguïlhem R.* Waqf in the Ottoman Empire to 1914 // *Encyclopaedia of Islam*. Second Edition. Vol. 11. Leiden, 1955–2005. P. 87–92.
22. *Deguïlhem-Schoem R.* The Loan of Mursad on Waqf Properties // *A Way Prepared: Essays on Islamic Culture in Honor of Richard Bayly Winder*. N.-Y., 1988. P. 68–79.
23. *Demirel Ö.* Osmanlı Vakıf-Şehir İlişkisine Bir Örnek: Sivas Şehir Hayatında Vakıfların Rölü. Ankara, 2000.
24. *Doumani B.* Endowing Family: Waqf, Property Devolution, and Gender in Greater Syria, 1800 to 1860 // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 40 (1998). P. 3–41.
25. *Faroqhi S.* Ottoman Guilds in the Late Eighteenth Century. The Bursa Case // *Making a Living in the Ottoman Lands 1480–1820*. Edited by S. Faroqhi. Istanbul, 1995. P. 93–112.
26. *Faroqhi S.* Pilgrims and Sultans: The Hajj under the Ottomans 1517–1683. London, 1994.
27. *Faroqhi S.* Seyyid Gazi Revisited: The Foundation as Seen through Sixteenth and Seventeenth Century Documents // *Turcica*. Vol. 13 (1981). P. 90–122.

28. *Faroqhi S.* The Tekke of Hacı Bektaş: Social Position and Economic Activities // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 7 (1976). P. 183–208.
29. *Faroqhi S.* Towns and Townsmen of Ottoman Anatolia: Trade, Crafts and Food Production in an Urban Setting, 1520–1650. Cambridge, 1984.
30. *Faroqhi S.* Vakıf Administration in Sixteenth Century Konya: The Zaviye of Sadreddin-i Konevi // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 17 (1974). P. 145–172.
31. Fatih Mehmet II Vakfiyeleri (861/1456). *Türk Vakfiyeleri*. Ankara, 1938.
32. *Fernandes L.* The Foundation of Baybars al-Jashankir: Its Waqf, History, and Architecture // *Muqarnas*. Vol. 4 (1987). P. 21–42.
33. *Gerber H.* Economy and Society in an Ottoman City: Bursa 1600–1700. Jerusalem, 1988.
34. *Gerber H.* The Waqf Institution in Early Ottoman Edirne // *Asian and African Studies*. Vol. 17 (1983). P. 29–45.
35. *Gibb H.A.R., Bowen H.* Islamic Society and the West. Part II. London, 1957.
36. *Gibb H.A.R., Kramers J.H.* Shorter Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1953.
37. *Gill M.* Documents of the Jewish Pious Foundations from the Cairo Geniza. Leiden, 1976.
38. *Goitein S.D.* A Mediterranean Society. Vol. II: The Community. Berkeley-Los Angeles, 1971.
39. *Gökbilgin M.T.* XV–XVI. Asırlarda Edirne ve Paşa Livası Vakıflar-Mülkler-Mukataalar. İstanbul, 1952.
40. *Gordlevsky V.A.* Selected Works in 4 vols. Vol. IV. Ethnography, History of Oriental Studies, Reviews [Izbrannyye sochineniya v 4 tt. T. IV. Etnografiya, istoriya vostokovedeniya, retsenzii]. Moscow, 1968.
41. *Heffening W.* Wakf // *Encyclopaedia of Islam*. First Edition. Vol. 3. Leiden, 1913–1936.
42. *Hénia A.* Pratiques habous, mobilité sociale et conjoncture à Tunis à l'époque moderne (XVIIIe–XIXe siècle) // *Le waqf dans l'espace islamique: outil de pouvoir socio-politique*. Edited by R. Deguilhem. Damas, 1995. P. 71–100.
43. *Hoexter M.* Adaptation to Changing Circumstances: Perpetual Leases and Exchange Transactions in Waqf Property in Ottoman Algiers // *Islamic Law and Society*. Vol. 4 (1997). P. 319–333.
44. *Hoexter M.* Endowments, Rulers, and Community: Waqf al-Haramayn in Ottoman Algiers. Leiden, 1998.

45. *Hoexter M.* Waqf Studies in the Twentieth Century: The State of the Art // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 41. Issue 4. P. 474–495.
46. *Huart C.* *Imaret* // *Encyclopaedia of Islam*, 1st ed. Vol. 2. Leiden, 1927. P. 475.
47. *Humphreys R.S.* Women as Patrons of Religious Architecture in Ayyubid Damascus // *Muqarnas*. Vol. 11 (1994). P. 35–54.
48. *Inalcık H.* Capital Formation in the Ottoman Empire // *Journal of Economic History*. Vol. 29 (1969). P. 97–140.
49. *Inalcık H.* *Istanbul* // *Encyclopaedia of Islam*. Second Edition. Leiden, 1955–2005.
50. *Inalcık H.* *Istanbul: An Islamic City* // *Journal of Islamic Studies*. Vol. 1 (1990). P. 1–23.
51. *Inalcık H.* The Hub of the City: The Bedestan of Istanbul // *International Journal of Turkish Studies*. Vol. 1 (1979/80). P. 1–17.
52. *Issawi Ch.* *The Economic History of Turkey 1800–1914*. Chicago-London, 1980. P. 321–326
53. *Jennings R.C.* Pious Foundations in the Society and Economy of Ottoman Trabzon, 1565–1640 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 33 (1990). P. 271–336.
54. *Köprülü F.* Vakıf Müessesesi ve Vakıf Vesikalarının Tarihi Ehemmiyeti // *Vakıflar Dergisi*, Sayı I. Ankara, 1938. S. 1–6.
55. *Köprülü F.* Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihi Tekâmülü // *Vakıflar Dergisi*, Sayı II. Ankara, 1942. S. 1–35.
56. *Kozłowski G.C.* Imperial Authority, Benefactions and Endowments (*Awqaf*) in Mughal India // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 38. Issue 3 (1995). P. 355–370.
57. *Kreiser K.* *Icareteyn, zur doppelten Miete im osmanischen Stiftungswesen* // *Türklük Bilgisi Araştırmaları / Journal of Turkish Studies*. Vol. 10 (1986). P. 219–226.
58. *Kunt I.M.* The *Vakıf* as Instrument of Public Policy: Notes on the Köprülü Family *Vakıfs* // Paper presented at the International Seminar on Social and Economic Aspects of the Muslim Waqf, Jerusalem, June 24–28, 1979.
59. *Lambton A.K.S.* *Awqaf in Persia: 6th–8th/12th–14th Centuries* // *Islamic Law and Society*. Vol. 4 (1997). P. 298–318.
60. *Layish A.* Waqfs and Sufi Monasteries in the Ottoman Policy of Colonization: Sultan Selim I's Waqf of 1516 in Favour of Dayr al-Asad // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 50 (1987). P. 61–89.

61. *Leeuwen R. Van.* Notables and Clergy in Mount Lebanon: The Khazin Sheikhs and the Maronite Church (1736–1840). Leiden, 1994.
62. *Mandaville J.E.* Usurious Piety: The Cash Waqf Controversy in the Ottoman Empire // *International Journal of Middle East Studies.* Vol. 10 (1979). P. 289–308.
63. *Marcus A.* The Middle East on the Eve of Modernity: Aleppo in the Eighteenth Century. N.-Y., 1989.
64. *McChesney R.D.* Waqf and Public Policy: The Waqfs of Shah ‘Abbas: 1011–1023/1602–1614 // *Asian and African Studies.* Vol. 15 (1981). P. 165–190.
65. *McChesney R.D.* Waqf in Central Asia. Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine 1480–1889. Princeton, 1991.
66. *Meriwether M.L.* Women and Economic Change in Nineteenth-Century Syria: The Case of Aleppo // *Arab Women, Old Boundaries, New Frontiers.* Bloomington-Indianapolis, 1993. P. 65–80.
67. *Meyer M.S.* Ottoman Empire in the 18th Century. Structural Crisis Features [Osmanskaya imperiya v XVIII veke. Cherty strukturnogo krizisa]. Moscow, 1991.
68. *Meyer M.S.* The Role of Waqfs in the Development of the Ottoman Cities in the 15th – 16th Centuries [Rol’ vakfov v razvitii gorodov Osmanskoy imperii v XV–XVI vv.] // *Society and the state in the Balkans in the Middle Ages [Obshchestvo i gosudarstvo na Balkanakh v sredniye veka].* Kalinin, 1980. P. 4–21.
69. *Moutaftchieva V.* Le vakıf – un aspect de la structure socio-économique de l’Empire Ottoman (XVe – XVIIe s.). Sofia, 1981.
70. *Mukminova R.G.* On the History of Agrarian Relations in Uzbekistan in the 16th Century. According to the Materials of «Vakf-name» [K istorii agrarnykh otnosheniy v Uzbekistane XVI v. Po materialam «Vakf-name»]. Tashkent, 1966.
71. *Nofal I.G.* The Course of Islamic Law, read in 1884/85 in the Educational Department of Oriental Languages at the Asian Department by Professor I. Nofal. Issue 1. About Property [Kurs musul’manskogo prava, chitanny v 1884/85 g. v uchebnom otdelenii Vostochnykh yazykov pri Aziatskom departamente professorom I. Nofalem. Vyp. 1. O sobstvennosti]. St. Petersburg, 1886.
72. *Öztürk N.* Türk Yenileşme Tarihi Çerçevesinde Vakıf Müessesesi. Ankara, 1995.
73. *Peri O.* The Waqf as an Instrument to Increase and Consolidate Political Power: The Case of Khasseki Sultan Waqf in Late Eighteenth-Century Ottoman Jerusalem // *Asian and African Studies.* Vol. 17 (1983). P. 47–62.

74. *Peri O.* Waqf and Ottoman Welfare Policy: The Poor Kitchen of Hasseki Sultan in Eighteenth-Century Ottoman Jerusalem // *Journal of the Economic & Social History of the Orient*. Vol. 35. 1992. P. 167–186.
75. *Peters R.* Wakf in Classical Islamic Law // *Encyclopaedia of Islam*. Second Edition. Vol. 11. Leiden, 1955–2005. P. 59–62.
76. *Petry C.F.* A Paradox of Patronage During the Later Mamluk Period // *The Muslim World*. Vol. 73 (1983). P. 182–207.
77. *Rafeq A.-K.* The Syrian ‘Ulama’, Ottoman Law and Islamic Shari’a // *Turcica*. Vol. 26 (1994). P. 9–29.
78. *Raymond A.* Grandes villes arabes à l’époque ottomane. Paris, 1985.
79. *Raymond A.* La conquête ottomane et le développement des grandes villes arabes : le cas du Caire, de Damas et d’Alep // *Revue de l’Occident Musulman et de la Méditerranée*. Vol. 27 (1979). P. 115–134.
80. *Raymond A.* Les grands waqfs et l’organisation de l’espace urbain à Alep et au Caire à l’époque Ottomane (XVIe–VIIe siècles) // *Bulletin d’Etudes Orientales*. Vol. 31 (1979). P. 113–128.
81. *Raymond A.* Préface // *Le waqf dans l’espace islamique: outil de pouvoir socio-politique*. Edited by R. Deguilhem. Damas, 1995. P. 11–13.
82. *Reiter Y.* Islamic Endowments in Jerusalem under British Mandate. London, 1996.
83. *Selçuk F.* Vakıflar (Başlangıçtan 18. Yüzyıla Kadar) // *Vakıflar Dergisi*, Sayı VI, Ankara, 1965. S. 21–29.
84. *Shaham R.* Christian and Jewish Waqf in Palestine During the Late Ottoman Period // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 54 (1991). P. 460–472
85. *Shinar P.* Inzal // *Encyclopaedia of Islam*. Second Edition. Leiden, 1955–2005.
86. *Shlykov P.V.* Waqfs in Turkey: the transformation of a traditional institution [Vakfy v Turtsii: transformatsiya traditsionnogo instituta]. Moscow, 2011.
87. *Tornau N.E.* Muslim law. Composition of Baron Thornau. Issue. 1. On the Right of Inheritance under the Law [Musul’manskoye pravo. Sochineniye barona Tornau. Vyp. 1. O prave nasledstva po zakonu]. St. Petersburg, 1866.
88. *Uzunçarşılı İ.H.* Germiyanoglu Yakup Bey Vakfiyesi, Kütahya Şehri. İstanbul, 1932.
89. «Vakf-name» by Ibrahim Bey from the Principality of Karaman. Translation by A.M. Shamsutdinov [«Vakf-name» Ibragima beja iz knjazhestva Karaman. Perevod A.M. Shamsutdinova] // *Brief Reports*

- of the Institute of Oriental Studies. Vol. XXII [Kratkie soobshheniya Instituta vostokovedeniya. Tom XXII]. Moscow, 1956.
90. Vakıflar Dergisi, Sayı I–XXVII, Ankara, 1938–1998.
 91. Waqf Charter of Hani-Khatun – the Granddaughter of Sultan Mehmed II. Translation by S.B. Pevzner and A.S. Tveritina [Vakufnaya gramota Khani-khatun – vnuchki sultana Mekhmeda II. Perevod S.B. Pevznera i A.S. Tveritinovoy] // Written Monuments of the East. Historical and Philological Research. Yearbook 1970 [Pis'mennyye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskkiye issledovaniya. Yezhegodnik 1970]. Moscow, 1974.
 92. Waqf Charter of Sultan Murad I. Translation by A.S. Tveritina [Vakufnaya gramota sultana Murada I. Perevod A.S. Tveritinovoy] // Tveritina A.S. Agrarian System of the Ottoman Empire in the 15th–17th Centuries. Documents and Materials [Agrarnyy stroy Osmanskoy imperii XV–XVII vv. Dokumenty i materialy]. Moscow, 1963.
 93. Waqf Record on the Mosque of Umur Bey in Bursa. Translation by A.S. Tveritina [Vakufnaya zapis' na mecheti Umur-beya v Burse. Perevod A.S. Tveritinovoy] // Tveritina A.S. Agrarian System of the Ottoman Empire in the 15th–17th Centuries Documents and Materials [Agrarnyy stroy Osmanskoy imperii XV–XVII vv. Dokumenty i materialy]. Moscow, 1963.
 94. *Yediyıldız B.* Institution du Waqf au XVIIIe siècle en Turquie – Etude socio-historique. Ankara, 1985.
 95. *Yediyıldız B.* XVIII. Yüzyılda Türkiye'de Vakıf Müessesesi. Bir Sosyal Tarih İncelemesi. Ankara, 2003.
 96. *Yerasimos S.* Les waqfs dans l'aménagement urbain d'Istanbul au XIXe siècle // Le waqf dans le monde musulman contemporain (XIXe–XXe siècles): fonctions sociales, économiques et politiques, actes de la Table Ronde d'Istanbul, 13–14 novembre 1992. Istanbul, 1994. P. 43–49.
 97. *Yüksel H.* Osmanlı Sosyal ve Ekonomik Hayatında Vakıfların Rolü (1585–1683). Sivas, 1998.
 98. *Yüksel H.* XVI. Yüzyılda Osmanlı Vakıfları // Halil İncalık Hatıra Sayısı. İstanbul, 1998.

Ключевые слова:

Османская империя, Турция, исследования вакфов, османистика, Мейер Михаил Серафимович, система вакфов, исламские институты, модернизация

Svetlana A. Kirillina, Pavel V. Shlykov

WAQFS IN THE INTERNATIONAL OTTOMAN STUDIES AND PROFESSOR MIKHAIL MEYER'S CONTRIBUTION TO THE FIELD

The paper analyses the dynamics of waqf studies within the scope of both International and Russian Ottoman Studies, highlights the main milestones in the study of the institute of waqf in the Ottoman Empire and provides the typology of multiple waqf studies. Initially the study of waqfs was a part of the vast field of research devoted to the culture and history of Islam, but for a long time the institution of waqf itself did not arouse much interest among scholars. Publications of the late 19th and early 20th centuries focused mainly on the formal and legal definition of the waqf institution. Later on, scholars overcame the legal determinism and semantic approaches that made possible to locate waqfs in a broader socio-economic context. Since the late 1930s, the attention of researchers has focused on the economic potential of waqfs. The general revival of scholarly interest in the Islamic world contributed to the quantitative and qualitative growth of waqf research in the 1950s and 1970s. The topic of waqf has become an integral part of publications on the socio-economic history of Muslim countries, relevant university courses, the programs of international symposiums and conferences. In the 1980s and 1990s the range of analyzed issues within the waqf studies greatly expanded: scholars focused on the analysis of the financial and economic activities of waqfs, issues related to waqfs became an important part of gender studies, waqf charters proved to be a valuable and informative source for the study of the phenomena of an Islamic city. Professor Mikhail Meyer made a significant contribution to the waqf studies and research on the role of waqfs in the development of the

Ottoman cities. In his research works, based on the rich primary sources from the Anatolian and Balkan provinces, Professor Meyer analyzed specific economic and social structures in the Ottoman cities and the modes of interaction between state authorities and extensive network of waqfs.

Key words: Ottoman Empire, Turkey, waqf studies, Ottoman studies, Mikhail Meyer; waqf system, Islamic institutions, modernization.

Svetlana A. Kirillina – Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

Pavel V. Shlykov – Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

Кириллина Светлана Алексеевна

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Шлыков Павел Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.010

М.С. Мейер

РОЛЬ ВАКФОВ В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XV–XVI вв.¹

В исследованиях по истории Востока тема феодального (в том числе средневекового) города обычно занимала незначительное место. Равным образом и специалисты по Ближнему Востоку довольно редко обращались к историческому прошлому городов региона. Лишь в последние десятилетия феномен быстрой урбанизации в современном афро-азиатском мире пробудил интерес к особенностям городской жизни в традиционном обществе. Появились фундаментальные труды по мусульманскому средневековому городу², усилился интерес к этой

¹ Мейер М.С. Роль вакфов в развитии городов Османской империи в XV–XVI вв. // Общество и государство на Балканах в Средние века. Калинин, 1980. С. 4–21.

² Middle Eastern Cities: A Symposium on Ancient, Islamic, and Contemporary Middle Eastern Urbanism. Edited by I.M. Lapidus. Berkeley – Los Angeles, 1969; The Islamic city: a colloquium [held at All Souls College, June 28 – July 2, 1965] published under the auspices of the Near Eastern History Group, Oxford, and the Near East Centre, University of Pennsylvania. Edited by A.H. Hourani and S.M. Stern. Oxford, 1970; *Abu-Lughod J.L.* Cairo: 1001 Years of the City Victorious. Princeton, 1971; *Ayalon D.* The Muslim City and the Mamluk Aristocracy. Jerusalem, 1967; *Hoffmann G.* Kommune oder Staatsbürokratie. Zur politischen Rolle der Bevölkerung syrischer Städte vom 10. Bis 12. Berlin, 1975.

тематике и среди османистов³. Вместе с тем многие проблемы, связанные с определением особенностей существования городов в системе средневековых ближневосточных империй и факторов их развития, еще нуждаются в дальнейшей разработке.

Цель данной статьи — выявление специфики положения городов в эпоху складывания и развития Османской империи (XV–XVI вв.). Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы позволяют получить некоторое представление о ситуации в малоазиатских (анатолийских) и балканских (румелийских) провинциях этого государства. При несомненных различиях исторических судеб, экономических и социальных структур анатолийских и балканских агломераций они имели все же и некоторые общие черты⁴. И в Малой Азии, и на Балканах важной особенностью развития городских поселений явилось активное вмешательство государства в их социально-экономическую жизнь путем законодательства и контроля. Турецкое завоевание стран Юго-Восточной Европы имело еще и то последствие, что султанские власти посредством распространения определенных правовых норм, активной переселенческой политики, насаждения единообразных форм организации хозяйственной и общественно-политической жизни постарались придать балканским городам черты, которые бы как-то сближали их с малоазиатскими и иными мусульманскими городскими центрами.

Место города в структуре Османского государства определялось прежде всего общими закономерностями развития стран Ближнего Востока в Средневековье. В условиях постоянного сосуществования и противоборства кочевников и оседлых народов в рамках одной территории город представлял собой не только оплот центральной власти и место реализации прибавочного продукта, но и необходимую предпосылку общественного производства. Наличие постоянно действующего «треугольника сил» (деревня — город — кочевники) обеспечивало относительную политическую стабильность в регионе и давало некоторые гарантии для развития земледельческого производства и торговых связей. Выступая как особый социально-экономический и политический организм в системе ближневосточных средневековых империй, му-

³ *Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siècle. Essai d'histoire institutionnelle, économique et sociale. Paris, 1962; *Beldiceanu N.* Recherche sur la ville ottomane au XV siècle, Etudes et actes. Paris, 1973; *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX вв. Социально-экономическое и демографическое развитие. М., 1976.

⁴ *Vesela-Prenosilova Z.* Quelques remarques sur l'évolution de l'organisation urbaine en Empire Ottoman // Archiv Orienteini. Vol. 42. No. 3 (1974). P. 200–224.

сульманский город отражал и важнейшую их особенность — внутреннюю разобщенность и отсутствие органического единства. Он состоял из ряда самостоятельных единиц — кварталов (махалле), живших обособленной жизнью и отличавшихся друг от друга по профессиональным, а зачастую и по этноконфессиональным признакам. В подобных условиях именно государство, взяв на себя определенные экономические, социальные и политические функции, осуществляло взаимосвязь различных групп городского населения и тем самым делало излишним возникновение единых муниципальных организаций.

Турецкие султаны, как и их предшественники — арабские, сельджукские, монгольские правители ближневосточных империй, уделяли много внимания городам. Существование большого числа населенных пунктов с числом жителей от 2 до 10 тыс. составляет особенность Османского государства даже на раннем этапе его истории⁵. Специалисты по истории Балканских стран отмечают, что через два-три десятилетия после установления турецкого господства, сопровождавшегося огромными разрушениями и опустошением многих городов, началась заметная активизация городской жизни в Румелии: увеличились размеры уже сложившихся населенных пунктов, появились новые города с преобладающим мусульманским населением, такие как Сараево⁶.

Среди мер, способствовавших росту городов, немалое значение имело установление государственного контроля за поставками продовольствия и сырья, необходимого для ремесленного производства⁷. Узость внутреннего рынка, обусловленная натуральным характером сельского хозяйства, слабым развитием транспортных средств и отсутствием безопасности на дорогах, создавала большие трудности в снабжении городов земледельческой продукцией. В этой ситуации османские правители практиковали жесткую регламентацию внутренней торговли зерном, мясом и прочим продовольствием, а также распределение сырья между соответствующими цехами⁸. Во второй половине XIV в., когда под влия-

⁵ Barkan Ö.L. Quelques observations sur l'organisation économique et sociale des villes ottomanes des XVI et XVII siècles // Recueils de la société Jean Bodin. Bruxelles, 1955.

⁶ Kreševljaković H. Gradska privreda: esnafi u Bosni i Hercegovini (od 1463 do 1851) // Godišnjak Istoriskog Društva Bosne i Hercegovine. T. I (1949). P. 168–209.

⁷ Beldiceanu N. Recherche sur la ville ottomane au XV siècle, Etudes et actes. Paris, 1973; Barkan Ö.L. XV. Asrın Sonunda Bazı Büyük Şehirlerde Eşya ve Yiyecek Fiyatlarının Tesbit ve Teftişi Hususlarını Tazim Eden Kanunlar // Türk Tarih Vesikaları. Cilt 1. No. 5 (1942). S. 326–340.

⁸ Güçer L. XVI–XVII. asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda hububat meselesi ve hububattan alınan vergiler. İstanbul, 1964.

нием быстрого увеличения городского населения положение особенно осложнилось, Порта стала все чаще запрещать вывоз зерна в Европу.

Османское правительство предоставляло городам налоговые и иные льготы. К сожалению, их полный объем еще неизвестен⁹. По-видимому, «норма эксплуатации» городского населения была несколько ниже, а уровень жизни горожан — несколько выше, чем крестьян¹⁰. Это обстоятельство и предопределило постоянный приток сельских жителей в крупные центры, не встречавший серьезных преград (в виде законодательных ограждений для подобного передвижения). Наличие значительной миграции населения из деревень в города показывают подсчеты турецкого историка О.А. Баркана, изучавшего нюфус дефтерлери — списки налогоплательщиков, составлявшиеся в Османской империи в XVI в. Согласно данным дефтеров, численность населения основных районов Анатолии с 1520 по 1580 г. поднялась на 55,9%, Румелии — на 71%. За то же время население 12 крупнейших городов империи (без учета Стамбула, Халеба и Дамаска)¹¹ увеличилось на 90%¹². Иными словами, темпы увеличения численности горожан оказались выше темпов естественного прироста всего населения Малой Азии и Балкан.

Характерным примером энергичных мер центральной власти, направленных на развитие городов, можно считать деятельность султана Мехмеда II Фатиха (1451–1481) по возрождению экономической активности Стамбула. Посылая войска на решающий штурм Константинополя 27 мая 1453 г., он разрешил грабить город в течение трех дней с тем условием, что земля и постройки в городе должны принадлежать султану, а все остальное имущество, пленные и продукты питания могут стать добычей солдат. По свидетельствам турецких источников, грабеж принял такие размеры, что Мехмед II вынужден был остановить его в конце первого дня, объявив захваченный город своей столицей¹³. Тогда же им

⁹ *Hadžijabić M. Neki tipovi povlaštenih gradova u turskom feudalizmu. Beograd, 1974.*

¹⁰ *Inalcik H. Impact of the Annales School on Ottoman Studies and New Findings [with Discussion] // Review (Fernand Braudel Center). Vol. 1. No. 3/4. The Impact of the «Annales» School on the Social Sciences (Winter-Spring, 1978). P. 69–99.*

¹¹ Учитывались данные по Бурсе, Анкаре, Диярбекиру, Токату, Конье, Сивасу, Эдирне, Афинам, Сараево, Монастыру, Скополе, Софии.

¹² *Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğu'nda İmarat Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 293.*

¹³ *Inalcik H. The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 23/24 (1969/1970). P. 233.*

были намечены первые шаги по восстановлению города. Они касались прежде всего обеспечения обороны столицы (ремонт городских стен, строительство цитадели — Едикуле и султанского дворца) и ее заселения.

Одновременно с осуществлением депортации в Стамбул мусульман и немусульман из разных районов государства, преимущественно богатых купцов и опытных ремесленников, были приняты меры для восстановления хозяйственной и общественной жизни в городе. В 1456–1457 гг. многие постройки византийского времени были обращены султаном в вакф¹⁴, созданный для строительства и содержания обширного религиозно-культурного центра — так называемого имарета Ая Софии. В его состав, помимо храма Святой Софии, обращенного в мечеть, вошли еще ряд мечетей и месджидов¹⁵ в разных районах столицы, духовное училище (медресе Календерхане), школа (муаллимхане), странноприимный дом (мисафирхане), дервишские обители (завийе), кухня и жилища для служителей культа и обслуживающего персонала. В этот комплекс были включены также различные постройки хозяйственного назначения, сдававшиеся внаем и обеспечивавшие вакфу значительные доходы. Так, к 1490 г. он уже располагал 2360 лавками, 4 караван-сараями, 2 банями, 30 помещениями, где изготовлялась буза (бозахане), 23 лавками по продаже овечьих голов и внутренностей (башхане) и 1300 домами и жилыми помещениями, что приносило ежегодно до 790 тыс. акче арендной платы¹⁶. Мехмед Фатих не ограничился созданием одного вакфа и в 1459 г. приказал всем лицам из своего окружения основать в городе собственные вакфы. В конечном итоге имареты, созданные самим султаном, его великим везиром Махмуд-пашой и другими сановными лицами, стали центрами целого ряда новых кварталов в столице. Из махалле, существовавших внутри городских стен Стамбула в XVI в., около 30% появились в годы правления Мехмеда Фатиха, около 50% — при его сыне Баязиде II (1481–1512). О темпах строительства можно судить и по увеличению числа вакфов: за 1453–1521 гг. было создано 1163 вакфа, в 1521–1546/47 гг. — 1268, в 1546/47–1578/79 гг. — 1193, в 1578/79–1596/97 гг. — 407¹⁷.

¹⁴ Вакф (мн. ч. — вакуф) — недвижимое или движимое имущество, доходы с которого предназначались на религиозные и благотворительные цели.

¹⁵ Месджид — малые, квартальные мечети.

¹⁶ *Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğu'nda İmaret Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 253.*

¹⁷ *Barkan Ö.L., Ayverdi E.H. İstanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli. İstanbul, 1970, tablo 1.*

Практика создания многочисленных культурно-религиозных центров на базе вакуфной собственности, являясь общей чертой мусульманской городской традиции, возникла задолго до появления Османского государства. Уже первые османские правители стремились следовать этой традиции¹⁸, но особое значение она приобрела с началом завоеваний на Балканском полуострове. Обращая в вакф многие завоеванные земли, доходы с деревень, сборы с горожан и различных городских построек, центральные власти рассчитывали посредством вновь создаваемых имаретов добиться быстрого восстановления опустошенных городов, возрождения ремесла и торговли. Другой, не менее важной целью подобной политики являлось распространение влияния ислама и создание благоприятных условий для турецкой колонизации вновь завоеванных земель, а следовательно, и для укрепления османского господства на этих территориях. О размахе подобной политики свидетельствуют также цифры: на территории современной Югославии в период турецкого господства были построены 3500 больших и малых мечетей, 1500 мусульманских школ и 400 медресе, 400 дервишских обителей (текке), 1000 фонтанов и других источников, 500 ханов, 200 бань, 60 караван-сараев и большое число других учреждений религиозного и хозяйственного назначения, сохранившихся за счет вакуфных владений¹⁹.

О значении вакфов в рассматриваемый период жизни османского общества некоторое представление дают подсчеты О.Л. Баркана, сделанные на основе анализа сведений о доходах империи в первой половине XVI в. Правда, использованный турецким ученым источник неполон и содержит суммарные данные о поступлениях от вакуфного имущества и частных владений. Вопрос о близости вакуфной и частной собственности (мулька) будет рассмотрен несколько позже, здесь же отметим ясно выраженную в экономической жизни Османского государства тенденцию к превращению частных владений в вакуфные. Учитывая это обстоятельство, можно использовать имеющиеся сведения для характеристики роли вакфов²⁰.

¹⁸ Известен, в частности, вакф, созданный в годы правления Орхана (1326–1362) его старшим сыном Сулейман-пашой.

¹⁹ *Тверитинова А.С.* Некоторые замечания о значении вакуфного землевладения в истории Османской империи в связи с публикацией вакуфной грамоты Хани-хатун // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. М., 1974. С. 139.

²⁰ *Barkan Ö.L.* N 933–934/1527–1528 Mali Yılına Ait Bir Bütçe Örneği // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Sayı XV. 1–4. İstanbul, 1955. S. 253.

На первый взгляд приведенные в табл. 1 данные по Румелии противоречат высказанному ранее мнению об увеличении заинтересованности турецких правящих кругов в создании вакфов на балканской территории. Однако, во-первых, следует учитывать, что в использованном Барканом источнике не приведено данных о доходах с мульков и вакфов в европейских провинциях империи. Определяя их величину, турецкий ученый опирался на частичные сведения из других документов. Во-вторых, учреждая имареты во вновь завоеванных землях, османские султаны зачастую предоставляли мусульманскому духовенству и условные пожалования (тимары), доходы от которых учтены в другом разделе источника. Поэтому целесообразно дополнить приведенные сведения более полными по одному санджаку — Паша ливасы, в котором располагался сам румелийский бейлербей²¹. Доходы от вакуфного и мулькового имущества здесь составляли в указанный период 23,1% общей суммы поступлений. В санджаке имелось 25 имаретов, 471 большая и малая мечеть, 26 медресе, 43 караван-сарая²².

Таблица 1

Роль поступлений от вакуфной и частной собственности в общей сумме доходов, собранных в различных районах Османской империи в 20–30-х гг. XVI в.

Провинция	Общая сумма годового дохода, млн акче	Годовой доход от вакуфной и частной собственности, млн акче	Удельный вес поступлений от вакфов и мульков в общей сумме дохода, %
1. Анадолу	79,8	13,6	17,1
2. Караман	15,6	2,2	14,3
3. Зюлькадирийе	9,6	0,5	5,2
4. Рум	36,3	5,7	15,7
5. Диярбекир	24,3	1,3	5,5
Всего по Малой Азии	152,4	23,4	15,4

²¹ Санджак — основная единица административно-территориального деления Османской империи. Несколько санджаков составляли провинцию (эялет) во главе с бейлербеем.

²² *Barkan Ö.L.* Н 933–934/1527–1528 Mali Yılma Ait Bir Bütçe Örneği. // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Sayı XV. 1–4. İstanbul, 1955. S. 267–268.

Провинция	Общая сумма годового дохода, млн акче	Годовой доход от вакуфной и частной собственности, млн акче	Удельный вес поступлений от вакфов и мультков в общей сумме дохода, %
6. Румелия	198,2	10,9*	5,5*
7. Хале и Шам (Сирия)	52,2	7,3	14,0
8. Египет	135,9	18,9**	14,0**
ВСЕГО	537,9	60,5	12,0

* Неполные данные.

** Предположение О.А. Баркана.

Видимо, положение в Румелии было в какой-то степени схожим с ситуацией в Западной Анатолии (эялет Анадолу). Напомним, что основная часть этой провинции оказалась под контролем туркменских беев-гази лишь в XIII в. Здесь в первой половине XVI в. насчитывалось 45 имаретов, 342 мечети, 1055 месджидов, 110 медресе и 154 школы, 626 дервишских обителей, 2 лечебницы, 75 больших ханов и караван-сараев²³. С религиозными заведениями в провинции Анадолу была связана деятельность более 7 тыс. духовных лиц²⁴. Для сравнения можно привести соответствующие данные по эялетам Рум и Караман, располагавшимся на территории Центральной и отчасти Восточной Анатолии, т. е. тех районов, где процесс тюркской колонизации начался с XI в. В рассматриваемый период здесь существовало 13 имаретов, 705 больших и малых мечетей, 80 медресе, 447 дервишских монастырей и обителей, 31 странноприимный дом, 31 караван-сарай²⁵. Следует также помнить, что значительная часть вакфов и мультков в центральных и восточных районах Малой Азии, в Сирии и Египте существовала с доосманских времен. С учетом сделанных замечаний приведенные в таблице данные можно рассматривать как свидетельство значительной роли вакфов в жизни османского общества в начале XVI в. Приведенные данные касаются вакуфного имущества как в городах, так и в сельских районах, поэтому было бы целесообразным остановиться подробнее на городских вакфах. Среди

²³ *Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğu'nda İmarat Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 242.*

²⁴ *Ibid. S. 242.*

²⁵ *Ibid. S. 243.*

них особое место — как по своей значимости, так и по размерам доходов — занимают имареты, созданные султанами²⁶ (табл. 2).

Таблица 2
Доходы крупнейших султанских имаретов,
созданных в XV в. — начале XVI в.²⁷

Название имарета	Общий годовой доход, тыс. акче	Доход с го- родского имущества, тыс. акче	Доход с деревень, тыс. акче
Баязида I (в Эдирне)	161,6	35,6	126,0
Мурада II (в Эргене)	106,3	24,2	82,1
Мурада II (в Эдирне)	385,0	47,2	337,8
Ая София (в Стамбуле)	789,8	789,8	–
Мехмеда Фатиха (в Стамбуле)	1500,6	255,2	1245,4
Баязида II (в Эдирне)	578,7	159,7	419,0
Тюрбе Эюба (в Стамбуле)	117,9	4,3	113,6
Мечеть Мурада II (в Стамбуле)	317,3	9,2	308,1
Дар-уль хадис Мурада II (в Эдирне)	187,8	114,5	73,3

Данные табл. 2 показывают тенденцию к значительному увеличению доходов имаретов. Она четко прослеживается и в более позднее время. Другой вывод, который можно сделать на основании приведенных данных, заключается в том, что все султанские имареты — за исключением Ая Софии — основную массу своих доходов получали от деревень, записанных за тем или иным вакфом. Подобная особенность хорошо согласуется с общей политикой османских властей, стремившихся поставить город в более привилегированное положение за счет усиления эксплуатации сельского населения. Запись деревень за городскими вакфами может создать иллюзию того, что учреждение имаретов способствовало расширению экономических связей между городом и его сельской округой. Однако не следует забывать, что в данном случае мы сталкива-

²⁶ Ibid. S. 253.

²⁷ Прерывистой линией отделены вакфы многоцелевого характера от вакфов, имевших более ограниченную направленность.

емся с фактом принудительного изъятия значительной части прибавочного продукта, созданного крестьянским трудом.

Наряду с султанскими имаретами существовали многочисленные вакфы различных османских сановников, иногда по размерам пожертвований ничем не уступавшие падишахским. Так, основанный при султане Баязиде II вакф везира Касым-паши в Эдирне имел доход в 1,3 млн акче, вакфы румелийского бейлербея Шехабеддин-паши (середина XV в.) в Эдирне и Пловдиве оценивались соответственно в 180 и 400 тыс. акче, великий везир зять султана Сулеймана Кануни (1521–1565) Рустам-паша учредил имарет в 1,2 млн акче. Другие же вакфы — и их было большинство — имели более скромные поступления, не более 100 тыс. акче²⁸. Но общие суммарные доходы вакфов являлись очень значительными. Так, вакфы Эдирне приносили к началу XVII в. не менее 7,5 млн акче годового дохода²⁹. Разумеется, в средних и малых городах само вакуфное имущество и доходы с него имели меньшие размеры³⁰. Тем не менее факт аккумуляирования вакуфными учреждениями крупных средств, преимущественно в виде наличных денег, не вызывает сомнения у историков.

Часть образовавшихся в вакфах денежных излишков расходовалась на городское строительство, причем не только на постройку мечетей и других культовых зданий, но и на сооружение многочисленных ремесленных лавок, торговых рядов (чарши), крытых рынков (бедестан), жилых помещений и складов, ханов и караван-сараев, а также на прокладку и ремонт системы водоснабжения и канализации, учреждение ряда объектов общественного характера — школ, бань, больниц, домов призрения, библиотек и т. п. Хотя непосредственной целью подобного строительства было умножение доходов вакфов, объективно оно в какой-то мере удовлетворяло социально-культурные потребности увеличивавшегося городского населения. Учитывая, что объем аналогичной деятельности самих государственных органов оставался относительно небольшим и был направлен либо на укрепление обороны города, либо на расширение религиозной пропаганды, следует признать несомненно положительную роль вакуфных учреждений в развитии османских городов.

Уже к началу XVI в. вакфы выступали как наиболее крупные собственники городского недвижимого имущества — земли, жилых зданий,

²⁸ Мутафчиева В. Аграрные отношения в Османската империя, XV–XVI в. София, 1962. С. 128–131.

²⁹ Там же. С. 131.

³⁰ См., напр., опись вакфов в Боснии за 1540 г. [*Behija Z. Popis vakufa u Bosne iz prve polovine XVI vijeka // Prilozi za orijentalnu filologiju. Sarajevo, 1974, t. 20–21*].

помещений, предназначенных для торгово-ремесленной деятельности. Ранее уже приводились данные о недвижимости, записанной в вакф Ая Софии. В табл. 3 собраны соответствующие сведения по другим султанским имаретам³¹.

Таблица 3
Состав городского недвижимого имущества,
принадлежащего крупнейшим султанским имаретам
(вторая половина XV в. — начало XVI в.)

Имарет	Сумма ежегодного дохода с городского имущества, тыс. акче	Города		
		Эдирне	Стамбул	Прочие города
Баязида I	35,6	ряды мясников и кожевников, 62 лавки, караван-сарай, баня, башхане, бозахане, пекарня		баня в Димотике
Мурада II в Эргене	24,2	13 лавок, баня, караван-сарай		47 лавок, бозахане, баня в Эргене
Мурада II в Эдирне	47,2	8 лавок, баня		15 лавок, баня в Серезе, баня в Янболу
Мехмеда II	255,2	12 бань, ряд земельных участков		
Баязида II	159,7	218 лавок, баня	3 бани	
Тюрбе Эюба	4,3		баня	башхане в Пловдиве
Мечеть Мурада II	9,2	3 лавки, баня		

³¹ Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğu'nda İmaret Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 253–254.

Имарет	Сумма ежегодного дохода с городского имущества, тыс. акче	Города		
		Эдирне	Стамбул	Прочие города
Дар-уль хадис Мурада II	114,5	477 лавок, баня		

Анализ вакфов, созданных частными лицами, показывает аналогичную картину и в провинциальных городах. Так, основанный в 1505 г. вакф Яхьи-паши, помимо недвижимости в Стамбуле, располагал определенной собственностью в ряде балканских городов, в частности в Скопле 50 лавками, 7 жилыми домами и 14 постоянными дворами, 4 мельницами, 2 складами и торговым ханом, в Софии — 40 лавками, бедестаном, 2 жилыми домами и 8 постоянными дворами, 4 мельницами и караван-сараям, в Никополе — 127 лавками, 52 постоянными дворами и жилым домом, складом и караван-сараям³².

В. Мутафчиева, сопоставив общий объем вакуфной городской собственности в санджаке Паша и число городов и городских поселков (касаба) в нем, высчитала, что в среднем на один такой населенный пункт в санджаке должно приходиться до 10 лавок, по несколько крупных мастерских, 30 домов и иных хозяйственных построек, 3 бани, одному торговому хану и караван-сараям, принадлежащих вакфам³³. Вряд ли все эти объекты существовали с момента основания вакфов, вероятно, какая-то часть из них была создана вновь за счет доходов от завещанного имущества.

Анализ материалов о городских вакфах не столько помогает ответить на поставленный ранее вопрос об особенностях участия государства в городском строительстве, сколько ставит перед историками новые вопросы. Ясно одно, что, располагая достаточными возможностями для прямого воздействия на жизнь городов Анатолии и Румелии, Порта предпочитала действовать опосредованно через систему вакфов. Вероятно, ключ к пониманию отмеченной тенденции следует искать в той трактовке функций города, которая давалась османской правящей верхушкой.

³² Elezović G. Turski spomenici. Kjb I. Beograd, 1940. P. 420–526.

³³ Мутафчиева В. Аграрные отношения в Османската империя, XV–XVI в. София, 1962. С. 134.

Город воспринимался Портой не как социально-экономический организм, но как определенная политическая сила, как фактор, способствующий укреплению султанской власти, стабилизации внутреннего положения в стране, упрочению связей между центром и периферией. Учитывая ключевое положение городов в османской государственной структуре, правители империи стремились создать максимально благоприятные условия для их развития, заботились о поддержании стабильности и устойчивости жизни горожан. Поскольку внутренняя разобщенность городского общества могла негативно влиять на возможности города как политической силы, государство уделяло большое внимание распространению норм ислама, видя в мусульманской религии важный фактор духовного единения. С последним обстоятельством, видимо, связаны и усилия османских султанов по созданию и расширению системы имаретов.

Сведения, которыми располагают в настоящее время специалисты по истории балканских народов, позволяют довольно определенно говорить о том, что в течение первых 100–150 лет османского господства этот курс давал ожидаемые результаты. Во всяком случае, удельный вес мусульман во многих городах Румелии увеличился не только благодаря туркам-переселенцам из Анатолии, но и за счет обращения в ислам местного коренного населения, причем в ряде случаев отмечено складывание мусульманского большинства среди горожан при сохранении несомненного преобладания христиан в сельской округе³⁴.

Признание важной роли вакуфных учреждений в реализации политики османских султанов, направленной на развитие городов в империи, не может не привлечь внимания исследователей к другому аспекту изучаемого вопроса — к особенностям взаимоотношений государства и вакфа в городе. На первый взгляд здесь все ясно: вакуфные учреждения создаются по инициативе центральной власти и выступают в качестве своеобразных ее представителей. Однако представление о вакфах как эманации Порты в городах выглядит при дальнейшем рассмотрении упрощенным и не отражающим существа отношений. Дело в том, что в основе взаимодействия государства и имаретов лежал конфликт между государственной и вакуфной, а в более широком плане — между государственной и частной собственностью.

В традиционных обществах мусульманского Востока частная собственность выступала как ограниченная и незащищенная от произ-

³⁴ *Sokoloski M. Le developpement de quelques villes dans le sud des Balkans au XVe et XVIIe siecles // Balcanica. Vol. 1 (1970). P. 81–106.*

вола представителей центральной власти. Лишь доходы вакфов были освобождены от контроля государства, поскольку, согласно шариатской традиции, вакуфное имущество рассматривалось как собственность, принадлежащая Богу (Аллаху)³⁵. В этих условиях вполне естественным являлось стремление многих частных собственников к использованию института вакфа для получения определенных гарантий хозяйственной самостоятельности и инициативы, а также сохранения целостности накопленного состояния³⁶. Выражением такой тенденции, как считают специалисты по истории ислама, стало появление наряду с так называемыми «истинными» вакфами большого числа «неистинных» или «семейных» (вакф-и эвляд). В отличие от первых, созданных исключительно в религиозных или благотворительных целях, последние представляли собой имущество, завещанное в пользу своих потомков без права передачи его в чужие руки. Поскольку по поводу законности «вакф-и эвляд» существовали споры среди духовенства и власти часто не признавали их в качестве вакфов, наибольшее распространение в Османской империи получала разновидность «семейных» вакфов, называемая «тевлиет-и эвляд». Ее основной отличительной чертой было отчисление части дохода с завещанного имущества в пользу того или иного религиозного или благотворительного учреждения³⁷. К этому же типу относилось и большинство султанских имаретов.

Несомненно, что на практике «неистинные» вакфы выступали как своеобразная (скрытая) форма частной собственности. Близость между ними и мультками подчеркивается также и тем обстоятельством, что в вакф могло быть обращено лишь имущество, которое находилось в частной безусловной собственности. Правда, в период турецких завоеваний на Балканах османские правители выделяли в пользу религиозных и богоугодных заведений не только деревни из своего домена (султанского хасса), но и собственно государственные земли и постройки, а также назначали духовенству в качестве содержания тимары. Однако это была лишь временная мера, вызванная необходимостью скорей-

³⁵ Köprülü F. Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihî Tekâmülü // Vakıflar Dergisi. Sayı II. Ankara, 1942. S. 1–35.

³⁶ Бухарский вакф XIII в. (Факсимиле. Издание текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А.К. Арендса, А.Б. Халидова, О.Д. Чехович). М., 1979. С. 8–9.

³⁷ Köprülü F. Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihî Tekâmülü // Vakıflar Dergisi. Sayı II. Ankara, 1942. S. 22–24.

шего освоения захваченных территорий и обеспечения благоприятных условий для деятельности мусульманского духовного сословия. Во всяком случае, общность вакуфной и частной собственности была ясна даже османским чиновникам того времени, которые считали возможным суммарно учитывать доходы от вакфов и мульков.

По мере развития системы имаретов они стали принимать все более активное участие в экономической жизни города. Некоторые из них, располагая большим количеством сельскохозяйственной продукции, выступали в качестве ее поставщиков на внутренний и внешний рынки. Другие же, наоборот, являлись оптовыми покупателями различных видов продовольствия. Вакфам принадлежало немалое число крупных мастерских, где осуществлялась переработка сельскохозяйственных продуктов.

Особенно же была велика роль вакфов в ростовщичестве. Ссудные операции на средневековом Востоке приносили большие доходы, но являлись очень рискованным и опасным занятием. История знает множество случаев, когда правители той или иной азиатской страны, будучи не в силах справиться с растущими финансовыми затруднениями, прибегали к конфискации имущества и даже казням богатых кредиторов. В мусульманском же обществе ростовщическая деятельность частных лиц осуждалась по традиции, шедшей от Корана. Специфика статуса вакфа оберегала ростовщиков от произвола властей. Та же самая традиция, которая осуждала ссудные операции частных лиц, разрешала управителям вакуфного имущества (мютевелли) использовать наличные деньги для предоставления займов и кредитов под 10–15% годовых³⁸. В этих условиях многие владельцы крупных капиталов предпочитали обращать их в «семейные» вакфы, оговаривая при этом, что деньги должны использоваться именно для ростовщичества. Тенденция создания вакфов за счет наличных денег (вакф-и нукуд) четко обозначилась в XVI в., когда проблема законности подобных учреждений вызвала горячие споры среди мусульманского духовенства³⁹. В конечном итоге верх взял сторонник «вакф-и нукуд» румелийский казаскер⁴⁰ Мехмед Эбуссууд (1490–1574). Султан Сулейман Кануни сместил его против-

³⁸ *Köprülü F. Ribât // Vakıflar Dergisi. Sayı II. Ankara, 1942. S. 267–278.*

³⁹ *Mandaville J.E. Usurious Piety: The Cash Waqf Controversy in the Ottoman Empire // International Journal of Middle East Studies. Vol. 10 (1979). P. 289–308.*

⁴⁰ Казаскер (кадиаскер) — верховный судья, стоявший над кадиями в провинции. В XVI в. их было два — румелийский и анатолийский.

ника Коджа Чивизаде (1476–1547) с поста шейх-уль ислама⁴¹ и назначил Эбуссууда на его место⁴².

Югославский ученый А. Суческа, изучая протоколы кадийского суда в Сараеве за 1564–1566 гг., выявил 53 вакфа, выступавших в качестве заимодавцев. Общая сумма денег, выданных ими в качестве ссуд, составила 455,5 тыс. акче, ростовщический процент с них равнялся 50,8 тыс. акче⁴³. При этом, как отмечал исследователь, среди вакфов, упомянутых в протоколах, не фигурировали два крупнейших в городе вакуфных учреждения, которые расходовали в аналогичных целях значительно большие средства. Так, сараевский санджакбей Гази Хюсрев-бей, основывая в 1531–1534 гг. свой имарет, выделил особо 900 тыс. акче на кредитование и ссуды⁴⁴. Другой вакф, Муслихеддина Чекрекчи, имел такой же фонд в 34 тыс. акче⁴⁵. Таким образом, в середине XVI в. вакфы Сараева могли использовать в сфере ростовщического кредита не менее 1,4 млн акче, что позволяло рассчитывать на получение дохода примерно в 150–170 тыс. акче.

Именно ростовщические операции позволяют увидеть растущее расхождение интересов государства и вакфов. Предоставляя деньги займы, мютевелли следовали воле завещателей, которые требовали, как правило, чтобы ссуды выдавались лишь под солидное обеспечение, людям надежным и состоятельным. Наиболее четко и откровенно условия кредитования сформулированы в вакуфной грамоте (вакуф-наме) Гази Хюсрев-бея: «Чтобы [делать] это ради торговцев, ремесленников и земледельцев, которые известны как люди зажиточные и в добром состоянии, за которых могут поручиться, особенно же для тех, кто ис-

⁴¹ Шейх-уль ислам (главный муфтий) — высший авторитет среди османского духовенства, фактический глава этого сословия со второй половины XVI в.

⁴² Pixley M. The Development and Role of the Şeyhülislam in Early Ottoman History // Journal of the American Oriental Society. Vol. 96. Issue 1 (1976). P. 94.

⁴³ Sućeska A. Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, II/1954, Sarajevo 1954. P. 343–379. В списке вакфов Сараева 1540 г. фигурирует лишь 6 вакфов из указанных в кадийских протоколах, видимо, остальные 47 вакфов были созданы за 25 лет после составления описи.

⁴⁴ По данным Сучески, Хюсрев-бей оставил 1,2 млн акче на ростовщические операции, но в описи 1540 г. отмечено лишь 900 тыс. [Behija Z. Popis vakufa u Bosne iz prve polovine XVI vijeka // Prilozi za orijentalnu filologiju. Sarajevo, 1974. P. 130].

⁴⁵ Sućeska A. Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, II/1954, Sarajevo 1954. P. 354–355.

правен и знает чувство меры и известен среди людей своим хорошим поведением, а не лживостью и промедлением при отдаче долга. Чтобы не давать их [деньги] эмирам, вали, мюдеррисам, военным судьям, ни прочим воинам, ни владельцам тимаров, не надлежит [давать] людям, которые любят тратить или находиться в долгах, ни султанским рабам, ни тем, кто имеет намерение поживиться или обмануть, к какому бы сословию они ни принадлежали»⁴⁶.

Очерчивая круг людей, которые могут рассчитывать на получение ссуд и кредитов, основатель вакфа, как это видно из цитируемого отрывка, включил в него тех, кто прямо связан с экономической деятельностью в городе, но исключил практически всех представителей османской политической системы, поставив их в ряд с откровенными мошенниками, растратчиками и любителями легкой наживы. Подобное решение кажется парадоксальным: ведь сам Гази Хюсрев-бей был видным государственным чиновником. Однако в данном случае, при учреждении вакфа, он выступает перед нами в другом своем качестве — частного собственника, обладателя огромного состояния⁴⁷. Поэтому, заботясь о сохранении и приумножении завещанного потомкам богатства, он показывает свою заинтересованность в развитии хозяйственной жизни города. Несомненно, что политические соображения отступали на второй план перед социально-экономическими. Вряд ли можно сомневаться в том, что изменение ориентации в деятельности вакуфных учреждений оказало серьезное влияние и на отношения османских городов с центральной властью.

Подведем некоторые итоги. По сложившейся на мусульманском средневековом Востоке традиции османские султаны уделяли много внимания условиям жизни в городах. Учитывая их влиятельное положение в государственной системе, правители империи стремились создать максимально благоприятные условия для роста уже существо-

⁴⁶ *Sučeska A. Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, II/1954, Sarajevo 1954. P. 354–355.*

⁴⁷ Согласно описи 1540 г., вакф Хюсрев-бея имел ежегодный доход около 100 тыс. акче, из которых 90 тыс. давали ростовщические ссуды. Опираясь на тексты вакуфных грамот, Суческа утверждает, что санджакбей основал в Сараеве два вакфа: первый в 1531 г., когда он отказал в пользу построенной им мечети различное имущество, в том числе 12 млн акче наличными, и второй — в 1534 г., когда он завещал 1,2 млн акче деньгами на кредитные операции [*Sučeska A. Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, II/1954, Sarajevo 1954. P. 348.*]

вавших и возникновения новых городских поселений. Этот курс приобрел особое значение в XV–XVI вв., в период турецких завоеваний в Юго-Восточной и Центральной Европе, где города должны были стать центрами турецкой колонизации, распространения ислама и одновременно опорными пунктами для дальнейшей экспансии.

Важнейшим инструментом государственной политики, направленной на развитие городов, стали вакуфные учреждения. Их создание, по замыслам османских властей, должно было помочь решению сложных задач, стоящих перед Портой, — скорейшему освоению вновь захваченных территорий, созданию занятости и удовлетворению культурных и бытовых потребностей растущей массы горожан, преодолению внутренней разобщенности городского общества за счет духовного единения. Во имя достижения этих целей центральное правительство было готово пойти на значительные пожертвования в пользу вакфов, передав в их распоряжение различные доходы с крестьянского населения, сборы с городского имущества и таможенные пошлины.

Представляется, что в течение определенного времени (вероятно, до середины XVI в.) вакфы оправдывали ожидания государства. Они действительно способствовали росту городов, особенно заметному в XVI в., обеспечивали большой размах городского строительства, содействовали увеличению удельного веса мусульман среди городского населения. Однако по мере все более активного вовлечения вакуфных учреждений в хозяйственную жизнь, увеличения объема осуществляемых ими торгово-ростовщических операций их частнособственническая основа начинает проявляться все более явственно, толкая вакфы на освобождение из-под диктата государства. В то время как Порта в своей городской политике по-прежнему исходила из примата политических интересов, деятельность вакфов все больше определялась социально-экономической ситуацией. Можно предположить, что в этих условиях вакфы со временем перестанут быть эффективным орудием государственной политики в городах, а города — надежной основой султанской власти.

REFERENCES

1. *Abu-Lughod J.L.* Cairo: 1001 Years of the City Victorious. Princeton, 1971.
2. *Ayalon D.* The Muslim City and the Mamluk Aristocracy. Jerusalem, 1967.
3. *Barkan Ö.L.* H 933–934/1527–1528 Mali Yılına Ait Bir Bütçe Örneği // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XV. Sayı 1–4 (1955). S. 243–270.
4. *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Bir İskân ve Kolonizasyon Metodu Olarak Vakıflar ve Temlikler I, İskân Devirlerinin Kolonizatör Türk Dervişleri ve Zaviyeler // Vakıflar Dergisi. Sayı II. Ankara, 1942. S. 279–386.
5. *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda İmaret Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 239–296.
6. *Barkan Ö.L.* Quelques observations sur l'organisation économique et sociale des villes ottomanes des XVI et XVII siècles // Recueils de la société Jean Bodin. Bruxelles, 1955.
7. *Barkan Ö.L.* XV. Asrın Sonunda Bazı Büyük Şehirlerde Eşya ve Yiyecek Fiyatlarının Tesbit ve Teftişi Hususlarını Tanzim Eden Kanunlar // Türk Tarih Vesikaları. Cilt 1. Sayı 5 (1942). S. 326–340.
8. *Barkan Ö.L., Ayverdi E.H.* İstanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli. İstanbul, 1970.
9. *Behija Z.* Popis vakufa u Bosne iz prve polovine XVI vijeka // Prilozi za orijentalnu filologiju. Sarajevo, 1974. T. 20–21.
10. *Beldiceanu N.* Recherche sur la ville ottomane au XV siècle, Etudes et actes. Paris, 1973.
11. Bukhara Waqf of the 13th century (Facsimile. Edition of the Text, Translation from Arabic and Persian, Introduction and Commentary by A.K. Arends, A.B. Khalidov, O.D. Chekhovich). [Bukharskiy vakf XIII v. (Faksimile. Izdaniye teksta, perevod s arabskogo i persidskogo, vvedeniye i kommentariy A.K. Arends, A.B. Khalidova, O.D. Chekhovich)]. Moscow, 1979.

12. *Elezović G.* Turski spomenici. Kjb I. Beograd, 1940.
13. *Güçer L.* XVI–XVII. asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda hububat meselesi ve hububattan alınan vergiler. İstanbul, 1964.
14. *Hadžijabić M.* Neki tipovi povlaštenih gradova u turskom feudalizmu. Beograd, 1974.
15. *Hoffmann G.* Kommune oder Staatsbürokratie. Zur politischen Rolle der Bevölkerung syrischer Städte vom 10. Bis 12. Berlin, 1975.
16. *Inalcik H.* Impact of the Annales School on Ottoman Studies and New Findings [with Discussion] // Review (Fernand Braudel Center). Vol. 1. No. 3/4. The Impact of the «Annales» School on the Social Sciences (Winter-Spring, 1978). P. 69–99.
17. *Inalcik H.* The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City // *Dumbarton Oaks Papers* Vol. 23/24 (1969/1970). P. 229–249.
18. *Köprülü F.* Ribât // *Vakıflar Dergisi*. Sayı II. Ankara, 1942. S. 267–278.
19. *Köprülü F.* Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihî Tekâmülü // *Vakıflar Dergisi*. Sayı II. Ankara, 1942. S. 1–35.
20. *Kreševljaković H.* Gradska privreda: esnafi u Bosni i Hercegovini (od 1463 do 1851) // *Godišnjak Istoriskog Društva Bosne i Hercegovine*. T. I (1949). P. 168–209.
21. *Mandaville J.E.* Usurious Piety: The Cash Waqf Controversy in the Ottoman Empire // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 10 (1979). P. 289–308.
22. *Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siècle. Essai d'histoire institutionnelle, économique et sociale. Paris, 1962.
23. *Middle Eastern Cities: A Symposium on Ancient, Islamic, and Contemporary Middle Eastern Urbanism.* Edited by I.M. Lapidus. Berkeley – Los Angeles, 1969.
24. *Mutafchieva V.* Agrarian Relations in the Ottoman Empire, the 15th – 16th Centuries [Agrarnite otnoshenija v Osmanskata imperija, XV–XVI v.]. Sofia, 1962.
25. *Pixley M.* The Development and Role of the Şeyhülislam in Early Ottoman History // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 96. Issue 1 (1976). P. 89–96.
26. *Sokoloski M.* Le developpement de quelques villes dans le sud des Balkans au XVe et XVIIe siecles // *Balkanica*. Vol. 1 (1970). P. 81–106.
27. *Sučeska A.* Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // *Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu*, II/1954. Sarajevo 1954. P. 343–379.

28. The Islamic city: a colloquium [held at All Souls College, June 28 — July 2, 1965] published under the auspices of the Near Eastern History Group, Oxford, and the Near East Centre, University of Pennsylvania. Edited by A.H. Hourani and S.M. Stern. Oxford, 1970.
29. *Todorov N.* Balkan city of the 15th — 19th Centuries. Socio-economic and demographic development [Balkanskiy gorod XV–XIX vv. Sotsial'no-ekonomicheskoye i demograficheskoye razvitiye]. Moscow, 1976.
30. *Tveritinova A.S.* Some Remarks on the Significance of Waqf Landownership in the History of the Ottoman Empire in Connection with the Publication of the Waqf Charter Khani-Khatun [Nekotoryye zamechaniya o znachenii vakufnogo zemlevladieniya v istorii Osmanskoy imperii v svyazi s publikatsiyey vakufnoy gramoty Khani-khatun] // Written Monuments of the East. Historical and Philological Research. Yearbook 1970 [Pis'mennyye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskiye issledovaniya. Yezhegodnik 1970]. Moscow, 1974. P. 134–149.
31. *Vesela-Prenosilova Z.* Quelques remarques sur l'évolution de l'organisation urbaine en Empire Ottoman // Archiv Orienteini. Vol. 42. No. 3 (1974). P. 200–224.

Ключевые слова:

Османская империя, Турция, вакфы, исламские институты, модернизация

Mikhail S. Meyer

THE ROLE OF WAQFS IN THE DEVELOPMENT OF THE OTTOMAN CITIES IN THE 15TH — 16TH CENTURIES

Based on the rich primary sources from the Anatolian and Balkan provinces the paper analyzes specific economic and social structures in the Ottoman cities, activities of waqf charitable and commercial institutions and the modes of interaction between state authorities and extensive network of waqfs. For a long time waqfs used to be the most important instrument of state policy aimed at the development of cities, to which the Ottoman sultans, like their predecessors – Arab, Seljuk and Mongol rulers of the Middle Eastern empires – paid a lot of attention. The Ottoman authorities considered the establishment of an extensive waqf network as an effective means of handling complex tasks – such as the rapid development of the newly conquered territories, the creation of working places, satisfaction of both cultural and daily needs of the growing mass of urban dwellers and alleviation of the internal fragmentation common to urban society by forming a spiritual unity. In pursuit of these objectives the Ottoman central authorities made significant donations in favour of waqfs, placing at their disposal the income from the peasant population, fees from city property and customs duties. Until the mid-16th century waqfs generally met the expectations of the Ottoman sultans. Waqfs contributed to the growth of cities, especially noticeable in the 16th century, provided a large scale of urban construction, and contributed to the growth of Muslims population in the Ottoman cities. However, with the growing involvement of waqf institutions in the economic life, the rising volume of trade and usury operations carried out by waqfs, the inherent private property basis of the waqf institution began to manifest itself more clearly, pushing waqfs to liberate themselves from the dictates of the Ottoman state. While the Ottoman sultans in their urban policy still proceeded from the primacy of political interests, the activities of waqfs became increasingly determined by the socio-economic conjuncture. Eventually waqfs ceased to be an effective tool of state policy in the cities, while the cities were no longer a reliable basis of the sultans' power.

Key words: the Ottoman Empire, Turkey, waqfs, Islamic institutions, modernization.

Mikhail S. Meyer – D.Sc. (History), Professor, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

 Мейер Михаил Серафимович (1936–2022)

доктор исторических наук, профессор, президент Института
стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Ю.А. Осипов

К ИСТОРИИ ОБРАЗА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ТОРОПЕЦКАЯ»

В начале ноября 2019 г. в наш сельский храм пришла Быкова Елена Владимировна и принесла автору этого письма большую аналойную икону, попросив провести экспертизу и дать предварительное заключение о состоянии сохранности образа и возможности проведения реставрационных работ. Всех сразу поразила цельность образа, несмотря на некоторые утраты. Получив благословение на труды от настоятеля нашего храма, я приступил к делу. Работа с архивами, иконографическими сведениями и публикациями на тему «Образ иконы Божией Матери «Торопецкая»» сразу же дала обилие интереснейших материалов, связанных с историей бытования иконы на нашей земле. Исторические свидетельства появления на Руси иконописного образа Божией Матери «Торопецкая» («Эфесская», «Корсунская», «Полоцкая») уходят в глубокую древность, когда в Северо-Западной Руси обосновалась младшая ветвь Рюриковичей. История эта началась в Полоцке. Как известно, князь Владимир Святославич отдал Полоцк своей жене Рогнеде и своему младшему сыну Изяславу, который и стал родоначальником полоцких князей.

В исландских сагах существует упоминание о крещении полоцких земель в Гардарике, но признанными письменными свидетельствами

о проникновении христианства в древнерусские земли остаются следующие упоминания: при апостоле Андрее, при Кирилле и Мефодии, при патриархе Фотии, при княгине Ольге. Затем уже следует принятие христианства в качестве государственной религии при князе Владимире.

Одна из наиболее значительных храмовых построек — Святая София Полоцкая — создается в первой половине XI в., почти вслед за возведением соборных храмов Софии Киевской и Софии Новгородской. Все эти храмовые монастырские комплексы, как показали многолетние исследования ученых — археологов и архитекторов, сходны по древнерусской манере строительства с использованием в кладке природных камней валунов, плинфы и раствора цемьянки, что позволило ряду ученых предположить наличие в этот период в Киевской Руси хорошо слаженных в работе строительных артелей. А древнерусские имена некоторых мастеров-строителей были найдены в эпиграфике на закладных камнях собора Софии Полоцкой.

Расцвет дальнейшего монастырского строительства в Полоцке, как и деятельности иконописных, златошвейных и ювелирных мастерских, связан с трудами полоцкой княжны монахини Евфросинии, дочери полоцкого князя Святослава-Георгия. Начало ее трудов было положено появлением в Полоцком княжестве Эфесского образа Божией Матери, который был привезен ее попечением из Константинополя около 1157 г. В 1155 г. дальняя родственница правящей династии Комнинов игуменья Спасо-Преображенского полоцкого монастыря Евфросиния посылает византийскому императору Мануилу I Комнину и патриарху Константинопольскому Луке Хрисовергу дары своего монастыря и прошение о даровании обители святого образа Божией Матери Эфесской.

Эфес — город, который имеет особое значение в истории христианства. Его посещала, как гласит церковное Предание, сама Богородица. Здесь она виделась с апостолом Иоанном Богословом. В Эфесе апостол жил и здесь же умер в глубокой старости. На месте его захоронения был построен храм его имени, в котором проходил Третий Вселенский (Эфесский) Собор. Отсюда, по благословию патриарха Луки и велению императора Мануила I, список с образа Одигитрии Эфесской был отправлен сначала в Константинополь, для получения патриаршего благословения и грамот, затем в Корсунь (Херсонес), где когда-то крестился князь Владимир, чьей праправнучкой была игуменья Евфросиния, а затем и в Полоцк. Образ был торжественно встречен и помещен в храме Всемилоственного Спаса в 1157 г.

Здесь стоит обратить внимание на сам храм, а точнее на его реконструкцию, выполненную архитектором-реставратором В.В. Ракицким

на основе летописных свидетельств и археологических изысканий. Особенно примечательны наиболее ранние на Руси элементы архитектурного завершения кровли в виде двойных килевидных кокошников и ранних, шлемовидный купол. Время создания храма, возведенного мастером Иоанном по благословию Евфросинии, — 1140-е гг. — 1161 г. Год 1161-й точно соответствует и времени создания воздвизального Креста Евфросинии мастером Лазарем Богшей, о чем есть упоминание в эпиграфике на самом кресте. Икона «Одигитрия» Эфесская, привезенная Евфросинией в 1156–1157 гг. в Полоцк из Константинополя, пробыла в этом храме до 1239 г., когда была отправлена для венчания полоцкой княжны Александры и князя Александра Ярославича в Торопец в храм Святого Георгия Победоносца. В нем она и оставалась весь период католического пленения этих земель. Крест прп. Евфросинии Полоцкой ввиду этих же обстоятельств был сначала перенесен в Смоленск, а затем великий князь Василий III перенес его в Москву.

В 1563 г. царь Иоанн IV Грозный начал Ливонский поход и взял с собой Крест прп. Евфросинии и Донскую икону Божией Матери из Успенского собора Коломны. Взяв Полоцк, Иоанн IV возвращает чудотворный образ в Спасо-Евфросиниевский монастырь Полоцка. Дальнейшая историческая судьба Полоцка и его храмов будет связана с завоеванием этих земель Стефаном Баторием. Спасо-Преображенский храм будет возвращен православной общине города только в 1832 г. Следует отметить, что реставрационные работы, начатые в начале 90-х гг. прошлого века и продолжающиеся по сей день, дали уникальный материал ранних фресковых росписей XII в., открыли раннее основание храма. В помещении древней церкви, в подклете, который является криптой этого храма, было найдено захоронение, предположительно, князя Георгия, отца прп. Евфросинии.

Теперь же следует рассказать, как образ иконы Божией Матери «Эфесской» стал и образом иконы Божией Матери «Торопецкой» и о самом княжестве. Княжество Торопецкое, граничащее с Полоцким, было обширно и всегда дружелюбно соседям настолько, что некоторые князья находили там пристанище после ухода с родных земель в силу сложных причин престолонаследия, а позднее и натиска на их земли соседних воинственных племен. И здесь следует сказать о географии и топонимике Торопецких земель. В конце VII в. славяне-кривичи стали заселять земли в верхнем течении Западной Двины и на ее притоке — реке Торопе, находившихся на пути «из варяг в греки». Наиболее многочисленным стало поселение Кривитеск, ставшее позднее Торопцом — главным городом союза волостей, первое упоминание о котором встре-

чается в Ипатьевской летописи за 1074 г. В XII в. образуется Торопецкое княжество и правят в нем поначалу смоленские князья Ростиславичи. В 1168 г. Торопецкое княжество пытается отнять у Мстислава Ростиславича Храброго его брат Ростислав, о чем есть летописное свидетельство. После смерти князя Мстислава Храброго княжение переходит к его сыну Мстиславу Мстиславичу. В 1215 г. князь Ярослав Всеволодович женился на дочери князя Торопецкого Мстислава Мстиславича. В 1239 г. в Торопце будет венчан его сын Александр (Невский) с полоцкой княжной Александрой, дочерью князя Брячислава Васильковича, а благословлены они будут Эфесским образом Матери Божией, привезенным из храма Всемилоственного Спаса (ныне Спасо-Преображенский храм Полоцка). Венчание проходило в самом старом храме Торопца — Святого Великомученика Георгия, который стоял в детинце. Княжна Александра родит князю Александру четырех сыновей, из которых младший, Даниил Александрович, станет родоначальником московской ветви Рюриковичей, ее князей и царей. Летописные свидетельства тому имеются в летописях Новгородской Первой и Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря: «1239 (6747) Перенесение Эфесской иконы Пресвятой Богородицы в Торопец по случаю браковенчания Благоверного Великого князя Александра Невского с Полоцкой княжной Александрой».

Сам же Торопец переживал бурные годы своей истории. Опасность исходила подчас не только от внешних врагов, но и от «охочих» людей, своих же торопчан, купеческих и торговых сословий, которые еще при жизни преподобной Евфросинии, пользуясь вечевым правом, начали перебирать тех, «кому дадим, али нет, владети нами». Неспокойно было и между князьями. В 1239 г., как пишет Первая Новгородская летопись, «нехотя исперва окаянный всепагубный дьявол роду человечьскому добра, въздвиже крамола межи Русьскими князи, да быша человьци не жили мирно, о томъ бо ся злыи радусть кровопролитію крестьянску...». Внешние угрозы также продолжали расти. Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский, уже поучаствовавший в войне с Великим княжеством Литовским за Смоленск, укрепляет многие пограничные города, чему последует и Александр Ярославич. Они не приняли участия со своими полками в битвах с ратью Батыя, не смогли противостоять разорению множества русских городов. Но судьба уготовила Александру Невскому иные подвиги. Перед каждой битвой он молился со своей дружиной в Софии Новгородской, а образ Божией Матери Эфесской благословлял его рать.

Одна из битв — Торопецкая — менее всего известна. Русь, ослабленная Батыем и княжескими усобицами, подверглась нападению литов-

ских князей. Когда Александр Невский узнал, что литовские князья дошли до Торжка и Бежецка и уже возвращались, взяв добычу и пленных, с новгородской ратью поспешил на помощь. Литовцы засели в Торопце. Город был взят Александром, а восемь литовских князей и множество их ратников погибло. Князь Александр преследовал оставшиеся литовские силы и разбил их у озера Жизца. Литовцы были искушены в обходных маневрах и снова двинулись к Усвяту, но вновь были разбиты. Избавление от захватчиков было отнесено к заступничеству иконы Богоматери: «Хотяше полки сильных воинов литовских град Торопец пленити, огню и мечу землю нашу предати, и веру православную в ней разорити, обаче преславым заступлением Твоим, Пречистая Владычице, даровала еси благоверному князю Александру Невскому помощь, и град Твой от разорения чудесно спасла еси». На этот раз Александр Невский со своей дружиной молился после битвы в храме Святого Георгия Победоносца у иконы Божией Матери Эфесской. С этого момента она стала называться и Торопецкой. Она стала одной из самых известных и почитаемых святынь России.

В 1667 г. царь Алексей Михайлович начинает строительство своего дворца в селе Коломенском, приглашая к трудам лучших мастеров со всех земель, русских и иноземных. В первую очередь потрудились там его кормовые иконописцы и мастера палатного письма и стенописи. Алексей Михайлович не только хорошо знал историю обретения святыни, образа Божией Матери Эфесской — Корсунской — Полоцкой — Торопецкой, но и сам бывал в краях служения преподобной Евфросинии Полоцкой. После того как русские войска освободили Полоцк и была восстановлена православная кафедра, он лично участвовал в переосвящении древнего Спасо-Преображенского храма в 1656 г. А со святыни полоцкой, иконы Одигитрии Эфесской, которая тем временем хранилась во вновь устроенной Соборной церкви Пречистой Богородицы Корсунской в Торопце, царь Алексей Михайлович повелевает своему кормовому иконописцу Григорию Абрамову сделать список для келейного дворцового обихода, что мастер весьма исправно и сделал. Об этом говорит полное совпадение манеры письма и надписей Торопецкой иконы Божией Матери и подписной костромской иконы 1703 г. этого мастера — «Феодоровская».

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Следующий номер
«Исторического вестника»
будет посвящен
общеисторической тематике.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке